

В. П. ШУЩАРИН

**КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА
1514 года В ВЕНГРИИ**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

В. П. ШУШАРИН

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА 1514 года В ВЕНГРИИ

Москва 1994

**При содействии Министерства образования и культуры
Венгерской Республики**

Ответственный редактор
доктор исторических наук Т.М.ИСЛАМОВ

Рецензенты:
академик Венгерской Академии наук ЭМИЛЬ
НИДЕРХАУЗЕР

кандидат исторических наук доцент Т.П.ГУСАРОВА

кандидат исторических наук А.В.ГОРИЗОНТОВА

КНИГА ИЗДАНА ПРИ СОДЕЙСТВИИ МИНИСТЕРСТВА
ОБРАЗОВАНИЯ
И КУЛЬТУРЫ ВЕНГЕРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ШУШАРИН В.П.
Крестьянская война 1514 года в Венгрии.
М., 1994. - с.255

В монографии впервые в историографии выявлены по всей совокупности изданных и неопубликованных источников социально-экономические и внутривойсковые предпосылки возникновения крестьянской войны 1514 г. в королевстве Венгрия. Осуществлена классификация памятников по истории войны. По документам (грамотам и письмам современников) воссозданы основные этапы войны, духовная *ее сторона (социальная психология участников). Установлена степень достоверности сочинений авторов второй половины XVI-XVII вв. по истории крестьянской войны 1514 г. - выдающегося события в жизни народов Центральной Европы. Предназначена для широкого круга историков-медиа-вистов и читателей, интересующихся историей.

ББК

© Шушарин В. П., 1994

МОНОГРАФИИ

доктора исторических наук

Владимира Павловича Шушарина

(род. 1924)

1. Крестьянское восстание в Трансильвании (1437 - 1438 гг.). Москва, «Наука», 1963, 226 с.
2. Современная буржуазная историография Древней Руси. Москва, «Наука», 1964, 304 с.
3. История Венгрии. Т. 1. (в соавторстве с Ю. К. Колосовской, Ю. В. Бромлеем, Я. И. Штернбергом). Москва, «Наука», 1971 (с. 87 - 426, 503 - 618).
4. Ранний этап этнической истории венгров (Проблемы этнического самосознания). Москва, Институт информации по общественным наукам Российской Академии Наук, 1990 (депонент № 42891, 24.09.1990), 933 с.
5. Венгерский народ в XV - XVI вв. Тт. 1 - 3. Москва, Институт информации по общественным наукам Российской Академии Наук, 1990 (депонент № 42057, 8.06.1990), 1454 с.
6. Краткая история Венгрии. С древнейших времен до наших дней (в соавторстве с Т. М. Исламовым и А. И. Пупкашем). Москва, «Наука», 1991 (с. 9 - 133).
7. Крестьянская война 1514 года в Венгрии. Москва, при содействии Министерства культуры и образования Венгерской республики, 1994, 253 с.

V. P. SUSÁRIN

PARASZTHÁBORU 1514-BEN MAGYARORSZÁGON

Moszkva, 1994

A Magyar Köztársaság Művelődési-és kulturális
Minisztériumának közreműködésével

ОТ АВТОРА

История крестьянской войны 1514 г. в королевстве Венгрия давно привлекает внимание историков, писателей, деятелей искусства. Память о ней сохранялась в течение веков в историческом самосознании венгерского народа. Следуя традициям нашей медиевистики, я предпринял попытку воссоздать социально-экономические предпосылки войны (главные причины ее возникновения), внутри- и внешнеполитическую обстановку перед 1514 г. и, естественно ход крестьянской войны (ее динамику), а также духовную сторону этого движения. Такие задачи определили структуру исследования. Изучение указанных вопросов на основе всей совокупности известных к настоящему времени источников позволяет подойти к выяснению причинно-следственных связей процессов и событий, а также проверить обоснованность утверждений и описаний, встречающихся в сочинениях историков и писателей XVI-XX вв.

Указанную попытку решаюсь считать первой в этом роде, поскольку не умаляя значения прежде всего работы Габора Барты, воссоздавшего по документальному материалу (исследование которого позволяет отвергнуть многие положения историков, восходящие к описаниям авторов XVI-XVII вв.) ход крестьянской войны [365. с. 60-252]. Основное требование профессионального подхода к изучению источников обусловило их прочтение с учетом современного уровня исследования, достигнутого в результате труда целых поколений венгерских историков.

ГЛАВА 1

Социально-экономическое, внутривнутриполитическое развитие и внешнеполитическое положение королевства Венгрии (вторая половина XV- первая четверть XVI вв).

Основным населением королевства Венгрии в XV -первой четверти XVI вв. было крестьянство. Данные о приросте населения с полным правом можно отнести главным образом к этому классу: в 30-х годах XV в. в королевстве насчитывалось около 3 млн. чел., в конце XIV - начале XV в. - предположительно около 2 млн., в середине 90-х годов XV в. -3,5 - 4 млн. чел. При этом известно, что горожане составляли 2% населения (подробнее см. с. 52). Среди горожан ремесленники, не связанные с земледелием, составляли лишь 17-30% или 20-25% общей массы горожан.

Развитие производительных сил в сельском хозяйстве было приостановлено также примерно в это время; признается, хотя и с известным преувеличением, что в XIV- первой половине XV в. они находились примерно на одном уровне со странами Западной Европы. В земледелии господство переложной системы сохранялось в течение XIV-XV вв. Трехполье начали применять на рубеже XIII - XIV вв., но всеобщего распространения в течение всего средневековья оно не получило. Судя по вполне определенным данным, в земледелии применяли соху, тождественную так называемой тяжелой сохе Западной Европы. Некоторый рост производительности труда достигался не за счет развития орудий производства, а в результате улучшения организации труда. Особенно ярко это отражалось в совершенствовании скотоводства, огромный удельный вес которого был характерной чертой сельского хозяйства королевства (специализация отдельных

районов, интенсификация сенокосения, выделение рыбоводства и пчеловодства), а также в виноградарстве. Почти все отрасли сельского хозяйства производили продукцию в количествах, обеспечивающих продажу ее части сверх собственного потребления на внутренних местных рынках. Прогресс земледелия в XIV в. проявлялся в замене проса пшеницей и рожью, росте производства ячменя и овса, конопли и льна, овощей.

С XIII в. известна категория деревенских ремесленников. Появление новых видов деревенского ремесла, его специализация (например, выделение профессий изготовителей винных бочек, тележечников) свидетельствовали о развитии ремесленного производства в деревне.⁸ Все это приводило к изменению характера сельских поселений, среди которых в XIII-XIV вв. появляются так называемые местечки, "аграрные города" - крупные деревни с рынками и наличием ремесленников. Их жители имели некоторые привилегии, но сохраняли статус феодально зависимых крестьян. В XV в. в стране насчитывалось около 800 местечек.

Венгерское крестьянство населяло значительную часть (но не всю территорию) королевства: Большую Среднедунайскую низменность, прилегающие к ней предгорья (до границы буковых лесов) и лесные долины склонов Карпат и Трансильванского плато. Этническая территория венгров тесно соприкасалась с ареалами расселения других народов, входивших в состав королевства Венгрия - словаков, хорватов, немцев (в комитате Сепеш-словак. Спиш и в воеводстве Трансильвании). На порубежьях проживания народов королевства существовали зоны, населенные смешанно венграми и словаками, венграми и хорватами. Старовосточнороманский этнос влахов (предков современных румын) обитал в восточных комитатах королевства вместе с венграми и немцами, не имея отдельной этнической территории. Таково же было положение сербов. массовое переселение которых в южные комитаты началось во второй половине XV в.

Объектом моего изучения является венгерское крестьянство. Эволюция хозяйственного и правового статуса крестьянства указанных пеленгерских народов нашла отражение в значительной части тех источников, по которым воссоздается история венгерского крестьянства. Особенно это касается актов государственной власти. Однако нахождение отличий этой эволюции - особая задача, выполнение которой выходит за рамки данной работы.

1. Ухудшение положения венгерского крестьянства во второй половине XV- первой половине XVI вв.

Попытаемся проследить эволюцию венгерского крестьянства в интересующее нас время по свидетельствам источников (конечно, с использованием всех достижений историографии). Необходимость этого продиктована отсутствием работ, где содержался бы полный учет данных всех имеющихся источников - этот факт общепризнан. В частности, в новейшей работе Ференца Сакая о крестьянской войне 1514 г. говорится о невыясненности в настоящее время причин войны: "Однако мы пока не знаем, действительно ли (события 1514 г.), предшествовало ухудшение положения крестьян, или же крестьяне к тому времени поняли, что им грозит это ухудшение" [557, с. 151].

Различные аспекты положения венгерского крестьянства нашли отражение в многочисленных документах, сохранившихся, несмотря на бурные события XVI-XVIII вв., в архивах Венгрии: предположительно за 1000-1526 гг. их насчитывается около 150 тыс. [392, с. 305], в том числе в Государственном Архиве Венгрии - более 104 тыс. [451, с. 7, 32]. Основная масса документов относится к изучаемому времени. Значительное их количество, репрезентативно, на мой взгляд, отражающее действительность, опубликовано в изданиях семейных, комитатских, церковных собраний [их библиогр. см.: 451, т. 1, с. 10-20; т. 2, с. 41-45]. Свидетельства по социально-экономической истории XV- начала XVI в. собраны в особой рукописной коллекции Института истории Венгерской академии наук [153]. Я благодарен за предоставленную мне возможность изучать эту коллекцию.

Основными источниками по хозяйственному положению крестьянства Венгрии являются описи новинностей жителей отдельных имений или деревень - урбарии [эволюцию этого вида документов ко второй половине XV в. см.: 477, с. 119-121]. Урбарии позволяют выяснить вес каждого вида феодальной ренты в повинностях крестьянина, а также степень обеспеченности крестьян наделами и скотом, долю безземельного или малоземельного крестьянства в общей его массе. Сопоставление свидетельств за ряд лет различных урбариев, относящихся к различным районам страны, проясняет

тенденции изменений феодальной ренты, преодолев таким образом их недостаток - локальность.

В распоряжении исследователей аграрных отношений изучаемого времени имеются урбарии, в которых содержатся данные об имениях различных категорий владельцев во всех областях страны [54-111]. Больше всего сохранилось урбариев из имений светских магнатов (55), 11 характеризуют положение крестьян церковных имений, 6 - королевских, 5 - феодальных владений городов. Урбарии дают представления об имениях, расположенных почти во всех комитатах королевства.

При изучении урбариев я исхожу из того, что объективный процесс эволюции ренты являлся результатом действия двух противоположных субъективных факторов: стремлений землевладельцев и ответа, реакции на них крестьян. Последняя, в свою очередь была в значительной степени обусловлена объективными возможностями крестьянского хозяйства выполнять требования феодалов. Для выяснения причин обострения классовой борьбы, возникновения крестьянской войны 1514 г. следует прежде всего определить соотношение требований феодалов (т.е. конкретно, в чем выражался их нажим на крестьянство) с указанными возможностями. Это и даст представление о степени остроты противоречий в сфере социально-экономических отношений, которые привели к выстулению крестьян.

Следовательно, при изучении урбариев нужно обратить внимание в первую очередь на их свидетельства о качественных и количественных изменениях требований землевладельцев и о той степени, в которой эти требования исполнялись крестьянами. Поэтому я выделяю в особую группу урбарии, содержащие такого рода свидетельства. При этом, естественно, мною используются результаты работы ученых (Пала Жигмонда Паха, Ференца Матшай), которые обратили внимание на данные урбариев о различных формах ренты [504, с. 47-49, 54, 55, 58, 61, 62,63,66,69,72,74; 508, с. 280, 283, 289, 290; 54, 57,61,64,68,69,74,75,76,78,79, 84,85,86,89,93,94,100,102,103,109,111; 478, с. 9, 43, 44, 75], а также определили степень обеспеченности крестьян наделами [Иштван Сабо: 552, с. 168-172, 190-192]. Сказанное относится и к изложению Давидом Проданом сведений памятников, тексты которых иногда были мне недоступны [522, с. 1-6, 24-28, 92, 95].

Кроме урбариев, сельскую жизнь Венгрии характеризуют другие документы. Территорию двух комитатов охватывает опись десятины 1522 г., позволяющая судить о многих сторонах жизни населения деревень и местечек [135]. Известия о состоянии господского хозяйства содержатся в инвентарях [153: 151, 36987; здесь и далее цифра перед двоеточием обозначает номер позиции в разделе "Сведения об источниках", после двоеточия - номер библиографического описания в разделе "Издация источников"], в хозяйственных распоряжениях феодалов, светских [187] и церковных [изложение: 473]. Уникальными источниками являются счетные книги крупных церковных имений: эстергомского архиепископства [48], эгерского епископа [50], дьерского капитула [211].

Интересные данные об отношениях городского патрициата с окрестными деревнями сохранились в архивах городов северных комитатов королевства (терр. совр. Словакии) [212, 213]. Исследованы неизданные счетные книги одного из городов [420].

Об условиях развития внутренней торговли можно судить по сохранившимся в отдельных комитатах описям мест сбора пошлин (мыг) [Тексты и излож. свидетельств: 433]. Соотношение экспорта и импорта во внешней торговле середины XV в. отразил неизданная книга сбора пошлин в городе Пожони (словац. Братислава) [излож. свидетельств: 460]. Отдельные памятники по истории внешней торговли говорят о выгоне в это время за рубеж скота [тексты свидетельств: 584, 217, с. 438-442].

О фактическом поступлении денежной ренты можно судить в частности, по подсчетам доходов и расходов отдельных представителей класса феодалов [49:125]. Ценным источником являются описи налогов [51 : 393, ч. 1; 139].

Социальная политика феодального государства, его отношения с различными слоями венгерского общества нашли выражение в законодательных памятниках [162,с.337-853; о законах Матьяша как историческом источнике: 447].

Значительную ценность представляет юридический памятник - свод (уложение) венгерского феодального права - Трипартитум [11:34]. Обычно подчеркивается значение труда Вербеди в формулировании идеологии дворянства, стремившегося уравнивать себя с магнатами. Историки права исследовали Трипартитум как запись юридических норм, действовавших в позднее средневековье в Венгрии и Хорватии [библиогр. изд. и исслед.: 452,

т. 1, с. 192-194]. Но Трипартигум важен и как исторический источник, обобщивший нормы, которые действовали в Венгрии к первому десятилетию XVI в. - моменту его составления, обстоятельства которого достаточно выяснены. Необходимость кодификации действующего права назрела к концу XV в. Законом 1498 г. (ст.6) эта работа была поручена протопотарию Адаму Хорвату [162,с.598], а декретом 1500 г. (ст.10) - дворянам-заседателям королевского суда [162,с.702]. Иштван Вербеци приступил к составлению Трипартигума после принятия постановления 1504 г., подтвержденного в 1507 г. (ст.20), о возложении на него этой задачи [162,с.702]

Уложение было плодом десятилетнего труда, в ходе которого были записаны сложившиеся к началу XVI в. нормы и, таким образом, подведены итоги развития права, которые закрепляли существовавшие к тому времени социально-экономические отношения. Поэтому Трипартигум является ценным источником для их выяснения. Трипартигум был представлен комиссии Государственного собрания (октябрь-ноябрь 1514 г.), одобрен королем, но не разослан комитатским собраниям в качестве законодательного акта. В 1517 г. в Вене вышло его первое издание. До середины XIX в. им руководствовались феодальцы как законом, освящавшим их господство. Известно 51 издание Трипартигума. Уложение было переведено на венгерский (1565) и хорватский (1574) языки.

Одним из видов источников являются формулярии - сборники формул, применявшихся при составлении грамот в королевской канцелярии [1476,1490-1516, 1490-1526 гг.: 160, с. XXVIII - XXIX, 155, 472], и так называемый Ясоварский формулярный Миклоша Олаха конца XIV - начала XVI в. [описание памятника: 529; 174, с. 129]. Это близкие к юридическим памятники: формулы отражали постоянно существующие, оформившиеся связи и отношения.

В изучаемую эпоху Венгрия вступила с высоким уровнем развития сельского хозяйства. Венгерская деревня производила и поставляла на местные рынки скот (лошадей, волов, быков, коров, свиней, овец, телят), вино, сыр, жир, шерсть, хлебные злаки, овес, мед и воск, а также рыбу (свежую и соленую) и сено. Все эти продукты перечислены, в частности, в тарифе пошлин, взимаемых на рынке города Надварда (рум. Орадя Марс) [10 сентября 1478 г.: 279, т. 1, с. 14-15]. (См. также исслед. Иштвана Сабо и Дьёрдя Секея и их обобщение результатов предшеств. разысканий по отдельным проблемам развития производительных

сил в сельском хозяйстве королевства Венгрия второй половины XV - первой четверти XVI в. [549; 560; 561]).

Состояние сельского хозяйства высоко оценивалось современниками. О наличии больших количеств скота сообщал папский нунций [18]. С восхищением говорил о трансильванских конях француз, побывавший в королевстве Венгрия в 1502 г. [22: 306, с. 97]. Об изобилии в королевстве зерна, скота и вина писал хронист [4: 122, т. 1, с. 10; т. 3, с. 21; т. 4, с. 11]. На это же обращал внимание венецианский посол при венгерском дворе [21: 299, с. I-II; см. также: 296, с. 92]. Наряду с этим современники отмечали бедственное положение крестьян (см. их оценки на с. 41-42). Но от их взоров ускользнули те глубинные процессы, о которых современные исследователи узнали, изучив совокупность известных в наше время памятников.

Современным исследователям известен ряд явлений, побуждающих признать факт изменений, которые претерпело не только сельское хозяйство, но и вся экономика страны в изучаемое время. Они выразились в приостановке её поступательного развития, в упадке городов, что было связано с началом перехода феодалов к производству продукции сельского хозяйства для продажи. Одним словом, созрели предпосылки для утверждения в последующее время барщинно-крепостнической системы, т.е. того явления, которое Ф. Энгельс применительно к Германии восточнее Эльбы назвал "вторым изданием крепостничества" [Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. т. 5, с. 105, 107]. Относительно времени его предпосылок существуют две точки зрения. Одни исследователи датируют их только концом XV в. [504, с. 74, 136; 561, с. 333-336], другие - серединой XV в. [474, с. 35; 579, с. 97, 123, 127, 129]. Для решения данной проблемы требуется наряду с уточнением понимания основных теоретических вопросов (в частности, определения сущности товарного производства), а также методики исследования памятников (в особенности урбариев) принять во внимание по возможности весь комплекс фактического материала, отразившего процесс социального развития королевства Венгрия.

О повинностях крестьян в пользу вотчинников (светских и церковных) можно судить по многочисленным урбариям. Рассмотрим их данные, относящиеся к концу изучаемого периода, так как в них отражены результаты процессов предыдущего времени. И главное, в одном из документов [110] указаны не только размер повинностей, но и их фактическое исполнение.

Ряд хозяйственных документов замка Хуньяд (рум. Хунедоара) в комитате Крашшо, принадлежавшего магнату, герцогу Георгу Бранденбургскому, дает представление о ренте его многочисленных крепостных (их насчитывалось всего 1642 души). Они проживали в шести месечках и 122 имениях [96: 237, т. 3, с. 505; 233].

Урбарий начала XVI в. перечисляет повинности жителей трех округов при замке Хуньяд: Бозор, Моноштор и Судья. Основную массу феодальной ренты здесь составляли поставки натурой зерном, вином, скотом (свиньями, быками), окороками, хлебами, яйцами, лесом. Все это взымалось и с каждого крестьянина в отдельности, и с каждой деревни, и с каждого округа. Денежная рента составляла 1 флорин с человека в округе Бозор и половину флорина в двух других округах. Кроме того, всюду дополнительно взымалось по 33 денария с деревни, а также предусматривалась замена некоторых мелких натуральных поставок денежными платежами: в одних случаях это был "выкуп" свиньи (2 денария с человека), в других - пива (1 денарий с деревни и 1 с человека) [80; 237, т. 3, с. 505-506; 233, с. 150-152, N29]. Появление этих "выкупов" в двух округах Бозор и Моноштор свидетельствовало о стремлении феодала к увеличению своих денежных доходов.

В заклпочительной части урбария отмечается, что "раньше" крестьянин выплачивал ценз в 1 флорин (дважды по полфлорина), но это было "незаконно". Речь идет, следовательно, о повышении денежной ренты в недалеком прошлом. Новому владельцу удалось зафиксировать в урбарии прежний размер ценза для одного округа, для двух других он сократил его наполовину. Очевидно, сделано это было ввиду явной невозможности получить с крестьянина этих двух округов большие денежные суммы. Это наше предположение подтверждается данными о фактически взимаемом денежном цензе, которые содержатся в отрывке из описи денежной поземельной платы того же замка начала XVI в. Здесь указывается величина ценза каждого крестьянина. Она колебалась от 3,5 флорина до 25 денариев [81:237, т. 3, с. 507-511; 233, с. 146-150, N 28]. Опись денежных доходов того же замка за 1514-1516 гг. упоминает обычный ценз также в полфлорина. Дополнительные денежные платежи здесь назывались "чрезвычайными поборами" [96:237, т. 3, с. 499-500; 233, с. 17-24, N 6, с. 24-25, N 7]. Предположение о фактическом снижении денежного ценза примерно вдвое в начале XVI в. убедительно подтверждается и урбарием [110], который мы рассмотрим ниже.

Урбарий начала XVI в. свидетельствует также, что владельцы имения в предшествовавший его сох.:авлению период добились увеличения и рента патурой. Поставки зерна каждым крестьянином в отдельности фигурируют в этом документе под термином "ако". Так он расшифровывается в описи натуральных доходов [96: 237, т. 3, с. 501-502; 233, с. 17-24, N 6,с.24-25, N 7].Относительно этого побора в заключительной части документа содержится указание, что "раньше" крепостного принуждали в качестве "ако" вносить ежегодно по два шестерика пшеницы и овса. "Но к этому (крестьяне) обязывались незаконно. Мне,- пишет управляющий имением,- они снова будут давать по одному шестерiku пшеницы и овса" [81: 237, т. 3, с. 507; 233, с. 146-150, N 28].Следовательно, незадолго до пачала XVI в. в имении произошло значительное увеличение натурального оброка, вносимого каждым крестьянином. Кроме того, в памятнике указывается еще один "незаконный" побор - по четыре быка с округа. От него крестьянам также удалось освободиться [81:237, т. 3, с. 507; 233, с. 146 -159, N 28]. Документы замка Хуньяд содержат латинское обозначение этой меры -"сексталия" [96: 237, т. 3, с. 498,501; 233, с. 17-24, N 6;с.24-25, N 7].

Сохранились документы о фактическом получении управляющим замка Хуньяд не только денежного ценза, но и натуральной ренты (зерна, свиней), а также о расходовании денег и продовольствия [96: 237. т. 3, с. 499-503].Предусматривалась, кроме денежного и натурального оброка, также и барщина. Крестьяне всех трех округов обязывались "косить и возить сено", а также "исполнять все работы, которые необходимы для замка Моношгор" [81: 237, т. 3, с. 507; 233, с. 146-150, N 28]. Размер барщины, таким образом, определялся потребностями вотчины. Характерным мне представляется появление данных о доменгальной пашне, с которой получено 80 мер зерна [96: 237, т. 3, с. 502; 233, с. 17-25, N 6, 7].

Основные тенденции изменений феодальной ренты можно проследить по обширному урбарии имений замка Вилагошвар, в комитате Заранд (рум. Ширия), принадлежавших в это время магнатскому роду Батори [110]. Документ содержит поименное перечисление 2038 семей зависимых людей, в том числе 1836 полнонадельных крестьян и 97 безнадельных желлеров, проживавших в 121 населенном пункте (деревни, местечки, имения) [140, с.69]. В урбарии зафиксирован не только размер денежного ценза, которым

был обязан каждый наделный крестьянин (он равнялся 1 флорину), но и сумма денежного платежа, фактически внесенного каждой деревней за год. (В этом ценность и уникальность данного памятника). Для многих деревень указано количество скота, поставленного феодалу за год в качестве натурального оброка. Эти данные позволяют определить действительные доходы владельцев от денежной и натуральной ренты.

Денежный ценз здесь предписывался в 1 флорин с крестьянина. Кроме этого "обычного побора", феодал получал с общины Вилагош (рум. Ширия) так называемые "деньги наймитов" - 4 флорина. Здесь же крестьянин платил 8 денариев за телегу дров, нарубленных в господском лесу. Доход от этих взносов составлял 32-40 флоринов в год [140,с.53]. В деревне Галза, имевшей 115 жителей, дополнительный денежный взнос составлял 2 денария с человека (всего 2,3 флорина), а кроме того, с общины в целом полагалось 4 флорина "денег наймитов" [140,с.57]. Крестьяне пяти имений Араньяг, кроме ценза, платили 3 флорина сообща, а также по 8 денариев с каждого надела (их было там 99) и по 4 денария с желлера, которых насчитывалось 5 [140,с.96]. Всего этот побор давал 8,12 флорина. По 8 денариев дополнительно вносил каждый из 64 крестьян имений Калодва [140,с.98]. От них феодал получал 5,12 флорина. Кроме того, владельцем была установлена дополнительная денежная рента с так называемых "воеводств", общин влахов, возглавляемых воеводами. С четырех воеводств феодал получал 20 флоринов [140,с.100,101]. Нетрудно подсчитать сумму дополнительных денежных платежей: она равнялась 78,54 - 86,54 флоринам.

Введение дополнительных денежных платежей было не единственным путем повышения денежной ренты. Она могла быть увеличена благодаря коммутации, т.е. замене других видов ренты деньгами. Встречаем ссылку на возможность замены девятины вина денежным взносом, размер которого не указан (6 имений Калодва), а также об уплате общиной 1 флорина "за растения" [140,с. 98]. В двух других случаях установлен денежный доход, появившийся в результате коммутации девятин зерна и вина в округах Керсцбанья и Капольша Видек [140,с.100-101]. Кроме того, с влашских воеводств феодал получал 8 флоринов вместо леса для бочек (так называемые обручевые деньги) [Там же]. Всего таким образом коммутация натурального оброка приносила 59 флоринов. Введя

новые денежные платежи и коммутировав часть натуральной ренты, владелец получил 137,54-145,54 флорина.

Чтобы определить удельный вес каждого из этих платежей в общей массе денежной ренты, нужно подсчитать взятую феодалом в качестве ценза сумму. Урбарий позволяет сделать это, поскольку его составитель обычно указывает сумму ценза, фактически полученную от отдельных деревень. Подсчеты показывают, что за год имение фактически взимало в виде ценза 654,35 флорина. В имении было 1836 полнонадельных хозяйств, с каждого из которых урбарий предписывает брать по 1 флорину ценза. Сопоставление этих двух цифр может сказать о многом, и прежде всего о том, что феодалу удалось получить за год не 1836 флоринов, как следовало бы, а лишь немногим больше трети этой суммы. Как видим, фактически в среднем на каждого надельного крестьянина приходилось около трети флорина.

Этот факт позволяет правильно оценить роль как дополнительных денежных платежей, так и сумм, получаемых в результате коммутации натурального оброка. Само их появление - это свидетельство стремления владельца как-то компенсировать снижение денежного дохода, вызванного неспособностью крестьян внести деньги.

Установив удельный вес дополнительных платежей и выкупа (коммутации) натурального оброка, мы сможем определить, в какой степени была успешной эта попытка сохранения нужного владельцу уровня денежных поступлений. Общий доход имений замка Вилагошвар составлял около 792-800 флоринов, а дополнительные платежи и выкуп оброка - 17-18% от его суммы (первые - около 11% и второй - около 7%). Благодаря им сумма фактически взимавшегося ценза была увеличена на 22% (на 13% от дополнительных платежей и на 9% - от коммутации). Характерно, однако, что, введя дополнительные платежи и коммутировав часть натуральной ренты, владелец смог довести свой денежный доход лишь до суммы, в два раза меньшей причитавшегося ему согласно предписаниям урбария денежного ценза. Феодал не в силах был выкачать в среднем с надельного крестьянина более половины флорина.

Этим же объясняется уже известный нам факт снижения наполовину денежного ценза владельцами замка Хуньяд в начале XVI в. Хозяева Вилагошвара и Хуньяда столкнулись с одинаковым явлением - неспособностью крестьянина внести деньги.

Составленные ими документы позволяют проследить судьбу денежного ценса в XV - первой половине XVI вв. До начала XVI в. он был увеличен до 1 флорина ("незаконно", согласно урбарии Вайдахуньяда) и какое-то время взимался в повышенном размере. Об этом прямо свидетельствует заключительная часть памятника начала XVI в. и косвенно постоянное утверждение однофлоринового ценса как "нормы" в урбарии 1525 г. Но к началу XVI в. венгерский крестьянин оказался неспособным, несмотря на все ухищрения феодалов, к выплате денежного ценса в размере 1 флорина. Владелец Хуньяда вынужден был зафиксировать его снижение, а хозяин Вилагошвара продолжал настаивать на 1 флорине, но не в силах был его взимать и должен был довольствоваться половиной.

Следовательно, памятники начала XVI в. и 1525 г. сохранили свидетельства о том, что, хотя у феодалов в это время имелось стремление сохранить на прежнем уровне свои денежные доходы за счет получения денег непосредственно с крестьян, оно приводило к весьма мизерным результатам.

Значительна роль ренты натурой в доходах владельца Вилагошвара. Он получал девятину вина и зерна там, где имелись виноградники и была пахотная земля (3 деревни) [110: 140, с.52, 53, 57, 99]. Основную же массу натурального оброка составлял скот - свиньи и ягнята. В двух селах крестьяне вносили по одной свинье, если имели их свыше 10 [140, с.99]. Жители многих других деревень давали определенное количество свиней и ягнят с общины. За год феодал получал 223 свиньи и 211 ягнят. Отдельные села, кроме того, давали продовольственные приношения. Одна из общин поставляла корову, а 4 влашских воеводства 10 быков на убой. Характерна оговорка относительно невозможности заменить поставку свиней деньгами [140, с.98-101].

В записях об отработках нельзя не увидеть отражения определенной тенденции изменения ренты. Для жителей трех общин натуральный оброк скотом был заменен обязанностью обслуживать мельницу или охранять рыбные ловли на реке [с.76, 78, 79]. В Вилагоше они обрабатывали два "плуга" доменальной земли, но ранее здесь обрабатывался домен в четыре "плуга". Сокращение произошло из-за того, что "теперь жителей меньше, чем нужно для уборки урожая" [с.53]. В другой деревне <<в прежние времена у господ было три "плуга" земли, так как пашен здесь в изобилии, а сейчас нет несколько (домена), потому что жители малочисленны и не

могут убирать урожай>>. Но зато каждый крестьянин этой деревни, имеющий плуг, пашет и засекает по югеру земли (югер, или королевских холд, был равен 864 кв. сажням) весной и осенью в пользу управляющих замком - кастелланов [с. 99]. Ликвидация здесь господского домена не привела к исчезновению полевых обработок. Характерно, что сравнительно поздно возникшая повинность в пользу кастелланов приняла форму именно этой повинности. Крестьяне Вилагоша были обязаны произвольной ("сколько захочет управляющий") барщиной по косьбе сена [с.99]. Там, где было "много покосных лугов" крестьяне должны возить сено в Вилагош [с.99].

Итак, урбарии дают возможность определить изменения роли каждого вида феодальной ренты в XIV - первой четверти XVI в. В общей их массе уменьшается удельный вес денежной ренты: когда-то, по данным статуса капитула Надьварада (рум. Орадя Маре) 1374 г., наделный крестьянин платил 120 денариев (20 грошей по 6 денариев в каждом [425, т.2,с.498; 344, с.34]. Позднее второе соглашение (6 октября 1473 г.) восставших крестьян с господами признает ценз в размере 1 флорина (100 денариев) [344, с.36,190].А по данным документов начала XVI в.и 1525 г. размер фактически вносимого платежа равняется половине флорина (50 денариев). В то же время памятники говорят о стремлении феодалов увеличить денежную ренту за счет введения дополнительных ее форм и коммутации части натурального оброка.

Девятина как вид ренты натурой продолжает существовать в течение изучаемого периода. С попадавших в феодальную зависимость земледельцев требовали главным образом натуральные поставки, сохранилась и неуклонно росла барщина. Все это говорит о том, что тенденция к натурализации феодальной ренты, появившаяся в предшествующее время, получила дальнейшее развитие.

Данные урбариев относительно изменения роли каждого вида феодальной ренты следует сопоставить со свидетельствами других категорий источников о барщине, натуральном оброке и денежных платежах в пользу вотчинников.

Сохранение и медленный, но постоянный рост барщины зафиксирован рядом данных. В 1417 г. (24 августа) была подтверждена привилегия короля Жигмонда, выданная им в свое время королевским крестьянам местечка Новакфальва (рум. Глымбоака). В ней

предусматривалась возможность исполнения отработок, "если будет необходимость" [153: 151, 73. 140].

На непосильность барщины по обработке свиных туш и просеванию пшеницы жаловались весной 1514 г. крестьяне деревень, относившихся к замку Шоймош (рум. Шоймуш). Из этого документа видно, что от отработок не были освобождены и женщины, имевшие грудных детей [177,с.501-502]. И, наконец, весьма ценное признание о переходе значительной части дворян королевства Венгрия к использованию полевой барщины для увеличения своих денежных доходов содержится в статье 18 закона 1522 г. Здесь обобщено положение, создавшееся к моменту издания этого акта: "Многие дворяне, говорит законодатель, владея определенным числом зависимых крестьян, не имеют,однако, ни виноградников, ни рыбных ловель, ни желудевых лесов, и их крестьяне слишком мало вносят или же ничего не вносят этим дворянам, а пашут и жнут на них, косят сено и наполняют их амбары, от чего эти дворяне получают ежегодно немало денег" [162,с.794]. К этим свидетельствам памятников о распространении в королевстве барщины примыкают данные о доменальных землях. В источниках второй половины XV - первой половины XVI в. начинает применяться венгерский термин "урфёльде" (господская земля) (1498, 1512,1527 гг.).

Составители грамот не всегда применяли точный термин, говоря о домене. В некоторых случаях наличие последнего можно определить на основе описания того или иного факта, хотя в соответствующих памятниках барская запашка не обозначена определенным термином. Так, грамота от 13 июля 1452 г. зафиксировала спор между феодалами из-за земли Тот-Бербеце (комитат Арад), которая, как явствует из источника, используется непосредственно дворянами под папшю [228, т.2, с.491]. А в документе 1490 г. (30 декабря) находим ссылку на существование в деревне Михайфальва в комитате Киш-Кюкюлле (рум. Боарта) домена, обозначенного термином "аллодиум" [199, т.2, с.292].

Кстати, различные способы обозначения домена - еще одно свидетельство его недавнего появления. Сохранился документ о возникновении домена в одном из имений - грамота вдовы Яноша Хуньяди, Эржбет Силадьи, в которой говорится о строительстве помещичьих усадеб ("аллодия") в имении Хупьяд (рум.Хупедоара) [15 апр.1463 г.: 187,с.67].Напомню, что рассмотренный урбарий начала XVI в. отразил наличие здесь доменального хозяйства.

Все это данные о единичных явлениях. Но уже во второй половине XV в. распространение сравнительно недавно появившейся барской запашки вызвало к жизни законодательное урегулирование связанных с ней проблем в масштабе всего королевства. Например, закон 1470 г. освобождал от уплаты государственного налога и десятины крестьян, "проживающих и служащих в собственных усадьбах дворян или на доменах" [159, т.1, с.205,206]. В 1492 г. были освобождены от обложения десятиной "собственные земли дворян" [162, с.512]. Декрет 1514 г. (ст.61) разрешал дворянам (в противоположность крестьянству и горожанам) держать на их собственных землях дома, или полевые хижинки, шалапы, называемые на общепонятном языке (по-венгерски) "салап" для охраны крупного или мелкого рогатого скота [162, с.732-734; 174, с.275]. Это свидетельствует о том, что использование доменных земель для скотоводства в Венгрии первой половины XVI в. имело всеобщий характер.

О широком распространении домена в воеводстве Трансильвания можно судить по постановлению ее государственного собрания 1539 г., где фигурируют управляющие доменами (аллодиаторес), приравненные в фискальном отношении к дворянам, находившимся на службе у магнатов (сервиторес), старостам и т.д. [385а, т.2, с.154-155]. Переходя к рассмотрению сообщений о роли оброка натурой в изучаемое время, я должен прежде всего отметить факт сохранения в пользу вотчинников девятины, введенной законом 1351 г. (ст.6) [163, с.132] в качестве основного вида ренты натурой. Подтверждалась обязательность взыскания девятины зерна и вина с королевских, частновладельческих и церковных крестьян [1492, 1500, 1507 гг.: 162, с.510-512, 658,702]. Церковные феодалы брали со своих крепостных сначала десятину, а потом девятину [162, с.512]. На то, что девятина являлась реализацией земельной собственности феодала и результатом поземельной, а не личной зависимости крестьян, указывает обязанность крестьян, принадлежавших одним господам, а использовавших землю других феодалов, платить последним девятину [162, с. 512]. Дворяне добились издания законов о взимании в первую очередь девятины в их пользу, а затем уже церковной десятины [1495 и 1500 гг.: 162, с.588,660].

Общую тенденцию распространения натурального оброка в форме девятины отразил декрет, согласно которому к ее уплате обязывались жители городов и местечек, имевшие виноградники и

пашины на землях, принадлежавших какому-либо феодалу [1498г.: 162, с.616]. Элемер Маюс, используя данные неопубликованных памятников, доказал, что закон лишь закрепил действовавшую с середины XV в. норму [480]. Указанное законоположение о девятине было повторено в последующих декретах [1518,1519 гг.: 162, с.764, 782].

Таким образом, не только урбарии, но и другие памятники весьма недвусмысленно свидетельствуют о появлении отработок и росте их значения, а также об увеличении ренты натурой. Урбарии отразили факт уменьшения удельного веса (а в некоторых случаях и сокращения абсолютной величины) денежных платежей. Эту тенденцию можно проследить и по другим памятникам. Коммутация натуральных и отработочных повинностей была исключительным явлением. Единичен, например, такой случай, когда землевладелец распорядился о возможности замены отработок, часть которых составляли "сбор и перевозка десятин", уплатой жителями шестидесяти флоринов в год [73: 248, т.12,с.337].

При рассмотрении урбариев мы убедились, что, вводя повышенный ценз и коммутируя натуральный оброк и барщину, феодалы пытались в какой-то степени компенсировать уменьшение своих денежных доходов, простиравшее от неспособности крестьянина выплачивать подати. Об этом же говорят и немногие известные по источникам попытки коммутации и повышения ценза.

Памятники отразили также данные о других средствах сохранения денежных доходов. Одно из них - это так называемое право корчмы, соответствующее польскому праву пропинации. Первое свидетельство о нем сохранилось в акте передачи хозяйства замку Дьялу (рум.Джылэу) от одного управляющего другому. Именно это принадлежало трансильванскому епископу Ференцу Вардаи. В одной из рубрик акта фигурируют 59 мер вина, предназначенных для распределения в окрестностях замка, а в следующей - часть денег, уже полученных за это вино (99 флоринов) [17 марта 1517 г.: 208, т.12, с. 380].

Другим средством сохранения денежных доходов служило увеличение отдельными феодалами размера и количества пошлин, собираемых с крестьян, проезжающих через их имения. Уже в XIV - первой половине XV в. феодалы начинают вводить новые пошлыны, выставляя сборщиков в тех местах своих имений, где ранее они не собирались. Появление новых мест сбора пошлын наблюдается в

имениях венгерских феодалов в изучаемое время. Об этом можно судить по грамотам королей, где зафиксированы случаи взимания "несправедливых и незаконных пошлин" отдельными землевладельцами, например, в имении Сельталло (рум. Мерджише) [24 мая 1454 г.: 191, т.1, с.401]. Обязательность уплаты пошлин для крестьян и горожан была всеобщей. Освободиться от нее можно было, только получив особую привилегию от королевской власти. Известны такого рода льготы крестьянам отдельных имений [15 марта 1453 г.: 151, 102 528; 16 марта 1453 г.: 151, 102 529; 6 января 1486 г.: 500, т.1, с.255]. Однако в стремлении увеличивать свои денежные доходы феодалы иногда требовали уплаты пошлин с лиц, имевших льготу в данном отношении, например, документы свидетельствуют о попытке магнатов Банфи взимать пошлину с жителей Коложвара (совр. Клужа-Напоки): 3 апреля 1472 г., 2 июня 1482 г. [199, т.2, с.158, 232]. С такого рода фактами связано было издание грамот, содержавших свидетельства о нарушении привилегии и повторно подтверждавших освобождение от пошлин отдельных лиц [например, от 1 февраля 1497 г.: 261, т.2, с.379].

Как и в предыдущее время, во второй половине XV - первой четверти XVI в. издавались декреты об уничтожении поборов, установленных феодалами в дополнение к уже существующим. Законы Государственного собрания 1445 и 1447 гг. предусматривали уничтожение пошлин, введенных землевладельцами за время после смерти короля Альберта, т.е. после 1439 г. [163, с.346, 365].

В 1464 г. принят закон о том, что в одном и том же имении феодал не может взимать пошлыны в нескольких местах [162, с.350]. В росте притязаний феодалов, владельцев мыт, по отношению к крестьянам можно убедиться, сравнив законоположения 1486 и 1492 гг. В первом предусмотрено освобождение от уплаты пошлыны крестьянина, выводящего себе жену из другой деревни, во втором в качестве основания для подобной льготы дополнительно указаны случаи перевозки крестьянами зерна на мельницу и муки обратно, а также натуральной ренты помещику [162, с.436, 538]. Таковы данные о повинностях крестьянина в пользу господина, держателем земли которого он являлся. Они позволяют сделать вывод о натурализации ренты, получаемой вотчинниками, как основной тенденции ее эволюции в изучаемое время. Масса ренты увеличивалась за счет разбухания натурального оброка и барщины при уменьшении

удельного веса денежных платежей. Этот объективный процесс развивался в условиях постоянного роста заинтересованности феодалов в получении все большего количества денег.

Но крестьянин был обязан определенными повинностями также в пользу феодального государства. После 1339 г. в Венгрии регулярно собирался ежегодный государственный налог - так называемый "доход казны". В законах подчеркивался "старый обычай", согласно которому дворяне, как имеющие крепостных крестьян, так и не имеющие таковых, не должны платить десятину и налог "доход казны" [1447,1467,1472 гг.]. Законы 1439 (ст.19) и 1471 гг. подтверждали освобождение духовенства от налогов [163, с.292, 365; 157, *378, т.2, с.102,200,225; 162, с.289,368].

В середине XV в. общий размер налога "доход казны" со двора увеличивается с 18 денариев до 20, причем в качестве единицы налогообложения начиная с этого времени выступают пять прежних ворот, или "порт". В постановлении пештского государственного собрания 1446 г. впервые говорится о сборе налога подобного "доходу казны" с каждых пяти ворот по 1 флорину, содержащему 100 денариев [156, с.261-262].

Взимание "дохода казны" в качестве особого налога производилось и в первые годы правления короля Матьяша Хуньяди (Корвина) (1458-1490). Об этом свидетельствуют его грамоты в адрес различных комитатов королевства [1463 г.: 200, с.210; 1467 г.: 266, т.9, с.165-166]. В 1467 г. государственное собрание в Буде приняло постановление - ввести вместо налога "доход казны" другой сбор под названием "налог королевского фиска" также по 1 флорину с пяти ворот [156, с.377]. На первый взгляд произошло лишь изменение названия прежнего налога. В действительности же этот шаг имел более существенную цель, как это было доказано венгерским буржуазным историком И.Яношши, исследование которого было незаслуженно оставлено без внимания новейшими авторами. Он нашел в архивах многочисленные грамоты Матьяша об освобождении крестьян отдельных имений от уплаты "дохода казны", издаваемые до 1467 г. [1459,1460,1469,1463, 23февр.1464 г.: 436, с.28]. Кроме того, известны случаи освобождения от уплаты "дохода казны" [1439, 1477 гг., 24 марта 1452 г.: 151, 8 февр. 1453 г.: 151, 39 954; 10 июля 1464 г.: 195, с.347].

Этой льготой для своих имений феодалы добивались, имея в виду, конечно, сохранение за собой той ренты, которую взимало государство в форме налога. И.Яношши сопоставил их

свидетельства с тем фактом, что закон 1467 г. не освобождал никого от уплаты нового налога в 20 денариев, которым был заменен "доход казны" и, следовательно, сделал недействительными все случаи освобождения от уплаты 20 денариев с порты [436,с.28]. Целью закона 1467 г. было пополнение денежных доходов казны за счет расширения круга налогоплательщиков-крестьян. О том, что королевская власть не придавала значения изменению названия налога в 20 денариев, говорит употребление прежнего термина ("доход казны") в некоторых законах 1474 и 1478 гг. [162,с.374,380].

В 1507 г. был введен дополнительный побор по 3 денария с порты ("ворот"), т.е. крестьянского надела на содержание заседателей королевского суда [162,с.696]. Уже в середине XV в. стали собираться налоги в пользу дворян комитата. Власти комитата Темеш 6 июня 1452 г. распорядились о взимании по 1 денарию с крестьянина для оплаты расходов дворян, представлявших комитат в государственном собрании [151, 44 633]. О сборе такого рода отличных от государственных налогов в комитатах Хэвеш и Пешт можно судить по грамотам Матьяша [11 сентября 1459 г.: 228, с.427; 28 января 1470 г.: 192,с.258]. Закон 1522 г. предусматривал в качестве единовременной меры взимание с крестьян налога за вино (собственного производства и купленное) по 25-100 денариев с бочки в зависимости от ее величины, а также за скот (по пять денариев за каждого быка, корову, лошадь, по два - за овцу, козу, свинью, пчелиный улей) [162,с.788].

Во второй половине XV в. стал фактически ежегодным военный налог, превратившись из чрезвычайного побора в постоянный. В памятниках он фигурирует под названием "контрибуцио", "субсидиум", "дика", "такса" [см. сводку данных: 425, с.450]. Есть свидетельства о его взимании в грамотах от 16 января 1451 г. [260,т.1/3,с.311-312]; 21 февраля 1452 г. [151, 14, 323]; 8 июня 1458 г. [223,с.114]. Распоряжения о взимании налога для защиты королевства в размере 1 флорина с каждого крестьянского хозяйства ("порты") содержатся во многих законах - 1463, 1467, 1468, 1470, 1472 гг. [159,т.1 с.178, 190, 359], 1474 г. [162, с.372], 1475 г. [159,т.1,с.221]. Декрет 1478 г. предусматривал сбор налога ежегодно в течение последующих пяти лет. Насколько можно судить по тексту этого памятника, прежний налог "доход казны" (он составлял, как мы видели, 20 денариев) засчитывался в сумму военного налога (1 флорин), а не взимался дополнительно [162,с.380]. Современники рассматривали побор в один флорин с

надела в качестве "обычного налога" [18: 157, т.1, с.60]. Превращение чрезвычайного военного налога в постоянный свидетельствовало о стремлении королевской власти увеличить свою долю в присваиваемом господствующим классом прибавочном труде крестьянина и получать ее деньгами.

Уласло I в 1490 г. (30 июля) отменил распоряжение Матьяша о взыскании военного налога в 1 флорин [162,с.472]. Уласло II и Лайош II возобновили сбор "дохода казны" в 20 денариев с надела крепостного. Были изданы соответствующие распоряжения [1492г.: 162, с.496; : нояб. 1514 г.: 229, с.615; 24 дек. 1524 г.: 192,с.365]. Но взимался и военный налог. В грамоте Уласло II находим ссылку на решение государственного собрания о военном налоге в 1 флорин с крестьян [4 февр.1494 г.: 214,с.180]. Известны и свидетельства о сборе "военных денег" [19 апр.1507 г., 30 апр. 1513 г.: 214,с.198, 206]. Судя по королевскому документу, взимался налог на укрепление пограничных крепостей в размере 30 денариев [260,ч.1 с.615]. В 1518 г. государственное собрание в Баче предписало сбор 50 денариев с крестьянского надела, а в 1522 г. по одному флорину [162,с.746,788].

О выполнении последнего распоряжения сообщал ишпан комитата Марамарош, не указывая суммы [19 марта 1523 г.: 214, с.217].

Рассмотренные источники позволяют установить неоспоримый факт: в изучаемое время значительно усиливается стремление королевской власти увеличивать свои денежные доходы за счет крестьян. Скажем, при Матьяше ставка налога благодаря фактической замене "дохода казны" (20 денариев) военным налогом (1 флорин) увеличивается в пять раз.

Однако в какой степени возросшие претензии государства удовлетворялись? Ответить на этот вопрос помогают немногочисленные свидетельства источников о фактическом взимании налогов. В первой описи королевских доходов учтено 206 579 единиц налогообложения (порт) в 1494 г., с которых должно было быть собрано 206 158 флоринов. В 1495 г. вместо 219 582 казна получила 125 631 флорин [51: 393, с.37, 146; 534, с.22]. В 1512 г. в Славонии с 15 138 хозяйств ("дымов") было собрано 1140 флоринов [224,с.158-159]. Сохранился отрывок описи налогов одной из местностей комитата Веспрем (конец XV в.). В нем зафиксированы суммы, внесенные отдельными крестьянами. Их размер колеблется между 25 и 100 денариями [186,с.103-107]. Все это говорит о том, что венгерскому феодальному государству удавалось взыскивать с

крестьян едва ли половину денежных средств, которыми они были обложены. Претензии казны не могли быть удовлетворены из-за неспособности крестьян вносить денежные повинности. Напомним, что это же явление было обнаружено при изучении денежной ренты в пользу частных феодалов.

Ввиду невозможности получить с крестьян денежный налог в отдельных случаях должностные лица заменяли его натурой, реализацию которой брали на себя. Характерно распоряжение кастеллану замка Боловдоц в комитате Тренчен (словацк. Бохицка) "собрать налоги наличными деньгами. Если же ты не сможешь это сделать, то выступи за каждый золотой флорин по два быка, продай их и представь наличные деньги". Кроме того, кастеллану предлагалось взять "в качестве продовольствия" с жителей, свободных от налогообложения, одну жирную свинью или животное, предназначенное на убой [27 дек. 1458 г.:151, 65 417-153].

Феодалное государство требовало с крестьянина также и натуральные взносы и отработки. Свидетельством широкого распространения отработок по укреплению и ремонту крепостей являются упоминания о них в законодательных актах 1468, 1470, 1478 гг. [157,т.2, с.203: 156,с.388; 162,с.382].Феодалы. сборщики налогов. часто увеличивали сборы, имея в виду прежде всего собственную выгоду. В 1458 г. повторно издается постановление об уничтожении "сверхобычных платежей" [162,с.314].

В 1467 г. закон впервые определил оплату сборщика налогов. Староста (или управляющий имением) предоставлял ему одну пинту вина, один хлеб ("по-простонародному калач"), одного цыпленка, одну меру овса [157,т.2, с.185].ранее, очевидно, размеры такого рода поставок были произвольными. Характерно, что оплата сборщика налогов производилась натурой. В этом нельзя не увидеть проявления общей тенденции натурализации ренты.

Тяжесть государственного налога особенно усугублялась в случае сдачи его на откуп. 27 декабря 1511 г. Уласло II отдал на откуп налоги следующего года с комитатов Пожонь, Нитра и Барц, получив 1461 флорин [261,т.4, с.444]. Документы сохраняли и случаи пожалования налогов с определенных местностей отдельным магнатам. Король Ласло V Посмертный уступил ряду феодалов "доход казны" с крестьян их имений в комитатах Сабольч, Берг, Боршод и Пенгг (20 ноября 1453 г.) [151,фонд Эстерхази, л.А, N 43]. "Доход казны" с комитата Зала был пожалован Ласло и

Миклошу Капижан [24 апреля 1459 г.: 230, т.2, с.574]. Право сбора годичной суммы этого же палата с комитата Сабольч Матьяш предоставил одному из магнатов в качестве уплаты своего долга ему [28 февр. 1461 г.: 208, т.10, с. 137].

Ряд документов изучаемого времени сохранил сведения о сборе церковной десятины только в натуре (зерном, вином, скотом, медом) (мне известно 16 свидетельств 1443-1526 гг.). До середины XV в. церковь достигла определенных успехов в стремлении заместить натуральную десятину денежной [обоснование этого наблюдения: 344, с.81-83]. Но уже в 1447 г. был принят закон о взимании натурой десятины, собиравшихся до этого деньгами [163, с.369-370].

Законы рассматриваемого времени отразили стремление государства исключить церковных феодалов из числа получателей денежных доходов с крестьян [1458г.: 156, с.324; 1464 г.: 162, с.354; 1470 г.: 156, с.386; 1474, 1486, 1492, 1495, 1500 гг.: 162, с.378, 438, 512, 584, 660]. Лишь однажды упомянута возможность получения денег в качестве десятины [1478 г.: 162, с. 386]. Но декреты последующего времени категорически запрещают церковным феодалам требовать десятину в деньгах и перечисляют зерновые культуры, с которых может быть получена десятина [1481, 1498 гг.: 162, с.392, 622]. Законодательство, таким образом, закрепило возвращение к натуральной форме ренты в пользу церкви, обусловленное прежде всего неспособностью крестьянства вырывать дополнительные денежные суммы. В законодательном упрочении натуральных десятин играло свою роль и нежелание королевской власти делиться с церковью денежной рентой, общий размер которой определялся объективно сграниценными возможностями реализации продуктов сельского хозяйства на натуральном рынке.

Тенденцию политики государства в вопросе о коммутации десятины характеризует закон 1498 г., предусматривающий снижение одного из денежных платежей в пользу церкви: "До сих пор, говорится здесь, из десяти ятпят один взимался в качестве десятины, а кроме того, за каждого из остальных девяти уплачивалось по два денария". Законом эта плата уменьшалась вдвое, и данное правило было распространено на плату с пчелных ульев [162, с.624].

Источники, однако, говорят о том, что, несмотря на законодательное запрещение брать десятину деньгами, церковные

феодалы стремились, где это было возможно, получать с крестьян не натурой, а наличными. Сохранились свидетельства о фактическом взимании церковью денежной десятины после издания закона 1447 г. Это квитанция и регистры, где зафиксированы размеры денежных десятин с крестьян отдельных местностей [20 авг. 1453 г.: 151, 50 298; 3 марта 1456 г.: 216, т.3, с.529; 1457 г.: 151, 44 852 - 153; 1471 г.: 151, 48 097 - 153; 26 авг. 1478 г., 5 сент. 1478 г.: 208, т.11, с. 214, 215].

После запрещения 1481 г. взимать денежную десятину загребский капитул заменил десятину вина с жителей округа Сисек упоатой по 8 денариев вместо кебеля десятинного вина [1482 г.: 250, с.56]. Жалоба крестьян на тяжесть этого денежного платежа была отклонена капитулом [1485 г.: 250, с.64]. Коммутированная барщина как одна из статей дохода эстергомского архиепископства фигурирует в его счетной книге 1478-1489 гг.: 221 флорин 67 денариев с 15 населенных пунктов [48: 499, с.381].

Несмотря на повторное запрещение денежной десятины, принятое в 1498 г., эстергомский капитул в 1516 г. продолжал получать наряду с натуральными денежные десятинные платежи [473, с.10]. Трансильванский епископ предписывал секеям вносить десятину или натурой (три кебеля овса), или "если согласится сборщик десятины", платить их цену" [15 сент.1503 г.: 243, т.3, с.155]. "Список десятин и выкузов свиней" комитата Берег свидетельствует о том, что десятина здесь взималась натурой, вместо которой, где это было возможно сделать, брали "выкуп" деньгами [1512 г.: 151, 82 355 - 153].

Церковники по-своему использовали закон о запрещении денежных десятин, применив его там, где им было выгодно. Так, чанадский епископ, ссылаясь на этот декрет, стал требовать десятину натурой с жителей местечек Шебеш и Каран в Трансильвании, обязанных нести охрану границы и плативших, пользуясь льготой, вместо десятины по 4 денария в год с человека [1500; 236, с.129-131].

Борьба между государством и церковными феодалами за долю в получаемой с крестьянина денежной ренте, как видим, весьма явно прослеживается при сравнении законодательных памятников с данными хозяйственных документов о доходах церкви. Обе эти группы источников отразили не только стремление сторон к увеличению своих денежных доходов, но и тот факт, что совокупная масса денежной ренты, получаемой в результате

реализации на внутреннем рынке крестьянством произведенных им продуктов, в изучаемое время не могла быть увеличена.

Иногда церковные феодалы, не желая утруждать себя сбором десятины, отдавали ее на откуп [21 марта 1454 г.: 192, с.214; 28 дек. 1463 г.: 228, с.428]. В этом случае они получали одновременно определенную сумму денег, а откупщик старался всеми "законными" и незаконными способами с лихвой возместить затраченные средства за счет крестьян. В 1481 г. был принят закон о запрещении прелатам отдавать десятину на откуп [162,с.390], но оно осталось на бумаге. Откупщики десятины фигурируют в памятнике 1492-1496 гг. [50: 120]. Декрет 1495 г. исходит из признания законности откупа [162,с. 584].

Как и сбор государственных налогов, взимание десятины сплошь и рядом сопровождалось злоупотреблениями и насилиями над крестьянами со стороны ее сборщиков. Законы запрещали сбор "несправедливых и излишних" десятин [1486, 1495 гг.: 162, с.440, 584]. Кроме этого указания на фактическое их взимание, декрет 1495 г. содержит признание о том, что сборщики десятины вина, "стремясь к доходу в свою пользу, в большинстве комитатов, и в частности сборщики Паннонхальмского аббатства в комитате Шомодь" имеют обыкновенно вымогать кое-где и по двенадцати денариев у крестьян, продавших свое вино [162,с. 586]. Это еще одно свидетельство стремления представителей класса феодалов увеличивать свои денежные доходы.

Источники говорят также о том, что дополнительным оброком натурой была обязанность содержать сборщиков десятины. В грамоте загребского капитула 1470 г. отмечается, что один из них семь раз приходил в местечко Сисек (совр.Сисак) и его округу и каждый раз жители давали ему, кроме денег (50 денариев), различное продовольствие [60: 250,с.44]. В 1481 г. такого рода поставка была легализована. Закон указал, что сборщика десятины обеспечивает староста, предоставляя ему продукты [162,с.390].

В XV в. прелаты накладывали на крестьян, не плативших десятины, церковный интердикт, что парализовало обычно всю жизнь отдельных местностей. Об этом можно судить по соглашению восставших земледельцев с господами [6 июля 1437 г.: 344, с.172-173]. Известен ряд распоряжений об интердикте [1427, 1436, 1438, 1446 гг.: 344, с.173; 28 дек. 1463 г.: 228, с.422]. Закон 1481 г. запрещал распространять интердикт на феодалов, крестьяне которых отказываются вносить десятину, если эта неуплата

происходит не по наущению дворян [162, с.388]. Крестьяне были обязаны содержать своих приходских священников. Сохранился детальный перечень "обычных" взносов священнику, составленный представителями двух деревень (2 денария деньгами, хлеба, 1 кельбел вина с каждого надельного крестьянина) [27 апр. 1452 г.: 151, 14 549]. Известны также несколько жалоб одной из общин на требование священником дополнительных "сверхобычных" взносов по 11 денариев за исповедь, 1 солид за крещение мальчика (по обычаю полагалось лишь 2 пылепка и 4 хлеба) [8 мая 1453 г.: 151, 14 555; 7 июня 1453 г.: 151, 14 694; 15 ния 1463 г.: 151, 14 698]. И здесь наблюдаем претензии на получение большей суммы денег.

Нельзя не обратить внимание, что часть крестьянства королевства Венгрии несла военную повинность. Известно, например, что в 1459 г. варадский епископ выставил в королевское войско 265 крестьян [свидетельство неопубликованной грамоты от 23 июня 1459 г.: 436, с.30]. Закон 1459 г. предписывал крестьянам церковных магнатов воевать в составе их отрядов-бацдерий [159, т.1, с.163]. В 1463 г. собрание "трех наций" Трансильвании приняло "Военные постановления", согласно которым "крестьяне дворян обязаны поголовно участвовать во всеобщих ополчениях с конями и оружием, поскольку это возможно; остальные же бедные крестьяне - в качестве пехотинцев со стрелковым оружием или по крайней мере - с крестьянским оружием; пятая же часть крестьян по старинному обычаю должна оставаться дома для охраны границ, крепостей и других мест" [243, т.1, с.196; 157, т.2, с.384]. По свидетельству ряда документов 1476 г., крестьяне комитатов Арад и Заранд участвовали в военных походах в качестве подсобной силы со своими телегами, лопатами, топорами [изложение свидетельств: 487, с.398]. Уласло II запретил трансильванскому воеводе принуждать жителей Коложвара (рум. Клужа-Напока) к поголовной явке в войско, так как последние обязаны посылать туда лишь 52 всадника [7 дек. 1493 г.: 279, с.304]. Определенная часть крестьянства, кроме того, была обязана нести службу по охране замков своих владельцев [свидетельства грамот от 12 авг. 1469 г.: 4361, 1914, с.41; 9 окт.: 248, т.12, с.135-136].

В исполнении крестьянством военной повинности в пользу государства не были заинтересованы землевладельцы, терявшие из-за этого рабочие руки. Вотчинники старались освободиться от выставления крестьян-ополченцев. В конечном счете феодалы во второй половине XV в. добиваются издания законов, по которым их

крестьяне не привлекаются к военной повинности, но феодал обязывается содержать воинов-наемников.

Так, декрет 1454 г. обязывает выступать в походы вместе со своими феодалами только тех крепостных, чья служба в основном состояла в помощи феодалу во время военных походов [153, с.380]. Это, конечно, не исключало того, что в моменты наибольшей опасности феодалы пили на создание крестьянского ополчения, которое, например, в 1456 г. обеспечило Яношу Хуньяди победу под Белградом: современник-хронист говорит об этой победе, что она была одержана "крестьянской рукой, которая скорее имела дело с мотыгой, чем с оружием" [3: 117, с. 271; 112, гл.250]. О крестьянско-плебейском составе ополчения, собравшегося под Белградом в 1456 г., сообщали многие очевидцы событий. Но это было явлением исключительным [сводка известий: 390, с. 451-452]. Закон 1526 г. предусматривал поголовный призыв крестьян в войско лишь в крайнем случае. Здесь же говорилось о необходимости обращения в случае опасности за помощью к иностранным державам [162, с.844].

Численность выставляемых феодалами воинов зависела, как и в предшествующее время, от количества наличных крестьян. Закон предписывал землевладельцам выставлять одного конного воина с 20 [1458 г.: 156, с.336; 1518 г.: 162], с 10 [1463 г.: 159, с.178; 1523 г.: 162, с.744], с 36 (а в трансильванских комитатах Заранд, Арад, Темеш с 24) [1498 г.: 162, с.602,604] крестьянских наделов.

Во всех этих случаях законодательные акты имели в виду снаряжение феодалами не крестьян, а наемников. Конкретные свидетельства об этом находим в распоряжении Уласло II, по которому феодалам запрещалось искать и "забирать" людей для защиты страны в королевстве Венгрия [1499 г.: 162, с.814]. Декреты говорят о наемниках ("стипендиариях") комитатов, магнатов и дворян. Сохранилось свидетельство об оплате деньгами наемников ("салариев") королевского замка Хуст в комитате Марамарош [1 мая 1524 г.: 162, с.836]. Церковный магнат, калочский архиепископ Иштван Вардай вел счет деньгам, предназначенным на выставление воинов [2 сент. 1465 г.: 213, с.218; 1522 г.: 157, т.2, с.35; 1525 г.: 162, с.802]. Ясно, что содержание наемников являлось в конечном счете повинностью крепостных. Венецианский посол в Венгрии рассматривает содержание конных воинов в качестве повинности крестьян [26: 299, с. XVII].

Крестьянство обязано было предоставлять войскам постой и обеспечивать их продовольствием и фуражом. В 1459 г. был принят закон об освобождении дворянских усадеб от предоставления постоя войскам [155, т.1, с. 501]. Вероятно, что данный акт закреплял существовавшую ранее практику. Это освобождение было подтверждено последующими законами [1463, 1470 гг.: 159, т.1, с. 183-184, 208; 1478, 1522, 1523 гг.: 162, с.382, 798, 814]. В качестве льготы оно распространялось особыми грамотами короля на отдельных недворян, о чем свидетельствует, например, документ, выданный "Япогу-писцу" ("литератуе") [11 июня 1457 г.: 230, т.2, с.568].

Об обязанности крестьян снабжать войска продовольствием и фуражом можно судить по королевским грамотам, где содержалось освобождение от этой повинности определенных имений или воспроизводились жалобы их владельцев на "чрезмерные требования" продовольствия со стороны военачальников [5 марта 1459 г.: 192, с.219; 24 апр. 1459 г., свид.неопубл. источ.: 436,с.32].

Находим и ссылку на обеднение жителей местечка Пата "из-за постоя" [8 июля 1460 г.: 252, с. 427-428]. Король констатировал, что имения Аладара Вардаи в комитатах Хонг и Барш "из-за постоя множества воинов в сильнейшей степени разорены". Это явилось основанием для запрещения здесь постоя войск и изъятия ими продовольствия. Продовольствие следовало покупать по "достойной цене" [12 сент. 1483 г.: 208, т.11,с.360].

Наемники часто грабили крестьян. Ссылки на ущерб, наносимый войсками крестьянам, содержатся также в законах 1470 г. [155, т.1, с.515]; 1518, 1522, 1523 гг. [162, с. 746, 748, 814]; 1475 г. [156, с.394]; 1486 г. [162, с.404]. Как и в предыдущее время, венгерские феодалы не прекращали нападать на имения своих соперников. Сохранился ряд свидетельств современников о постоянной борьбе отдельных феодалов друг с другом как характерной черте истории королевства Венгрия XV в. и особенно первой половины XVI в. Об этом говорят законы [1475 г.: 156, с. 394; 1486 г.: 162, с.404]. Папский нунций писал в 1463 г.: "Венгерские дворяне воинственны; они постоянно упражняются в применении оружия, и если не могут разбойничать на вражеской земле, то грабят друг друга. Они крайне расточительны и любят роскошь. Если же им не хватает собственных доходов, то они отнимают их у менее сильных" [18: 393, с.6]. Известный юрист и политический деятель Иштван Вербеци говорил на государственном собрании 1520 г.: " У нас нет

безопасности. Кушцов, без торговли которых ни одно королевство не может ни процветать, ни даже существовать, здесь (такова у нас терпимость к разбойникам) убивают и грабят на всех дорогах, ведущих в страну и из нее" [256,с.140].Из декрета 1522 г. узнаем, что во время войны с османами "некоторые дворяне не только не последовали за своим королем, но и осмелились нападать на дома и усадьбы других дворян, занятых на войне, уводить их крестьян, угонять мелкий и крупный скот, подвергать [этих и других дворян] различным пыткам, а также совершать другие насилия" [162,с.802]. Секретарь венецианского посла в Венгрии записал в 1523 г.: "Господа - вот причина бед [Венгрии]; дворяне, которых 43 тысячи, держат в своих руках государственную власть. Однако они постоянно враждуют друг с другом, действуя хитростью, притворством, обманом" [32: 292, с.LXII].

Сохранилось свидетельство об опустошении двумя феодалами шестнадцати деревень магната Канижаи. Документ оценивает ущерб в 10 тыс. флоринов [25 июня 1454 г.: 229, с.283]. Настоящую войну между собой вели магнаты Иштван Батори и Ласло Майяди. Вдова Иштвана Сухай составила целый список нападений на свои имения за три года [свидетельство неизд.грамот от 18 января 1461, 1467 гг.: 436, с.44, 46]. Имению женского монастыря в Обуде был нанесен ущерб в 200 флоринов [27апреля 1481 г.: 196, с. 444-445]. В документах об усобицах со второй половины XV в. начинают появляться денежные оценки ущерба, что еще раз свидетельствует о росте заинтересованности феодалов в деньгах. В 1496-1509 гг. имение Дьюла десять раз подвергалось нападению со стороны только одного феодала- Матэ Мезедьяни [204, с.53]. Феодалы убивали крестьян, принадлежавших их противникам.[свидетельства грамот 1452, 1453 гг.: 192, с.199, 202; 1471 г.: 187, с.250; 1476.; 196, с.433]. Налетая на имения, враждовавшие землевладельцы угоняли скот крестьян, увозили движимое имущество, сжигали крестьянские дома [1452 г.: 151, 14 574; 1488 г.: 204, с.26; 1492 г.: 259, с.107; 1495 г.: 204, с. 30]. Разорению крестьянства способствовали также стихийные бедствия и эпидемии. В 1479 г. "во всей Венгрии" свирепствовала чума [4: 122,т.4, с.101]. В 1480 и 1495 гг. отмечена эпидемия в области Барпапаг (рум. Цара Бырсей, нем. Барц) [122,т. 4, с.115], в 1496 г.- снова во всем королевстве Венгрия [122, т.4, с. 272]. В 1510 г. (или в 1508 г.) эпидемия обрушилась на Буду и "почти на всю Венгрию" [17: 147, с.59]. По словам венецианца, во время чумы 1523 г. в Буде ежедневно

умирало 40 - 50 человек [32: 292]. Вспышки эпидемий в 1453-1497 г. отмечены 13 раз [сводка свидетельств источников: 552, с.178]. В 1474, 1478, 1497 г. территория королевства была поражена засухой [122, т.4].

Страна часто страдала и от голодовок. Король Ласло V отложил на четыре месяца сбор войска для похода против турок изза немалого недостатка зерна и фуража в стране [10 апр. 1456 г.: 248, т.10, с.499]. Матяш запрещал вывоз из Трансильвании в Валахию зерна ввиду "большого его недостатка" в саксонских округах, где вынуждены были печь хлеб из овса, проса и ячменя [8 февр. 1470 г.: 248, т.11, с.408]. Землевладелец из комитата Унг так описывал бедствия своих десяти крестьян в письме к королю, написанном около 1470 г. [издатели документа датировали его 1500 г.: 288, с. 449]: "Крестьяне так разорены и угнетены из-за нехватки продовольствия, что вынуждены печь хлеб из желудей и питаться этим хлебом. Волон же своих, которыми они пахали, они проедали за бесценок, чтобы не погибнуть с голоду. На небольшие деньги, вырученные за них, они должны из-за нужды покупать хлеб, чтобы поддержать свою жизнь. Из-за всего этого они так разорены... что если Ваше Величество не поможет им, они будут нищенствовать". Письмо заканчивалось просьбой предоставить освобождение от налога на восемь лет [151, 31, 939 - 153]. О голоде в Трансильвании говорится в грамоте Уласло II: "В связи с нехваткой фуража и продовольствия", от которой страдала Трансильвания, король предлагал явиться в войско лишь шестнадцатой части дворян и секеев [243, с. 281].

Результатом усиления феодального гнета в его многообразных формах, а также усобиц, стихийных бедствий, эпидемий, голодовок явилось разорение крестьянского хозяйства. Свидетельства, относящиеся к отдельным районам и имениям, мы только что рассмотрели. Имеются и признания современников, характеризующие это явление в масштабах всего королевства. 15 августа 1499 г. воевода Трансильвании издал запрещение вывозить быков и коней ввиду "немалой нехватки скота" [206, т.3, с.40]. Современник-хронист вложил в уста турецкого посла слова о том, что король Венгрии внутри страны, как и вне ее считается богатым, "его покои в изобилии украшены золотом и серебром, однако поля крестьян вследствие нужды не имеют самого необходимого" [33: 283, с.135]. Иштван Вербеци говорил на государственном собрании 1520 г.: "Посмотрим на наших крестьян, благодаря поддержке которых

все мы существуем. Все они обездолены, превращены в бедняков и столь сильно истощены, что едва-едва в силах владеть существованием. Многих из их числа с каждым днем нужда приводит к тяжелой нищете... Можем же мы бедных крестьян избавить от постоянных поборов и платежей и пощадить их!" [256, с. 141, 144]. Вербечи, как видим, прямо связывал разорение крестьян с "поборами и платежами".

Наиболее ярким показателем разорения крестьянства является рост численности пустующих наделов. Изучив ряд урбариев, Ингван Сабо пришел к выводу, что если в первой половине XV в. численность таких наделов в разных районах королевства составляла 10-30% всего их количества, то во второй половине столетия эта цифра возросла до 50-60% [552, с. 171-172]. Быстрое увеличение числа пустующих наделов отразилось и в других памятниках. Так, в Славонии было зарегистрировано в 1494 г. 32 225 "дымов" (наделов), а в 1495 г. лишь 29 390 [51: 393, ч. 1 с. 37]. Об уменьшении их числа к 1500 г. по сравнению с периодом 1458-1490 гг. в 3-4 раза говорит венецианский посол [21: 299, с. 1].

Во второй половине XV в. феодалы составляют особые документы о пустующих наделах. О закладе двадцати четырех таких наделов говорит грамота от 21 ноября 1452 г. [151, 38 305]. Сохранилась особая опись пустующих наделов в деревнях замка Велике, где указано, что относится к этим наделам и имена оставивших их держателей [1483 г.: 151, 26 026].

В имении Ласло Банфи в Нижней Лендве наряду с 211 полнадельными, 697 полупнадельными и 155 четвертьнадельными крестьянами фигурирует 371 пустующий надель [108; подсчет Ингвана Сабо: 545, с. 16, 25]. Это составляет около 27 % всех имевшихся здесь наделов. У этого церковного землевладельца было наряду с 969 населенными наделами разных размеров 315 пустующих (около 25 % всех пашенных наделов [106; подсчет Йозефа Холуба: 428, с. 20].

Насколько можно судить по урбариям, упадок крестьянского хозяйства находил наиболее характерное выражение в конце XV - первой половине XVI в. в сокращении размеров обрабатываемых земледельцами наделов. Исследовав урбарий Вилгаонивара (рум. Ширья) [110] в этом отношении, Ингван Сабо обнаружил, что только 20% надельных крестьян имели здесь полный надель, 35 % - половину и 45% - менее половины наделя. В среднем на одного крепостного здесь, по подсчетам, приходилось 0,49 целого наделя.

Для всего королевства эта цифра колебалась от 0,39 до 0,77 надела [545, с.17-18]. Сравнив данные относительно одних и тех же деревень замка Канижа, он же установил факт уменьшения размера обрабатываемых наделов менее чем за 20 лет. в 1493 полунадельные крестьяне составляли здесь 50% всех наделных крепостных, а крестьяне, имевшие менее половины надела, 31%. К 1512 г. за счет уменьшения доли первых (до 37%) произошло увеличение веса вторых (до 54%) [76: 94, 545, с.20]. Так усиление феодальной эксплуатации приводило к разрушению крестьянского хозяйства.

В эволюции правового статуса крестьянства, как и в изменениях ренты, проявлялась определенная тенденция. Государственное собрание 1444 г. подтверждает "старый обычай" возвращения беглых, т.е. ушедших без разрешения землевладельца крестьян [163, с. 330]. Со второй половины XV в. осуществляется перераспределение крестьян между отдельными феодалами не как выход, переход, а как вывод (вывоз) землевладельцами непосредственных производителей. Следует подчеркнуть различие между выходом и выводом (вывозом) крестьянина. В выводе был заинтересован преимущественно он сам. Наличие этого права могло быть использовано и использовалось им в качестве одного из средств сопротивления феодальному нажиму и тем самым в известной мере сдерживало его. Кроме того, право выхода открывало в некоторых случаях перед крестьянами возможность вырваться вообще из сферы непосредственной эксплуатации со стороны феодалов, уйдя, например, в город. В выводе (вывозе) крестьянина был прежде всего заинтересован вывозящий его землевладелец. Замена выхода выводом резко сократила возможность использования крестьянином этого института для борьбы против усиления феодального гнета, поскольку крестьянин теперь не мог уйти по своей воле от притесняющего его землевладельца; уход крестьянина от данного землевладельца в первую очередь зависел от инициативы других феодалов. И все же, безусловно, наличие вывода являлось фактором, в известной степени сдерживающим феодальный нажим, и означало некоторую незавершенность процесса закрепощения крестьян [323, с.280].

В изучаемое время составлялись документы, фиксировавшие нарушения выводящим крестьянина феодалом условий вывода [перечень их 15 публикаций: 348, с.89]. По ним можно судить о практике вывода крестьян. Известно семь свидетельств о задержании выводимых крестьян прежними владельцами [348, с.89].

Отдельные землевладельцы заключали друг с другом соглашения относительно перевода крепостных. Так, 17 июля 1460 г. воевода Трансильвании Шебенгьен Разгоньи и Иштван Берзевици условились не принимать крестьян друг друга "без взаимного разрешения" [свидетельство неопубликованного документа: 438, с.36]. Кастеллан замка Чичо (рум. Чичеу), принадлежавшего господарю Молдавского княжества Богдану, изложил свое соглашение с властями города Бестерце (рум. Бистрица), по которому он обещал разрешать переселение крестьян воеводы, "как венгров, так и влахов" в названный город и его округ [4 мая 1506 г.: 280, т.15, ч.1, с.174]. Город выступает здесь в качестве феодала.

После замены перехода выводом отпала необходимость в издании королем грамот с призывом отпускать крестьян для заселения тех или иных имений. Их владельцы персводили туда крестьян по договоренности с прежними хозяевами. Поэтому с середины XV в. такого рода документы почти не выходят из королевской канцелярии. Исключения составляют распоряжения Матьяша об отпуске крестьян в города Коложвар [1463 г.: 280, т.2, ч. 2, с.148; 29 августа 1465 г.; 7 мая 1478 г.: 279, т.1, с. 211-212, 260], Бестерце [4 нояб.1467 г.: 248, т.11,с.288] и в область саксов [1470 г.: 280, т.2, с.200; 19 марта 1471 г.: 248, т.11, с.440; 26 авг. 1481 г.: 248, т.12, с.189]. В большинстве этих актов содержится ссылка на задержку прежним владельцем крестьян, желающих перейти в область саксов. И здесь, следовательно, король имел в виду не сохранение крестьянского выхода, а устранение препятствий, чинимых венгерскими землевладельцами выводу крестьян саксамп.

В некоторых королевских распоряжениях речь идет о выводе как частноправовом акте. Так, Матьяш запретил дворянам комитатов Сатмар, Сабольч и Красна выводить из королевского местечка Дебрепена их крестьян, тайно ушедших туда [24 сент.1459 г.: 248, т.10, с.633; 28 сент. 1459 г.: 234, с.26]. 20 января 1460 г. он разрешает феодалу вывести из своего имения двух крестьян, половцев (купов) по происхождению [свидетельство неизд. док.: 436, с.28]. Король предписывал дворянам комитата Бодрог возвратить (т.е. разрешить вывод) Ласло Тетешу его крестьян, ушедших "в страхе перед постоем нашего войска" [30 марта 1462 г.: 206, т.10, с.269]. Таким образом, хотя осуществленный нормальный вывод не фиксировался документами, мы имеем

множество указаний о нем как форме перемещения крестьян от одних феодалов к другим.

После ликвидации выхода степень личной зависимости крестьянина определялась эволюцией вывода (вывоза). Изменения, происходившие в нем, имели значение не только для отдельных групп феодалов, получавших большую или меньшую возможность выводить крестьян, но и в первую очередь для крестьянина. Наличие вывода, возможность быть выведенным в другое имение были показателем сравнительной мягкости личной зависимости. Затруднение или прекращение вывода делали ее более тяжелой.

Важным шагом на пути дальнейшего закрепощения крестьянства явилось регулярное прекращение на определенные сроки вывода крестьян, введение так называемых заповедных лет во всем государстве (в первой половине XV в. "заповедные годы" вводились лишь для крестьян отдельных районов страны). Источники сохранили свидетельства о прекращении вывода крестьян в королевстве [1452 г.: 223, с.91; 1454 г.: 163, с.381; 1462 г.: 224, с.130; 1463 г.: 159, с.185; 1474 г.: 162, с.376]. Вывод приостанавливался обычно сроком на год. Прекращение вывода крестьян связано было с военными походами, в которых участвовала масса средне- и мелкопоместного дворянства. Так, например, закон 1463 г. государственного собрания в Тольне отменял вывод крестьян на время пребывания дворян в войске [159, с.185]. Государство обеспечивало интересы этой группы класса феодалов, гарантируя сохранения за ней крестьянских рабочих рук на время походов. Прекращение вывода крестьян на определенный срок, как и введение "заповедных лет" в России, обеспечивая интересы дворянства, означало вместе с тем дальнейший шаг к закрепощению крестьян.

Правовое положение крестьян определялось не только законодательными актами о временном прекращении вывода, но и рядом других законоположений. Важнейшим из них явилось постановление статьи закона 1470 о возвращении прежним владельцам крестьян, выведенных без согласия этих владельцев. Представители государственной власти (ишпаны комитатов и дворянские судьи) должны были водворять крестьян на их прежнее местожительство и взыскивать штраф в 6 марок с феодалов, виновных в незаконном выводе крестьян [156, с.386; 155, т.1, с.508]. В 1471 г. этот акт был повторен [162, с.364]. Следует отметить, что в этом акте отсутствует указание на сроки сыска и возвращения незаконно (с

примечением насилия) выведенных крестьян. Декрет, следовательно, не предусматривает "урочных лет", т.е. таких сроков, в течение которых прежний владелец мог разыскивать и добиваться при помощи представителей государства возвращения своих крепостных. Весьма интересно, что и в России первые постановления о сыске беглых крестьян не имели срока. Лишь в середине 90-х годов XVI в. на Руси был установлен пятилетний срок сыска. В королевстве Венгрия "урочные годы" были установлены уже законом 1486 г., изменившим акты 1470 и 1471 гг. В декрет 1486 г. была внесена оговорка о годичном сроке сыска и возвращения нелегально выведенных крестьян [162, с.432].

Дальнейшие шаги феодального государства по пути закрепощения крестьянства выразились в принятии законов, изменяющих условия вывода. Так, в 1495 г. крепостному, выводимому в имение другого феодала, было запрещено переносить на новое жительство дом, ограду, а также другие деревянные сооружения, воздвигнутые крепостным на прежнем месте жительства [162, с.574]. Осуществление этого закона превращало вывод крестьян в своеобразную покупку крепостного феодалом. В самом деле, оставленные выведенным крепостным дом и другие постройки оказывались при таком порядке вывода платой за выводимого крепостного его прежнему владельцу, а та ссуда, которую должен давать феодал своему новому поселенцу, представляла как бы плату нового владельца за вновь приобретенного крестьянина. Закон 1504 г. еще более затруднил вывод крепостных, связав его согласием не только владельца крепостного, но и представителя всего дворянства комитата - дворянского судьи [162, с.680]. Логическим продолжением этих тенденций явился закон, принятый государственным собранием в 1514 г. после подавления крестьянского восстания под руководством Дьячка Дюжя. Закон этот прекратил вывод крестьян [174, с.262, N 20z].

Следует обратить внимание на то, что уничтожение вывода, рассматриваемое законом 1514 г., в качестве одной из мер наказания крестьян за их выступление против феодалов, было обусловлено и тем, что на государственном собрании 1514 г. перевес был явно на стороне дворянства; в частности, общеизвестно, сколь велика была роль идеолога и руководителя этой группы феодалов Ингвана Вербеци в составлении закона 1514 г. Именно этот вождь дворянства составил знаменитый "Трипартиум" - уложение, которое обобщило

правовые нормы, действовавшие в королевстве Венгрии в начале XVI в. В главе 25 третьего раздела этого сочинения зафиксировано положение о крепостном состоянии крестьянства [11: 134, с.406]. В 1518 г. государственное собрание в Тольпе своим декретом указало на обязательность возвращения крестьян, выведенных в нарушение закона 1514 г. [162, с.750]. В 1525 г. это распоряжение было подтверждено [162, с. 830].

Характерно, однако, что издавались декреты, которые не только прекращали вывод, но и признавали его в качестве средства перемещения крестьян из имений одних феодалов во владения других [1458 г.: 162, с.334; 1468 г.: 159, с.190-210; 1471, 1486, 1492 гг.: 159, с.364, 438, 544]. Законы 1522 и 1523 гг. предписывали возвращать на прежние места лишь "злодейски" и "насилно" выведенных крестьян [162, с.804,824].

Законодательное признание или запрещение вывода было связано с борьбой различных групп феодалов по крестьянскому вопросу. Карой Таганьи в конце XIX в. установил, что в существовании перехода (вывода) больше всего были заинтересованы магнаты, а не дворянство [583, с.246]. Магнатам было выгодно сохранить легальные возможности для переселения на свои земли крестьян. В основе этого, несомненно, лежала та экономическая и политическая мощь, которой они обладали. Магнат имел возможность выводить крестьян на свои земли не только потому, что эти земли у него были, но и потому, что он мог без ущерба для своего хозяйства предоставить повому поселенцу освобождение от повинностей на несколько лет, чего не в состоянии был сделать дворянин. В то же время собственники огромных имений имели достаточно сил для того, чтобы запретить вывод крестьян на земли других феодалов, не прибегая к помощи государственной власти. Известно, например, что магнат Пал Кишижи в 1494 г. собственной властью ликвидировал вывод крестьян в южных районах Трансильвании, где находились его владения [свидетельства неизд. источника: 489, с.277].

С другой стороны, мелкое и среднее дворянство оказывало давление не только на королевскую власть, добиваясь издания законов о прекращении вывода крестьян, но и на представителей короля в отдельных областях королевства, в частности на трансильванского воєводу Матьяша 7 мая 1478 г. упоминает о том, что "по настоянию жителей" (так источники обычно обозначают дворян) Трансильвании воєвода издал распоряжение о

возвращении "на прежние места жительства" крестьян, вышедших в город Коложвар (совр. Клуж-Напока). Городские власти представили королю подлинник воеводского документа [279, с.260].

Как и в странах Восточной Европы, (в частности, в России) усиление закрепощения крестьянства в королевстве Венгрии выражалось во введении все большего числа "урочных лет". Декрет 1486 г. предусматривал годичный срок сыска и возвращения незаконно выведенных крестьян [162,с.438].24 июня 1508 г. УласлоII разрешил трансильванским дворянам возвращать в свои имения крестьян, ушедших в область саксов или в другие королевские имения в течение последующих шести лет [279, с.316-317]. Это,однако, был еще не общегосударственный акт. Грамота же короля от 29 ноября 1514 г. разрешает возвращение трансильванским феодалам убежавших или незаконно выведенных крестьян в течение трех лет [188,т.2, с. 333].

Встречалась в королевстве и такая форма усиления крепостной зависимости, как вынужденный отказ крестьянина от выхода из имения в будущем. Первый случай такого рода зафиксирован в 1471 г. (комитат Арад) (свидетельство неопубл. памятника: 890, с.396). Магнат Янош Канижан помиловал своего приговоренного к смерти крестьянина, который "обязался пожизненно оставаться" в имениях владельца [27 сентября 1511 г.: 229, с. 611].

Ухудшение правового статуса крестьян прослеживается также по памятникам, характеризующим судебную власть феодалов. Как понималась подсудность крестьянина к середине XV в., свидетельствует закон 1440 г., в котором рассматривается порядок решения судебных споров между крестьянином и представителем духовенства. "В будущем,- говорится здесь,- если произойдет ссора или столкновение, или просто перебранка, или угроза, за которыми последуют избиения или панесение ущерба, или оскорбление в корчме, или других подозрительных местах,- между священником и зависимым крестьянином магната или дворянина,то этот священник может привлечь к церковному суду крестьянина не иначе, как спросив разрешения на то господина этого крестьянина и попросив у него прежде всего совершить суд, и если он (священник) не удовлетворится судом господина или если сам господин откажется совершить суд над крестьянином, то тогда священник может привлекать этого крестьянина к суду епископа или викария диоцеза" (163, с.312-313). "Трипартиум" Иштвана

Вербеци, в качестве одной из действовавших к 1504-1514 гг. норм называет судебную власть помещика над своими крестьянами [11: 134, с.410].

Во второй половине XV - первой четверти XVI в. магнаты пользовались высшей юрисдикцией - "правом меча", которое за феодалами мог утверждать не только король, но и воевода Трансильвании. Об этом можно судить по жалованной грамоте воеводы Иштвана Батори [25 апр. 1481 г.: 280, т.15, ч.1, с.113]. В "Трипартитуме" закреплялось право феодала казнить крестьянина за побег из имения (17 гл.26 третьей части) [11: 134, с.406 - 408].

Таким образом, можно предполагать, что к началу XVI в. большая часть венгерских крупных и средних феодалов обладала правом высшей юрисдикции, а основная масса крестьянства страны находилась в полном распоряжении своих владельцев, которые могли по своей воле казнить крестьян и подвергать их пыткам, поскольку, по подсчету Пала Энгеля, примерно к 1458 г. 60 магнатским семействам принадлежало 30% населения королевства и лишь 5% населенных пунктов составляли королевский домен [394, т.4, с.349; ср.: 345, с. 170 - прежние подсчеты]. Для XV столетия, хоть и в разной степени, все-таки характерна тенденция к концентрации землевладения в руках магнатских семейств [349, с.27, 30; 394, т.4, с.349].

Результаты процесса лишения крестьян права пользования лесами, который протекал в течение длительного времени, были юридически закреплены законом 1504 г., который крепостным крестьянам категорически запрещал охоту на животных и ловлю птиц. Этот декрет обобщил практику частных запретов, о которых свидетельствует ряд документов [1453 г.: 151, 66 270; 1468 г.: 196, с. 420-421; 1499 г.: 191, т.1, ч.1, с.496].

Насколько можно судить по одной из грамот, землевладелец нес ответственность за явку своих крестьян в суд комитата [11 мая 1452 г.: 151, 14 556]. В "Трипартитуме" зафиксировано положение, запрещающее крестьянам выступать в качестве одной из сторон против дворян в судебных процессах [11: 134, с.416].

Памятники позволяют установить действие этой нормы еще во второй половине XV в. Так, 21 февраля 1485 г. феодал Миклош Вардаи выступил с жалобой на захват другим землевладельцем виноградника и вина своего крепостного [208, т.11, с.400]. Вице-воевода Трансильвании сообщал, что в качестве ответчика в суд явился не крестьянин, обвиненный в краже скота, а кастелян

замка, в округе которого проживал крепостной [19 июля 1507 г.: 243, т.2, с.20].

Отчуждение крестьян вместе с их наделами в ходе перераспределения земельной собственности и ренты наблюдалось и в предыдущее время. Однако начиная со второй половины XV в. учащаются свидетельства о перераспределении крепостных отдельно от земли. Оно осуществлялось в форме захватов и увода крестьян без их имущества [13 апр. 1452 г.: 151, 44 627; 28 июня 1462 г.: 206, т.2, с.350]. Лишь на сравнительно небольшой территории одного коинтата Арад документы 1469-1507 гг. зафиксировали 6 таких случаев [их перечень в работе Шандора Марки: 487, с.397]. Весьма симптоматичен эпизод, когда два феодала "разделили крестьян, живущих в Мортонвапшаре" [28 окт. 1513 г.: 151, 93 769-153].

Особенно впечатляют оценки положения венгерского крестьянства, оставленные современниками. Например, феодал Ференц Чаки определял статус крестьян четырех трансильванских деревень как рабство [28 окт. 1450 г.: 191, т.1, ч.2, с.392], а в законе 1514 г. и в "Трипартигуме" зависимость крестьянства, исключаяющая возможность ухода от господина, названа термином "рустицитас" [162, с.712; 11: 134]. Интересно, что данный термин был известен в королевстве задолго до составления этих актов. О нем дважды упоминает современник-хронист, противопоставляя его понятию дворянства [3 : 117, с.216, 287]. Такое же значение он имеет в грамоте Матьяша [19 июня 1482 г.: 228, с. 426]. Француз, побывавший в Венгрии в свите королевы Анны будущей жены Уласло II, писал 16 декабря 1502 г. на родину: "Все венгерские дворяне - вошны. Земледельцев и других трудовых людей они приравнивают к скоту, жестоко обращаясь с ними" [22: 306,с.97]. Далматинец Туберо говорил о Венгрии конца XV - начала XVI в.: "Здесь существует нечто вроде прирожденной ненависти между плебсом и дворянством; многие же дворяне, забыв о человечности, обращаются с плебейми как с рабами". В уста крестьянского вождя Дьердя Дожа он вложил призыв "сбросить ярмо рабства" [33: 283, с.330]

Феодальный нажим изменил положение и поведение привилегированной части зависимого населения-секеев (нем. секлеры, рум. секуи), этнической группы (субэтноса) венгров, сохранявшей особый социальный статус. На это следует обратить особое внимание еще и потому, что из общности секеев вышел предводитель крестьянской армии 1514 г. Дьердь Дожа, называвший

себя Секеем (см. с.103) - именем, воспринятым и его современниками [сводка данных: 362, с. 64-65].

На рубеже XV-XVI вв. секеев насчитывалось 55 тыс. чел. (при численности населения всего королевства в 3,5 - 4 млн.чел.) (подсчеты Иштвана Сабо по данным источников: 548, с. 94, 97-98). Общая тенденция усиления феодального гнета определяла и эволюцию общества секеев. В XIV в. они сохраняли общинный строй, свою родовую организацию, хотя в это время у них начался процесс феодализации, который привел во второй половине XV в. к выделению знати из массы общинников. Секеи проживали в отдельных округах вдоль восточной границы Трансильвании Чик, Дьердье, Касон, Удвархей, Марощ, Кезд, Шешп, Орба.

Особый управляющий королевским доменом - ишпан (граф) секеев представлял короля как собственника домена и главу государства. В качестве органов секейской общины в XV-XVI вв. функционировали окружные собрания секеев и собрания всей секейской земли (сведения о них см. под 24 нояб. 1407 г., 10 нояб. 1409 г., 1451, 1466 гг.: 243, т. 1, с. 102, 105, 163, 205-206). Секейская община в качестве единого целого выступала по отношению к "общности" венгерских дворян Трансильвании, например, в вопросе о границах секейской земли. По свидетельству королевской грамоты, секеи заняли земли венгерских дворян, из-за чего происходят частые "споры, ссоры и драки" [7февр. 1453 г.: 243, т.3, с. 65]. Зафиксирован случай нападения секеев на "некоторых дворян и саксов" в районах Шегешвара (совр. Сигетишара) и Кехаломы (совр. Кохалма) 13 января 1475 г. [243, т.3, с. 65].

Однако ряд памятников изучаемого времени свидетельствует о том, что в общине секеев, сохранившей в это время свое единство, оформились различные по своему имущественному положению слои. Король приказал трансильванскому воеводе произвести перепись секеев в зависимости от их имущественного и военного положения. Им названы три сформировавшиеся к тому времени группы: старшина, всадники-капитаны и пехотинцы. Условием для перехода всадников в разряд старшины, говорится в грамоте короля, является согласие воеводы и ишпана секеев, а для перехода пехотинца во всадники - владение тремя наделами - "жребиями земли" [9 сент. 1473 г.: 243, т. 1, с. 220].

О тех же группах говорит трансильванский епископ: "Секеи разделены на три части: первые среди них - старшина, затем всадники-капитаны (здесь они обозначены венгерским термином "лофё") и,

наконец, - плебеи" [15 сент. 1503 г.: 243, т.3, с. 155]. Известны указания на идентичность терминов "капитан" и "лофё" [13 авг. 1497 г.: 243, т. 4, 1895, с. 25; 1466 г.:243, т. 1, с. 205 - 206].

Известно замечание современника о том, что "племя" секеев "весьма отличается от остальных венгров и строгостью обычаев, и порядком раздела земли" [3: 117, с. 57]. Из него явствует, что у них и в XV в. сохранялись исчезнувшие у остальных венгров переделы земель между общинниками, что характерно для общины-марки [описание переделов Кароем Таганьи по источн. : 585].

Первое упоминание о секейской знати ("сениорез", "примипули") содержится в документе от 24 ноября 1407 г. [243, т. 1, с. 102]. Есть термин "благородные секеи". Они от своего имени и от имени "всей общины округа Шепш продали участок леса общине саксов" [31 июля 1415 г.: 243, т. 1, с. 109 - 110]. Из обращения короля Жигмонда к старшине секеев округа Кезд узнаем о ее попытке взимать платежи с жителей королевского местечка Кездивашархей (рум. Тыргу-Сэкуеск) [9 мая 1427 г.: 243, т. 1, с. 122 - 123]. Представители секейской знати постепенно стали занимать руководящие должности в органах общинного самоуправления. 9 декабря 1462 г. Матьяш подтвердил, например, старинную прерогативу секейской общины округа Касон избирать военного предводителя и судью [243, т. 1, с. 195]. А из грамоты трансильванского епископа 1466 г. явствует, что фактически право свободного выбора было к этому времени ограничено, так как только половина из двенадцати присяжных, избранных секейским собранием округов Шепш, Кезд и Орба, была "из общины", другую половину составили присяжные "из старшины" [243, т. 1, с. 205 - 206].

Старшина взяла в свои руки представительство от имени секейской общины в сношениях с государственной властью, а также с венгерским дворянством и саксами Трансильвании. Она составила одну из трех привилегированных социальных групп - "нацию".

Секейская знать участвовала в заключении с ними "унии трех наций" в Капольне (рум. Кэпылне) (1437 г.) и Торде (рум. Турде) (1438 г.). Как видно из грамоты секейского вешана, на государственном собрании Трансильвании присутствовали наряду с дворянами и саксами также и представители "всех секеев" [26 нояб. 1459 г.: 243, т. 1, с. 181 - 182]. Но судя по тексту заключенной в Медьеше (совр. Медиаше) 3 декабря 1459 г. "унии трех наций", ими были "знатные из секеев" [243, т. 5, с. 12].

Главные секеи всех секейских округов заключают соглашение с советом города Брашью (рум. Брашов) после одного из инцидентов [21 мая 1442 г.: 243, т.3, с. 58]. Воевода Трансильвании Иштван Батори совещается по одному из имущественных дел "с некоторыми дворянами и знатными секеями" [470, с. 682].

Во второй половине XV в. пост всадника-капитана, бывший некогда одним из институтов военной организации общины, превратился в источник дохода, а лица, занимавшие его, - в местных феодалов. Об этом можно судить по документам о передаче и продаже этой должности, достоинства: "секейства, называемого по-венгерски всадничеством" [20 июня 1497 г.: 243, т.3, с. 126]; о "должности всадника, называемой по-венгерски всадничеством" [1498 г.: 470, с. 684]. С занятием этой должности было связано владение "лесом, пахотными землями - обработанными и необработанными, полями, лугами для пастбища и покоса, мельницами, относящимися к этому посту по праву и издавна" [243, т. 3, с. 129 - 130]. Имеется свидетельство и о "желлерах, или бедняках, проживающих на земле знатных секеев" [243, т.3, с. 140].

Интересно, что господствующий слой у секеев уже во второй половине XV в. имел определенные градации. Наглядное представление дает об этом документ, где установлена плата послам (представителям) секейской общины, отправляемым к воеводе Трансильвании. Одна марка полагалась выходцам из старшины, которые приравнивались к дворянам, всадник как человек более низкого положения получал 25, а секей-общинник - 12 денариев [4 февр. 1487 г.: 243, т. 5 с. 26].

О подчиненном положении общинников имеется несколько свидетельств источников. Трансильванский воевода воспроизвел жалобу общинников на то, что они терпят многочисленные "разнообразные тяготы и угнетения от знатных, живущих среди них, которые полностью отняли у них их права и законы" [20 янв. 1466 г.: 243, т.3, с. 82]. Из этого документа видно, что старшина принуждает общинников к полевой барщине. Воевода признал, что секейская "община...не обязана на старшину, согласно существующему праву, пахать, убирать урожай, косить и выполнять какие-либо виды обработок" [243, т. 3, с. 83]. Здесь же фигурируют секеи, уже лишенные наделов и проживающие "на собственных землях старшины" На этих секеев не распространялось решение воеводы о том, что "община секеев не подчинена рабству старшины" [243, т.3, с.82 - 83]. Зависимые секеи упоминаются и

1519 г. уже под именем << секейские крепостные, обозначаемые по-венгерски "сидящие на земле">> [470, с. 688-689].

Таким образом, у секеев, сохраняющих общинный строй, имелись господствующие и подчиненные слои, шел процесс феодализации. Своеобразие секейского общества определило различный характер выступлений секеев, зафиксированных источниками.

Известно, в частности, о действиях секейской знати против жителей королевских местечек Кехалом (рум. Кохолом) и Марошвапархей (рум. Тыргу-Муреш). Секейская старшина пыталась отнять земли местечек, а их обитателей обложить поборами [7 марта 1456 г.: 243, т.3, с. 71; 4 февр. 1487 г.: 243, т. 5, с. 25]. Такой же характер имели налеты секеев на район Брашшо [31 нояб. 1471 г.: 243, т.3, с. 44].

Известно и проявление классовой борьбы внутри секейского общества. Причиной выступления секеев-общинников округов Кезд, Орба и Шешп против старшины было стремление последней превратить их в крепостных, обязанных барщиной. После "ссор и военных действий", в ходе которых "было похищено общиной имущество старшины, а ее дома разрушены или сожжены огнем", общинникам удалось добиться создания совета из 12 выборных лиц, одна половина которых представляла общину, а другая - старшину. Раз в год этот совет должен был собираться для рассмотрения спорных дел [20 янв. 1466 г.: 243, т.3, с.82 - 86]. Это можно рассматривать как воссоздание органа общинной власти в результате классовой борьбы закрепощаемого секейского крестьянства. В свое время признания права выборов подобного совета добились венгерские и влашские крестьяне на первых этапах восстания 1437 г. [мой рус. пер. сообщения источ.: 344, с. 185]. С отголоском классовой борьбы в секейском обществе встречаемся в документе, автор которого, вице-воевода Трансильвании просит саксов Барцацага (совр. Цара Бырсей) оказать помощь "некоторым из секейской знати", чьи дома "были опустошены" [12 янв. 1511 г.: 243, т.3, с. 177].

Но, кроме действий секейской знати и проявлений классовой борьбы секейских крестьян, источники зафиксировали случаи, когда секейская община выступала как целое по отношению к королевской власти и ее представителям. В связанных с такого рода выступлениями документах нашли отражение и общие интересы всех секеев, и устремления знати, и положение рядовых

общинников. В конце 1492 г. "секейская община" обратилась к королю Уласло II с жалобой на действия воеводы Трансильвании Ипгвана Батори, причем писали ее знатные ("мы, знатные из секеев") [46: 393, ч. 3, с. 45]. Обстоятельства возникновения этой жалобы помогает уяснить обращение секейской общины к городскому совету Надьсебена (рум. Сибиу) от 2 декабря 1492 г. Его авторы сообщают, что секеи, пешие и конные, собрались для обращения с жалобой к королю на притеснения со стороны воеводы. К ним присоединились дворяне всей Трансильвании. Они просят прибыть к ним "избранных добрых мужей" - представителей Надьсебена [243, т.3, с. 122 - 123]. Таким образом, организатором этого акта была секейская старшина, которой удалось заручиться поддержкой венгерских дворян.

И сама жалоба прежде всего излагает претензии старшины. По словам ее составителей, воевода "... стремится уничтожить наших знатных. Их небольшие доходы от наших должностей он захватывал для замка, построенного на нашей земле". Здесь речь идет о лишении знатных секеев тех земель и угодий, которыми они владели, в силу исполнения военных и общественных должностей. Ущерб знати был нанесен также благодаря занятию "безо всякого права на то" фамилиарами воеводы "некоторых секейских деревень с их мельницами, покосами и другими последственными владениями секеев". Вся община, в том числе и знать, пострадала от того, что с 1490 по 1492 г. у секеев "отобрали десять тысяч быков", "что потребовали восьмую часть секеев в войско, а для их снаряжения было заплачено каждым по одному флорину", на что ушла тысяча флоринов (в тексте "1000 тысяч", что, по моему мнению, или описка, или неверное воспроизведение текста издателем).

Но в жалобе перечислены и притеснения, которые испытывают рядовые общинники - "бедные секеи". Здесь указано на главное стремление воеводы "лишить всех свобод (привилегий) бедных секеев, как лишены их крепостные дворян". При возведении замка воеводы в земле секеев "бедных секеев, словно волов, впрягали в ярмо, заставляя их на себе возить дерево и все необходимое, как будто они были скотом. Никогда ранее об этом никто и не слышал". На секейских крестьян была возложена обязанность вносить натуральный оброк.

Воевода стал требовать с каждого секея по два кёбеля зерна, одной корове, одному хлебу, а с каждого прихода по два быка, две

бочки пива, две телеги с оснасткой из железа, с каждой деревни одну откормленную свинью. За отказ внести требуемый оброк воевода взимал денежный штраф [46].

С представлением этой жалобы, несомненно, связано издание грамоты, которой король утвердил привилегии и обязанности секеев. Этот документ отразил не только стремление королевской власти использовать секейскую общину в качестве военной силы ценой уступки ей известных льгот, но и факт имущественного и общественного расслоения секеев. Король обязывал секеев к поголовному участию в войске лишь в случае войны против Молдавского княжества. Для военных действий на западе секейская община выставляла одного воина (он именуется "наемником") с каждых десяти, а при войне на севере - с каждых двадцати наделов. Здесь речь идет о рядовых воинах из числа общинников, ибо знать каждого округа выделяла по одному военачальнику-капитану.

За свою военную службу секеи освобождались от всех налогов и поборов и объявлялись "подлинными дворянами, наделенными привилегиями святыми королями Венгрии". Порядок выставления воинов определялся ишпаном секеев "вместе с секейской знатью". Секейской знати удалось добиться освобождения от участия в военных походах не только для себя (что было оговорено королем особо), но и для эксплуатируемых ею "ее желлеров, или бедняков, проживающих на земле знатных". Не подлежали призыву в войско и секеи, "ослабшие вследствие чрезмерной бедности", т. е. не имеющие движимого имущества стоимостью в три флорина, а также жители центров секейских округов.

Признав всех секеев дворянами, освобожденными от налогов, король в этом же документе предписал "секейской общине" вносить по одному быку с каждого наделного секея в день коронации короля Венгрии, его первого бракосочетания, крещения его первенца. Суд в секейской земле осуществлялся ее ишпаном, который "должен выбрать двенадцать созаседателей из знатных секеев и других дворян и достойных людей". Им полагалась половина штрафов. Деревни и местечки секеев освобождались от воинского постоя. Король особо предписывал наказывать секеев, укрывающих "воров или каких-нибудь других злоумышленников [13 июля 1499 г.: 243, т.3, с.139-143].

Военная служба как основная обязанность секеев существовала издавна. Первое ее исполнение относится к 1210 г. [упомина-

ние в грамоте от 23 июня 1250 г., публ. см.: 345, с. 104]. О налоге быками ко дню коронации известно из грамоты от 14 мая 1456 г. [248, т. 10, с. 527]. Можно предполагать, что уменьшение военной повинности (фактическая отмена поголовного ополчения), оговоренное в грамоте 1499 г., было нововведением, льготой, которую удалось получить секейской знати. Во всяком случае, венецианский посол писал в 1500 г. о поголовном ополчении секеев в случае войны. Указанная льгота ему не была еще известна. Войско секеев, по словам венецианца, насчитывало 20 тыс. человек [21: 299, с. II]. Само обращение к королю с жалобой, следствием которой явилась грамота о привилегиях и повинностях секеев, было явлением сложным по своему характеру. Претензии секейской знати в нем заметнее всего. Но нельзя пройти мимо указанного документа на притеснения бедняков-секеев. Их включение в жалобу явно результат социального протеста общинников.

Грамота 1499 г. свидетельствует о тенденции королевской власти превратить секейскую общину в один из источников своих постоянных доходов. Декларировав в ее начале освобождение секеев как дворян от налогов и поборов, король обязал в то же время секеев вносить налог быками. И не только в день коронации, как было в 1456 г., но и еще в двух случаях. Насколько можно судить по более поздним свидетельствам, к 1506 г. этот налог взимался уже не только при крещении королевского первенца, но каждый раз, когда в королевской семье рождался мальчик [205, с. 99; 17: 147, с. 53].

Увеличение налога быками вызвало восстание секеев, датированное 1506 г. когда родился будущий король Лайонх II. После того как король издал распоряжение и послал своих людей для сбора налога быками, "... секеи проявили упрямство. Они отказались вносить налог, говоря, что никто из них не помнит о такой повинности" [147, с. 53]. Это еще одно подтверждение того, что налог быками по случаю рождения королевского сына являлся дополнительным побором. Представители короля, сославшись на отсутствие сыновей у предшествующих королей Жипмонда, Уласло I и Матьяша, настаивали на своем. "Но секеи упрямо твердили, что они будто бы защищают свои привилегии. Тогда люди короля, угрожая силой, стали забирать скот с полей и из стойл. Наконец дело дошло до оружия, и сборщики налога, которые не прекращали уводить скот, были жестоко убиты, а оставшиеся в живых были изгнаны из секейской земли. Они обратились к королю за

помощью... Король приказал Палу Томори, который был командиром конницы в Буде, направиться в Трансильванию как можно быстрее с непим войском, а также с пятьюстами конными прекрасно снаряженными гвардейцами. Король предписал также трансильванцам, сохранившим ему верность, присоединиться со своими отрядами к Палу Томори. Секеи встретили Пала Томори построеными в боевой порядок около местечка Секейфудвархей (рум. Тыргу Секуеск). Их души и речи были необузданными. С гордыми возгласами они вступили в бой. Обе стороны проявили большие усилия в борьбе. Но так как секеи своей численностью значительно превосходили королевское войско, то они легко одержали верх". Сам Томори был десять раз ранен и отступил последним. Однако спустя короткое время по приказу короля он привел в порядок свое войско, пополнив его большей частью сербов, влахов и венгров, которые находились в качестве наемников в Нандоральбе (Белграде), Темсшваре, Оршове, Серене (рум. Турну Северине) и в других пограничных крепостях, и поэтому были более опытны в военном деле, Томори нанес секеям сильное поражение, победив и принудив их к повиновению [147, с.53-54]. Известны и дополнительные детали. В помощь Палу Томори трансильванские землевладельцы посылали конное подкрепление. Все королевское войско потеряло много воинов убитыми и большую часть своего снаряжения и вооружения [205, с.99].

Можно предполагать, что описанное восстание являлось выступлением главным образом крестьян - секеев, для которых выплата налога скотом была тяжелее всего. Секейская же знать в 1506 г. на собрании в Адьяфальве (рум. Лутица) вместе с воеводой приняла решение, предусматривавшее недопущение в секейской земле "воровства, ограблений, угона, убийств, нападений, ссор недовольных, мести, опустошений и поджогов, оставления своих домов, военных выступлений и других опасностей, которые не раз случались в прошлые времена" [243, т. 1, с. 314-315]. Знать осуждала, таким образом, выступления против существующего порядка.

С другой стороны, привлекает внимание свидетельство автора, писавшего на основе рассказа современников о том, что "восставшие против короля секеи определили такое наказание для тех из них, кто совершит грех: Если кто-либо тайно замышляет против свободы, которую человек ценит больше всего, или увидят, что кто-либо не поднялся по общему призыву на врага и не подчиняется, то следует расхватать его имущество и имение, дом

сравнять с землей, а самого его убить, если он попадет в их руки" [205, с.99]. Среди секеев были, следовательно, изменники, не поддерживавшие выступления общины. Судя по постановлению собрания 1506 г., в роли последних выступала знать.

Еще одно доказательство этому находим в частном письме одного венецианца из Буды. "Секеи,- говорит он, - восстали против налога короля и сожгли дома тех, которые предлагали этот налог" [30 мая 1504 г.: 20: 285, т. 2, с. 125-126].

Крупное выступление секеев произошло и в правление воеводы Яноша Запольяи (1510-1526). Воевода смог силами подавить его [205, с. 99-100]. Это выступление датируют 1511 годом [556, с. 332].

До 1514 г. условий для крупномасштабных выступлений основной массы венгерского крестьянства против усиления феодальной эксплуатации не существовало. Известны бунты лишь двух отдельных общин в 1488 г. и около 1520 г. [данные источн.: 345, с. 205]. Вооруженный, более или менее организованный отпор наступлению феодалов давала общность секеев благодаря сохранению ее социальной компактности и военной организации. Указанные условия возникли в 1514 г. как результат социальной, внутри - и внешнеполитической эволюции венгерского общества.

2. Город и торговля

Определенное значение для выяснения причин ухудшения положения венгерского крестьянства имеют данные о городе и торговле.

Появление городов в королевстве Венгрия (первая половина XIII в.) свидетельствовало о начале здесь товарного производства и обращения. Товарная продукция производилась и ремесленниками, сбывавшими ее селу, и земледельцами, обеспечивавшими горожан продовольствием и сырьем.

Но сельскохозяйственная товарная продукция могла производиться крестьянами или в своем хозяйстве, или барщинным трудом на господском домене. В первом случае ее реализацией занимались непосредственные производители, во втором - землевладельцы. Последние могли продавать также натуральный оброк, поступавший из крестьянских хозяйств. Следует учесть,

что труд крестьян-барщинников и оброчников не создал товарного производства. В силу ограниченных возможностей земледельцев в эпоху феодализма они могли поставлять товары только на внутренний рынок, помещикам же были доступны и внешние. Уровень развития городов, удельный вес горожан в общей численности населения, следовательно, являются важнейшими показателями развития товарного производства вообще и его роли в хозяйстве зависимого крестьянина в частности.

В связи с этим особую важность приобретает учет основных моментов городского развития. Город как центр ремесла и торговли выделился в королевстве Венгрия значительно позже, чем в других странах Европы. В Италии это произошло в IX-X вв., в Англии - в конце X в., во Франции и Германии - в конце XI - начале XII в., в Кастилии - в XII - XIII вв. Естественно, что отставание уровня городского развития в Венгрии продолжалось и в XIV-XV вв. Отметим, что городское население Англии составляло в 1086 г. 5% общей его численности, в 1377 г. - 12% [345, с.204]. В королевстве же Венгрия, по данным источника [51] на горожан в конце XV в. приходилось около 2% общей численности населения - 80 тыс. из 3,5-4 млн. человек [подсчет Иштвана Сабо: 548, с. 97 - 98].

Исследователи полагают, что перед 1526 г. в королевстве существовало или 25-30 [Енё Сюч: 578, с. 19] или 30-35 [Иштван Сабо: 548, с. 95] городов. Таковыми справедливо считаются центры ремесла и торговли со свободными от феодальной зависимости населением, пользовавшимся королевскими привилегиями. Это так называемые свободные королевские города, а также "горные города" [548, с.96].

Города были населены ремесленниками, выполнявшими различные виды работ. Развитие ремесла выражалось в его последовательном разделении на отдельные отрасли. О том, что скорняжное ремесло заняло ведущее место благодаря развитому скотоводству Трансильвании, можно судить по тому факту, что его представители добились от Матьяша издания грамоты, по которой был запрещен вывоз в Молдавское и Валашское княжества из Трансильвании необработанных кож [22 апр. 1466 г.: 248, т. 11, с. 157].

Современники, однако, отмечали, что в королевстве ремесло было развито слабо по сравнению с западными странами и что занимаются им в основном не венгры, а иностранцы - немцы и итальянцы [22: 306, с. 132; 24: 299, с. VIII]. Особое положение в

государстве занимали выходцы из земель Германской империи. Среди них была значительна доля саксонцев. Поэтому часто немцев королевства называли саксами (сасами). В XV - начале XVI в. саксы составляли большинство населения ряда городов; с 40-х годов XII в. существовали также области с компактным немецким населением (четыре района в воеводстве Трансильвания, один - в комитате Сепеш). Население городов, в частности немецкое, пользовалось городскими привилегиями. Еще в XIII в. особыми актами было закреплено более благоприятное по сравнению со статусом венгерского крестьянства положение немцев (крестьян и ремесленников) тех областей королевства, где они преобладали (345, с. 146-157). Предоставляя саксам льготы (личная свобода, право иметь самоуправление, суд, запрещение частного землевладения венгерских феодалов на территориях саксов, право избрания священников и самостоятельного общинного землепользования), короли Венгрии оговаривали обязанность саксов платить денежный ценз. В 1224 г. он составлял 500 марок (одна марка равна четырем флоринам), в 1494 г. - 7650 флоринам. При посещении Трансильвании королем саксы платили экстраординарный ценз (в 1494 г. - 21 тысячу флоринов) [51: 393, ч. 1, с. 18]. В 1486 г. саксы четырех областей Трансильвании, объединившись, образовали "Общность саксов".

По подсчетам Иштвана Сабо, в XV в. в стране насчитывалось 800 крупных сельскохозяйственных местечек ("аграрных городов") из общего числа 20-21 тысячи поселений [547, с.361-362]. 80% местечек были частновладельческими. 6-8% - принадлежали королю; в них было сосредоточено 16-20% всего сельского зависимого населения (547, с. 383). В местечке обычно имелся рынок и проживало определенное число феодально зависимых ремесленников. Крепостные - жители местечек (в среднем в местечке проживало 575-720 чел. [547,с.383]) пользовались известными льготами, т.е. платили обычно ренту в общей сумме и имели самоуправление. Вера Бачкаи по данным источников установила в качестве основной тенденции их экономического развития в XV в. рост удельного веса ремесленников в общей численности жителей. К концу XV в. ремесленники составляли пятую часть их населения [355], что является показателем прогресса производительных сил в сельском хозяйстве.

В то же время исследователи признают общее стремление феодалов воспрепятствовать развитию городов и местечек. Начало

упадка городов в королевстве Енё Сюч относит к середине XV в. [579, с.123]. Иштван Сабо и другие установили факт уменьшения числа свободных королевских городов к началу XVI в. [548, с.95], а также лишения жителей местечек тех льгот, которыми они обладали (требование с них девятины, как со всех крепостных) [479, с.378; 480].

В изучаемое время продолжалось развитие горного дела. В частности, в XV в. сокровищницей Венгрии была Трансильвания. Современники, говоря о добыче здесь золота, отмечал, что венгры издавна называют страну "сокровищница Трансильвания" из-за обилия там золота [4: 122, т. 2, с. 84]. Сам он величал ее "золотоносной Франсильваншей". Этот же автор пишет о добыче золота и серебра в комитате Сатмар [122, т. 1, с. 37], металлов в горах около Родны (совр. Радны), о золотоносном песке в трансильванских реках [331, т. 1, с. 10].

Феодалы получали от горных промыслов немалые доходы. Причиной участия архиепископа эстергомского Яноша Витеза в заговоре магнатов против Матьяша (1471 г.) послужило присвоение королем десятины с золотодобывающих шахт, которые представляли собой большую ценность [122, т. 4, с. 40-41; на основе устной традиции: 468, с. 124]. О добыче в Трансильвании золота, серебра, меди, свинца, железа, олова было известно послу Венеции в начале XVI в. [296, с.495]. О том же пишет французский путешественник в 1502 г. [22]. Секретарь венецианского посла сообщал, что он сам наблюдал процесс добычи золота в Надьбапье (рум. Байя-Маре). Он видел золотые самородки "весом в 100 и 200 дукатов", найденные в трансильванских реках. В Трансильвании добывали и асфальт [32: 299, с. LXII-LXIII]. Согласно донесению посла республики св. Марка в королевстве, "Трансильвания - самая важная часть Венгрии, ибо... оттуда ее король получает наибольшие доходы благодаря тамошним богатым шахтам" [10 нояб. 14521 г.: 20: 285, т.3, с. 256].

В Трансильвании была особенно развита соледобыча. По словам папского нунция, Трансильвания снабжала солью все королевство, а казна имела от соляных копей ежегодный доход в 100 тыс. флоринов [18]. О доходе Матьяша в 100-140 тыс. флоринов от добычи соли говорят и венецианские послы в первой четверти XVI в. [26,30: 299, с. XXV, XVI]. В то же время их сообщения позволяют установить факт упадка соляных промыслов в то время. Так, в 1503 г. казна получила доход от них в 50 тыс., в 1516 г. - 25 тыс., а в

1519 г. - лишь 15 тыс. флоринов [21,30,26: 299, с. VII, XIV, XXVIII]. Однако и в 1523 г. трансильванскую соль вывозили в Хорватию, Славонию, Австрию и во все земли королевства Венгрия [32: 299, с. LXIII]. Основные центры ее добычи были сосредоточены в Марамароше (рум. Марамуреш), а также имелись разработки около Дьюлафехервара (рум. Алба Юлия) [4: 122, т. 1, с. 9, 38]. Горное дело являлось одним из источников денежных доходов короля, и его упадок, свидетельствуя об определенном регрессе производительных сил, приводил к сокращению этих доходов.

Изменения во внутренней и внешней торговле отразили характер эволюции экономики королевства. Основная масса грамот королей о разрешении еженедельных рынков и ярмарок приходится на вторую половину XIV - первую половину XV в. Последнее известное мне пожалование права ярмарки было совершено Матьяшем трансильванскому местечку Балкачу (рум. Бэлкачиу) в комитате Кюкюлле [4 дек. 1482 г.: 248, т. 12, с. 232]. К концу XV в., очевидно новые местные центры торговли уже не образуются.

Развитие внутренней торговли явилось следствием отделения ремесла от земледелия. Город в лице ремесленников и торговцев поставлял на местные рынки ремесленные изделия, а крестьяне вывозили туда продукты сельского хозяйства. О привозе продовольствия в "горные города" свидетельствует zakonodatel'stvo [1518, 1519 гг. 162, с. 758, 776].

Известно о торговле на городских рынках вином и медом [10 сент. 1465 г.: 248, т. 11, с. 143-144]. По свидетельству источника, в Коложвар из окрестностей привозили мясо для продажи [30 нояб. 1514 г.: 279, с. 336]. О продаже крестьянами королевства вина как об обычном явлении узнаем из закона 1522 г. [162, с. 788].

Оживленные торговые пути стараниями местных феодалов были усеяны пунктами сбора пошлин. Грамота короля содержит описание расправы владельца имения Дароц (комитат Сатмар) над торговцами, следовавшими на рынок в соседнее местечко в обход установленного им мыта: "Некоторых он убил, у других поразбойничьи отнял их товары", нанеся ущерб в 2 тыс. флоринов [7-8 нояб. 1455 г.: 191, т. 1, ч. 1, с. 408-410]. О помехах торговле со стороны феодалов можно судить на основании закона 1486 г., где содержатся постановления, запрещающие появляться с оружием на рынках [162, с. 458]. Хронист описал, как в 1495 г. военачальники ограбили купца [4: 122, т. 4, с. 266].

Сохранились свидетельства венецианского посла о плохом состоянии дорог в королевстве Венгрии, в частности путей на Бач и Сень (Зенг) [11,15 нояб. 1500 г.: 34: 299]. Но главным препятствием для развития внутреннего оборота была незначительность удельного веса городского ремесленного населения. В ней следует видеть причину таких явлений, как натурализация ренты, неспособность крестьян вносить денежные платежи, которые были отмечены при рассмотрении рентных отношений.

В этом же нельзя не увидеть причины обращений феодалов к внешнему рынку. Еще в первой половине XV в. венгерские феодалы начали сбывать на рынки продукты сельского хозяйства. Источники изучаемого времени сохранили и свидетельства об отдельных случаях включения землевладельцев во внутренний товарооборот и обобщение сложившейся практики.

Известно о сбыте хорватским князем Дуимом Франкопаном (Франгепаном) вина в городе Капше (словацк. Кошпце) [3 июля 1458 г.: 269, с. 289]. Архив сохранил распоряжение Эржебет Силады о продаже вина, собранного в ее имениях в качестве девятины [19 февр. 1482 г.: 187, с. 81-82]. Управляющие имениями магнатского рода Вардаи особо записывали в приходно-расходных книгах суммы, вырученные от продажи полученного в виде девятины зерна [181: 208, т. 11, с. 67-75]. Аладар Вардаи продавал в своем местечке Батмоноштор соль стоимостью в 100 флоринов, пожалованную ему королем [25 мая 1479 г.: 208, т. 11, с. 244]. Феодалный землевладелец из полученных с двух имений 418 кебелей пшеницы продал 347 (83 %); из 241 кебеля ячменя реализовал 206 (85 %) [128, подсчет Тибора Янчича; 437, с. 33]. Закон 1495 г. (ст.28) обеспечивал дворянам беспопытный прогон скота для продажи на внутренних рынках [162, с.578]. Наконец, уже рассмотренный закон 1522 г. сохранил свидетельство о получении "многими дворянами" денег от реализации продуктов барщинного труда их крестьян [162, с.794].

Все это симптомы начавшейся в то время перестройки господского хозяйства, имевшей конечной целью производство и реализацию товарной продукции. Недостаточная емкость внутренних рынков, бывшая следствием слабого развития города, сравнительной малочисленности ремесленного населения, с одной стороны, и стремление господствующего класса получать деньги, с

другой стимулировали вывоз продуктов сельского хозяйства за границу, что было под силу лишь хозяйствам феодалов.

Королевство Венгрия, как и в предыдущее время, поддерживало тесные торговые связи с рядом стран. Источники передают об оживленных торговых связях с Молдавским и Валахским княжествами, содержит данные о вывозе из Трансильвании в указанные страны ремесленной продукции (обработанных кож, изделий из стали и железа, оружия) [22 апр. 1466 г.: 248, т. 11, с. 157; 2 окт. 1487 г.: 248, т. 12, с. 352; 6 дек. 1487 г.: 243, т. 1, с. 261-262]. Есть указания на вывоз в Валахию скота, вина, зерна (пшеницы, проса и овса) [22 апр. 1466 г.: 248, т. 11, с. 157; 2 окт. 1487 г.: 248, т. 12, с. 352; 6 дек. 1487 г.: 243, т. 1, с. 261-262; 8 февр. 1470 г.: 248, т. 11, с. 498-409; 24 дек. 1504 г.: 243, т. 3, с. 160]. Из Валахии шли восточные пряности (перец) и рыба [4 нояб. 1491 г.: 280, т. 15, ч. 1, с. 132].

В начале XVI в. оживляется торговля королевства Венгрия с Силезией (в составе королевства Чехия), из Вратислава (совр. Вроцлава) приходили купцы со своими обозами [бокт. 1506 г.: 151, 17 294 - 153]. Начинается вывоз и в Польшу венгерских вин [7 нояб. 1513 г.: 218, с. 727; 1522 г.: т. 11, с. 133; сводка свидетельств: 385, с. 49].

О прочных торговых связях королевства в начале XVI в. с Венецией можно судить по многим документам. Торговля велась через порты Сень (Зенг) и Буккари на далматинском побережье. После захвата их турками королевство Венгрия было связано с Венецией через австрийские земли. Источники говорят о вывозе в Италию скота. Так, в 1503 г. туда было экспортировано 4 тыс. лошадей [подсчет Тибора Янчича по данным источн.: 437, с. 39]. Сохранилось письмо итальянского скототорговца о выгоне из Венгрии быков и о местах сбора поплин [53: 584, с. 147; 217, с. 442]. Шандором Такачем подсчитано, что в начале XVI в. через австрийские земли итальянские скототорговцы прогоняли из Венгрии ежегодно 20-30 тыс. голов скота (587, с. 154). По свидетельству документа от 1 марта 1526 г., на пограничные с Венгрией австрийские рынки с незапамятных времен оттуда пригоняли 8, 10, 16, 20 тыс. голов скота [586, с. 128]. Венгерский скот поступал и на рынки Германии; в первой четверти XVI в. в Нюрнберг ежегодно поступало 70 тыс. голов из Венгрии [587, с. 132]. О торговле с областями, занятыми турками, имеется сообщение под 1495 г. [4: 122, т. 4, с. 268].

Венгерские города, в частности Шопрон, посещались купцами из Чехии и Моравии. Из послания совета одного из городов Моравии властям Шопрона явствует, что между этими городами существовала договоренность об освобождении их купцов от пошлин [11 июля 1451 г.: 260, ч. 1, т. 1, с. 321-322].

В изучаемое время продолжали издаваться распоряжения о запрещении ввоза в отдельные области или страну вообще вина.

Еще Матяш запретил ввоз иностранных вин в Коложвар (рум. Клуж - Напока) [1458 г.: 279, с. 197] и Капму (словацк. Кошице) [15 янв. 1482 г.: 269, с. 352]. Наоборот, вино было важным предметом вывоза. Известно, в частности, свидетельство, что уже в XV в. Венгрия считалась в Европе страной, производящей вино. Об экспорте вина на запад имеются также прямые указания в грамотах [28 июля 1452 г.: 260, ч. 1, т. 3, с. 367; 29 нояб. 1453 г.: 151, 50 488]. В 1484 г. Матяш разрешил продавать вино за границу жителям Пешта и Сегеда (свидетельство источника: 199, с. 264). О вывозе серемских (серемских) вин сообщает современник-венецианец [32: 299, с. LV].

Характерную особенность вывоза из королевства в изучаемое время составляет преобладание в нем скота и продуктов скотоводства. Так, хронист короля Франции Карла XII Жиль де Буве (1386- около 1456), побывавший в королевстве около 1443 г., пишет, что жители его поставляют в Северную Италию множество лошадей, что отметил в своей работе Геза Биркаш [371, с. 15].

О том, что уже к 50-м годам XV в. скот являлся главной статьей экспорта, можно судить по данным книги сбора пошлин в городе Позжони (совр. Братислава). В 1457-1458 гг. стоимость живого скота составляла 54,6% стоимости всего вывоза, продукты животноводства - 6,5%, вино - 23,2%, рыба - 10,8%, другое сырье 0,5% и ремесленные изделия - 4%, по подсчету Енё Шойома по данным этого неизданного памятника [535, с. 125]. В указанные годы в нем скот фигурирует только как статья вывоза, что было обосновано Ференцем Ковачем [460, с. 50].

Только из одной деревни Шопрон (в комитате Бекеш) в 1468 г. было продано 3 тыс. голов овец [свидетельство неизд. источн. в кн. Яноша Карачоуши: 441, с. 237]. Есть данные о вывозе из Трансильвании необработанных, сырых овчин, что наносило ущерб скорнякам Надьсебена (рум. Сибиу) и других городов [9 авг. 1513 г.: 280, т. 11, ч. 1, с. 224-225].

Во второй половине XV -первой четверти XVI в. связанные с вывозом скота и продуктов скотоводства вопросы получают законодательное урегулирование. Король Матьяш, захватив Вену и Густапеч (Аушпитц в Моравии), где находились большие рынки скота, установил на него низкую вывозную пошлину - по 25 денариев с головы (данные источн. в работе Шандора Такача: 587, с. 132). В 1522 г. эта пошлина была снижена до 20 денариев, и лишь на время похода против турок в 1522 г. ее увеличили до 50 денариев [162, с.790]. Закон 1445 г. запрещал на два года продажу скота за границу " ввиду немалой нехватки скота и дороговизны" [162, с. 578]. В 1498 г. законодатель исходил из свободы вывоза скота, оговаривая лишь обязательность уплаты вывозной пошлины [162, с.612]. Вводились запрещения экспорта коней [1500, 1522, 1523 гг.: 162, с. 658, 790, 826], а в 1507 г. и всего скота без определения срока запрещения [162,с. 700]. Закон 1504 г. не разрешал выгон скота жителям королевства, но давал возможность чужеземцам приобретать его в стране для вывоза за границу, "чтобы платили пошлину иностранцы, а не жители Венгрии" [162, с.688]. Этот порядок был подтвержден в 1519 г. В 1522 г. было установлено, что скот, "который вывозится из страны", может быть приобретен на рынках в Недеце, Шопроне, Оваре, Пожони, Надьсомбате (словац. Трнава), Зойоме и Кашпе, где покупатели должны платить вывозную пошлину [162,с. 790]. В 1525 г. вводилось запрещение экспорта скота на 1 год [162, с.830]. Основная тенденция всех этих актов - стремление феодального государства использовать экспорт скота дворянами и иностранными торговцами для пополнения казны. Часто повторяемые запрещения вывозить скот свидетельствуют о том, что их нарушения были постоянными. Известно единственное свидетельство такого рода о вывозе зерна из Трансильвании в Валахию [248, т. 11, с. 408]. Как показывают источники, в изучаемый период главными предметами внешней торговли были скот и вино. Напомню в связи с этим, что, по свидетельству рассмотренных источников, феодалы получали в качестве натурального оброка, составлявшего основную статью их доходов, главным образом скот и вино.

Характерно, что сами землевладельцы наряду с иноземными купцами, чей доступ на рынки королевства гарантировал закон 1492 г. [162, с.536], фигурируют в качестве поставщиков сельскохозяйственной продукции на внешний рынок. Так известно, что магнат Георг Бранденбургский вывозил скот из своих имений в

комитате Бекеш на рынки Германии и Силезии. По подсчетам его управляющих, в 1525 г. им было продано 65 голов скота, а в 1528 г. лишь одна партия составила 200 голов [данные неопубл. источн. в работе Яноша Карачоньи: 441, с. 236]. Торговал вином и скотом в первой четверти XVI в. государственный судья Амбруш Шаркань (свидетельство неизд. док.: 437, с. 70). В 1524 г. (17 сентября) австрийский эрцгерцог Фердинанд Габсбург выдал разрешение на перегон тысячи быков в Венецию через свои территории венгерской королеве Марии [неопубл. источн. в изложении Шандора Такача: 587, с. 152]. Закон 1504 г. оберегал торгующих вином дворян от "злоупотреблений" со стороны горожан Капши и Шопрона [162, с.682].

Важное значение имел декрет 1498 г., запретивший освобождение как магнатов ("поиорес"), так и мелких и средних дворян ("нобилес минорес") от уплаты пошлин со своих товаров, "которые дают им прибыль" [162,с.614]. Это освобождение от пошлин было подтверждено в 1504 г. Соответствующий акт предусматривал привлечение к суду короля сборщиков пошлин, нарушивших эту привилегию дворян [162, с.688]. Если декреты 1498 и 1504 гг. говорят о пошлинах в широком смысле, то "Трипартиум" Иштвана Вербеци, обобщая действовавшую к моменту его составления (начало XVI в.) практику, зафиксировал в качестве одной из привилегий ("свобод") феодалов освобождение от внесения не только пошлин вообще, но в частности от уплаты так называемой "тридцатины" [11:134, с. 66]. Этой пошлиной, введенной еще в 1290 г., облагались лишь вывозимые за границу товары, что особо подчеркнуто законодательством [1495, 1498, 1523 гг.: 162, с. 578, 610, 822]. Первоначально ее размер равнялся 1/30 стоимости товара. С течением времени он увеличился до 5% его стоимости. Так папский пунций писал: "Король Венгрии имеет доход в 80-100 тыс. золотых ежегодно от тридцатины, то есть от пошлыны в размере пяти процентов стоимости ввозимых или вывозимых товаров" [18]. Не случайно поэтому опись королевских доходов именуется двадцатиной. В данном памятнике указано, что доход короля от двадцатины с торговцев городов Надьсебена, Брашпо (рум. Брашов) и Бестерце (рум. Бистрица) составлял (ежегодно?) 6 тыс. флоринов. С Коложвара казна получала 200 флоринов [49: 125, с. 168-169].

Освобождение феодалов от вывозной пошлыны в немалой степени способствовало их торговле сельскохозяйственной

продукцией. Оно свидетельствовало о стремлении значительной части феодалов к концу XV - началу XVI в. реализовать ее как средство увеличения своих денежных доходов. Напомню, что о невозможности повышения феодалами денежной ренты говорят рассмотренные нами урбарии и данные о слабом развитии города, малой емкости внутреннего рынка, т.е. незначительном развитии товарного производства.

Отмена государством тридцатины с товаров феодалов наводит на вывод, что его политика способствовала не только повышению доходов последних, но и сдерживала развитие городского купечества, которое было обязано к уплате этой пошлины. Таким образом, часть ренты натурой, которая увеличилась в изучаемое время, использовалась феодалами для продажи. Такого рода торговля выявляет тенденцию к постепенному переходу хозяйств феодалов к производству товара с использованием труда крепостных.

3. Внутриполитическое развитие и внешнеполитическое положение королевства

Началу крестьянской войны способствовали внутриполитические условия (отношения внутри класса феодалов, положение их различных групп), а также внешнеполитическая ситуация королевства. То и другое являлись результатами процессов, происходивших во второй половине XV - начале XVI в. Внутриполитическую историю королевства Венгрии определяли эволюция отдельных слоев класса феодалов и их взаимоотношения с королевской властью, представлявшей общие интересы господствующего класса. Эти отношения находили наиболее яркое выражение во внутриполитической борьбе, которая влияла самым решительным образом на судьбы венгерской общности в целом.

Основные события внутриполитической борьбы нашли отражение прежде всего в сочинении венгерского хрониста -

современника событий [3: 117, с. 204-293]. Особое познавательное значение имеют комментарии к описанию событий изучаемого времени доброжелательного друга наших унгаристов Элемера Маюса [485, с.406-435]. Я склонен считать их, по существу, публикацией свидетельств источников о тех событиях, персоналиях и отдельных терминах, о которых говорит хронист. Русский перевод памятника (112, гл. 195-262) и комментарии я уже использовал с любезного разрешения авторов [345, с.193-238]. В настоящей работе я снова пользуюсь этим подготавливаемым к печати трудом, выражая искреннюю горячую признательность авторам. Цитаты из хроники даются по переводу Д. А. Дрбоглава, скорректированному в результате моего прочтения оригинала. Полезные сведения содержит и труд современника-итальянца [4: 122, т.3, с. 206-247; т. 4, с. 1-275].

Уникальным памятником является сочинение придворного капеллана Лайоша II, а затем трансильванского князя Яноша Запольяи [14: 142, 143]. Ее автор - представитель низшего духовенства, и латынь его сильно вульгаризирована. В его сочинении ценны наблюдения из жизни королевского двора, а также изложение множества слухов (иногда невероятных), ходивших в его время в народе. К этому труду близка по своему характеру анонимная хроника на венгерском языке, запечатлевшая события 1504-1566 гг. и сохранившаяся в бумагах Антала Веранчича [15: т. 2, с. 1-119; 145, с. 7-125]. Здесь также отражено восприятие событий глазами человека, близкого к народу.

С 1490 г. излагает историю Венгрии габсбургский историк и политический деятель. Наряду с письменными памятниками, по его собственному признанию, он использовал устные рассказы очевидцев событий [17: 147, с. 73]. Более или менее подробную информацию о Венгрии изучаемого времени дают памятники иностранного происхождения (350). Особо можно выделить донесения венецианских послов, чье пребывание в Буде стало постоянным с конца XV в. Их письма пестрят указаниями на состояние сельского хозяйства, горного дела, свидетельствами о политической истории [299].

С 1524 г. о положении дел в Венгрии регулярно сообщали папе его нушци [35; 36], их донесения - важный источник по внутривосточной истории этого времени. Они содержат или систематическое (конечно, с точки зрения их авторов) изложение внутривосточной истории королевства Венгрии, или ряд свидетельств, под-

борка которых обусловлена точкой зрения историков, путешественников, дипломатов. Источники по истории отдельных событий я постарался указать при дальнейшем изложении.

Определяющим фактором внутриполитической истории королевства Венгрии XV-XVI вв. являлось преобладание магнатского землевладения. Согласно новейшим подсчетам, около 1458 г. почти 30% населения страны принадлежали 60 династиям крупных землевладельцев, в руках которых находилось более половины замков (220 из 430) [394, т. 4, с. 349]. По словам венецианского посла, в 1503 г. "половина страны" принадлежала магнатам [24: 299, с. VIII]. Характерно признание короля Матьяша о том, что "некоторые знатные комитата Зала владеют большей частью этого комитата" [19 авг. 1477 г.: 230, т. 2, с. 610]. Комитат Арад был поделен между 5-6 церковными феодалами (которые владели примерно 120 деревнями) и 9-10 светскими магнатами, у которых было 300 деревень [487, с.392-393].

Крупные церковные и светские землевладельцы имели значительную экономическую и политическую силу. Характерно, что венецианские дипломаты величали архиепископа эстергомского Тамаша Бакоца "вторым королем" (1500 г.) [21: 299, с. I-II]. Для коронации жены Уласло II Анны (1502 г.) потребовалось согласие магнатов [22: 306, с. 106].

Крупные феодалы, как известно, имели свою долю в государственной власти со времени основания королевства Венгрии. В изучаемое же время начали участвовать в государственном управлении средние и мелкие феодалы (дворяне) наряду со светскими (бароны) и церковными (прелаты) магнатами.

Начиная с заседания Государственного собрания, состоявшегося в Буде в мае 1439 г., дворянство становится непременным участником этого форума [163, с.286-287], а само собрание приобретает функции законодательного органа. Декреты отныне издаются от имени короля и Государственного собрания, т.е. представленных в нем феодальных сословий. Государственные собрания стали собираться регулярно раз в год, а иногда и чаще. С 1453 г. представленные в нем магнаты и дворяне ("сословия") стали утверждать решения короля о взимании налога [обоснование этого вывода Элемером Маюсом: 483, с. 79]. Согласно документу, составленному 17 июля 1440 г. многолюдным собранием баронов, прелатов и дворян, собравшихся в Секешфехерваре на коронацию короля Уласло I (1440-1444) и подтвердивших его избрание,

"коронация всегда зависит от воли подданных" [156, с. 235]. Так магнаты и дворяне закрепили за собой прерогативу избрания короля, королевство Венгрия стало сословной монархией (монархией с сословным представительством). Особенностью этой формы феодальной государственности в Венгрии было практически полное отсутствие влияния на внутреннюю и внешнюю политику горожан. Их политическая слабость была следствием незначительной роли города в экономике. Отсутствие горожан как экономической и политической силы, а города как источника сколько-нибудь весомых доходов короля не позволило королевской власти обеспечить свою самостоятельность по отношению к феодалам. Внутриполитическая слабость королевской власти особенно ярко проявилась в 1440-1458 гг., для которых характерна борьба магнатских групп ("лиг") за утверждение власти одного из королей или правителя Яноша Хуньяди (1446-1453), и в 1490-1526 гг., когда шла борьба магнатских "партий" за кормило государственной власти.

Характерно, что представители господствующего класса (при ведущей роли магнатов) избирали королей, признававших предложенные королем условия (1440, 1453, 1458, 1490 гг.). Главным при этом был вопрос о распределении денежной ренты и о военной службе дворян. Несомненна связь этих проблем с объективным процессом натурализации экономики. Со стремлениями магнатов иметь королей, не обладавших собственными, фамильными имениями в королевстве, было связано избрание на трон Венгрии короля Польши Владислава III Варненчика (под именем Уласло I, 1440-1444), короля Чехии Ладислава Погробека (под именем Ласло V, 1453-1457), королей Чехии Владислава II Ягеллона (под именем Уласло II, 1490-1516), Людвига Ягеллона (под именем Лайоша II, 1516-1526). Наличие у Венгрии, Польши и Чехии одного и того же короля (так называемая персональная уния) не означало объединения социальных и политических структур этих стран в единый организм и даже не создавало военного союза между ними.

Известия о внутренних войнах между лигами магнатов (1440, 1442, 1450, 1457, 1458-1461 гг.) позволяют утверждать, что группировки крупных землевладельцев преследовали при этом цель овладеть или денежными суммами, или источниками денежных доходов. Борьба за деньги шла, таким образом, в сфере не только межклассовых, но и внутриклассовых отношений. Так, в 1457 г. в ходе борьбы рода Хуньяди со сторонниками баронов, во власти

которых находился король Ласло V, противник короля <<"... напал на трансильванскую область королевства и в короткий срок подчинил с юей власти все города и местечки той земли, обратив все королевские доходы из той области страны, принадлежавшие королевской казне ("фиску"), в подать ("ценз") как в свою пользу, так и в пользу его сторонников>> [3: 117, с.280; 309, гл. 256]. В этом сообщении современника-хрониста речь идет о захвате денежных доходов части королевского домена.

Во внутривластической борьбе 40-60-х годов XV в. проявлялись две тенденции, обусловленные состоянием экономики и социальных отношений, а также основным направлением их эволюции. В условиях острой внутривластной борьбы создавались и получали поддержку всех феодалов институты центральной власти (правитель, Государственный совет). В этом было заинтересовано прежде всего дворянство: мероприятия государственной власти (введение "заповедных лет", ограничение личной военной службы дворян) выражали стремление именно этого слоя феодалов. Они и послужили основой поддержки дворянами действий государственной власти в начале 60-х годов XV в. против магнатского своеволия. Другая тенденция выражалась в том, что феодальные группировки преследовали цель не допустить самостоятельности правителей, олицетворяющих центральную власть, хотя и не ликвидировать прерогативы государства, но использовать их для увеличения своих доходов. Ясно, что победа этой тенденции могла подорвать социальные функции государства, т.е. противодействовать объективному социальному процессу, каким являлось давление на крестьянство в экономической и правовой областях.

В условиях начала 60-х годов, когда этот процесс был еще далек от завершения и господствующий класс для сохранения и упрочения своих социальных позиций нуждался в сильной королевской власти, все его слои оказали поддержку королю Матьяшу Хуньяди (Корвину) (1458-1490), что нашло выражение в уступке феодалами королю части денежной ренты: т.е. в согласии Государственного собрания на сбор с крестьянства военного налога, превышающего в пять раз размер обычного и фактически ставшего постоянным. По подсчетам Эрика Фюгеда, в 70-е годы ежегодный доход казны по сравнению с 50-ми годами XV в. увеличился более чем в семь раз. Сумма, взимаемая при Матьяше с крестьянства, более чем в три раза превосходила общий доход казны в 50-е годы [413, с.502, 504, 506]. Таким образом, стремление класса феодалов

к повышению денежных доходов с крестьянства в условиях натурализации экономики (о чем шла речь ранее) было в конечном счете временно (до 1490 г.) реализовано королевской властью и в пользу укрепления не только социальных позиций феодалов (в особенности мелких и средних), но и самостоятельности короля. Освободив дворян от значительной части военной службы и получая крупные денежные доходы, король поддерживал эту самостоятельность содержанием наемного войска, игравшего, в свою очередь, главную роль в приобретении новых источников денежных доходов (о чем пойдет речь далее). Король перестал зависеть от выставления военных отрядов-бандерий магнатами. Но характер и цели внутриполитической борьбы не изменились. Боровшиеся друг с другом за денежные доходы магнатские лиги прекратили существование. При Матьяше происходили выступления отдельных групп феодалов против королевской власти из-за распределения денежной ренты. Вскоре после налоговой реформы, ликвидировавшей освобождение имений многих феодалов от налогообложения и таким образом уменьшившей возможности этих землевладельцев в получении денежной ренты (начало марта 1467 г.), вспыхнул мятеж магнатов и дворян Трансильвании (18 августа 1467 г.). Выступление против короля группы магнатов в 1471 г. также было связано с распределением денежной ренты.

Но острота внутриполитической борьбы была в прошлом. Король Матьяш обеспечил свою самостоятельность по отношению к классу феодалов, используя поддержку мелких и средних нобилей, более магнатов заинтересованных в укреплении государственной власти для усиления эксплуатации и закрепощения крестьянства и для утверждения своих позиций по отношению к магнатам. Эти стремления были реализованы благодаря крестьянской политике Матьяша, его законам об ограничении военной службы и о первенствующей роли дворян в комитатской администрации. Главными же условиями самостоятельности короля, подчеркнем еще раз, были примерно одинаковая заинтересованность всех групп феодалов в функционировании сильной центральной власти и в обладании королем денежными доходами, достаточными для содержания собственного наемного войска. Факторы эти действовали сравнительно недолго. Процесс закрепощения крестьянства, в котором решающую роль играло государство, завершился. Ввиду объективной невозможности увеличить денежные поборы с

крестьян и тем самым компенсировать те суммы, которые были уступлены государству в виде налогов, не могла не уменьшаться склонность частных землевладельцев соглашаться с взиманием налогов. И главное: ввиду слабости и упадка городов король не имел постоянного источника денежных доходов и не мог использовать горожан как политическую силу в противовес феодалам.

Поэтому можно сказать, что кратковременная самостоятельность короля Матьяша в 60-80-х годах была обусловлена своеобразной расстановкой сил внутри класса феодалов, а также тем, что королю удалось на короткое время обеспечить себе достаточные денежные доходы. Об этом свидетельствует не только временный характер военных успехов Матьяша, но и внутриполитическое развитие страны в последующее время.

У Матьяша не хватило сил, чтобы добиться от венгерских феодалов отказа от их права избрания короля. 22 декабря 1476 г. Матьяш женился на дочери неаполитанского короля Беатриче. Брак этот был бездетным. Несмотря на сопротивление Беатриче и ее окружения, Матьяш назначил наследником престола своего побочного сына Яноша Корвина (1473-1504). Вскоре после того, как он добился присяги ему феодалов и городов (23 июня 1489 г.), Матьяш умер в Веше 6 апреля 1490 г.

Борьба за престол началась после похорон Матьяша (24 апреля). 7 мая король Чехии Владислав Ягеллон сделал заявление о том, что в случае его избрания королем Венгрии он женится на вдове Матьяша Беатриче и сделает земельные пожертвования магнатам, которые его поддержат. На начавшемся Государственном собрании (конец мая) магнаты заседали отдельно в Буде, а дворяне (нобилы) собрались на Ракошском поле у Пешта. На этом же поле 7 июня все сословия заслушали представление уполномоченных претендентов на венгерскую корону Максимилиана, Владислава и его младшего брата Яна Ольбрахта, а также Яноша Корвина; при этом сословия достигли общего согласия относительно условий избрания короля. Здесь часть дворян из северных комитатов королевства провозгласила королем Яна Ольбрахта, на что основная часть магнатов и дворян попросту не обратила внимания и продолжала обсуждать проблему выборов короля (572, с. 565). Поэтому утверждение относительно "избрания" "двух венгерских королей" - Яна Ольбрахта 7 июня и Уласло II 15 июля [325, с. 94]

нельзя считать точным. 4 июля 1490 г. отряд Яноша Корвина, бежавшего с королевской казной и с короной на юг Венгрии, был разбит на поле Чонт (комитат Тольна) войском Государственного собрания, т.е. феодалов, представленных в нем.

15 июля 1490 г. Государственное собрание избрало королем Уласло II Ягеллона (1490-1516), который был коронован 18 сентября 1490 г. (обзор политической истории в его правление см.: 409; 572, с. 564-595, 547-649; 399; 469, с. 39-148). С 22 августа 1471 г. Уласло (Владислав) являлся королем Чехии, но вступление его на венгерский престол вовсе не означало объединения социальных организмов этих стран, сохранивших полную обособленность. По прибытию в Венгрию Уласло II подписал 31 июля предложенные Государственным собранием (из светских и церковных магнатов и всех дворян страны) условия, предусматривавшие сохранения "старых привилегий" господствующего слоя. Этот документ свидетельствует об отказе феодалов от финансовой поддержки королевской власти. Феодалы добились отмены чрезвычайного налога в 1 флорин, взимавшегося Матьяшем с крепостных крестьян. Уласло II обязался также подписать декрет, который еще будет разработан магнатами и дворянами до его коронации (145; сводка данных об избрании Уласло II: 405).

Кроме Уласло II, на венгерский трон претендовали, как уже упоминалось, сын Фридриха III Максимилиан I Габсбург, избранный германским рейхстагом 16 февраля 1486 г. римским королем (в 1493-1519 гг. германский император), и польский королевич (брат короля Венгрии) Ян Ольбрахт Ягеллон. Максимилиан захватил после смерти Матьяша Вену, Винернейштадт и Нижнюю Австрию. Свои претензии на венгерскую корону он обосновал договором Матьяша с Фридрихом III 1463 г. Этот документ был напечатан в Вене в 1490 г. Пользуясь поддержкой магнатов Задунавья и Славонии (семей Банфи, Канижаи, Сентдьерди, Франгепанов), Максимилиан вторгся в сентябре-дскабре 1490 г. в Венгрию, занял Шопрон, Кесег, Загреб, Веспрем. 19 ноября ему удалось взять Секешфехервар, население которого оказало сопротивление наемникам Максимилиана. Но к 29 июня 1491 г. его войска были вынуждены уйти из Венгрии, а венгерские войска заняли некоторые австрийские крепости.

Однако заключенный 7 ноября 1491 г. от имени Уласло II венгерскими савоинниками мирный договор с Максимилианом содержал тяжелые для Венгрии условия: отказ от австрийских

владений и Вены, контрибуция в 100 тыс. форинтов, признание за Максимилианом прав наследника венгерской короны в случае отсутствия у Уласло II сына (146). 7 марта 1492 г., несмотря на резкую оппозицию дворянства, Государственное собрание утвердило договор. Установление мира на западных границах было необходимо для ликвидации опасности со стороны Польши, откуда в конце сентября 1490 г. вторглось войско претендента на венгерскую корону Яна Ольбрахта. Он пользовался поддержкой магнатских семей Переньи и Розгоньи. На сторону польского королевича перешел военачальник Балаж Мадьяр. Уласло II был поддержан Иштваном Запольяи, епископом Тамашем Бакоцем, ставшим вскоре канцлером, Петером Геребом, Палом Кинички, Иштваном Батори и другими светскими и церковными магнатами.

Ян Ольбрахт в сентябре захватил Эгер и осадил Капшу (словацк. Кошице). В начале декабря 1490 г. королю Уласло II с помощью войска наемников удалось освободить от осады второй город и изгнать Яна Ольбрахта. В 1491 г. было отбито его второе нападение и он вынужден был 24 декабря отказаться от претензий на венгерский престол [ход событий: 4: 122, т. 4, с. 214-231]. Отношения Уласло II с королем Польши Яном Ольбрахтом (1492-1501) были урегулированы на съезде в Лече (словацк. Левоча) в апреле-мае 1494 г.

Период 1490-1526 гг. является новым этапом экономического и политического усиления магнатов. Добившись в предшествующее время успехов в давлении на крестьян, усилив их эксплуатацию и личную зависимость, класс феодалов в 90-е годы XV в. - начале XVI в. использует свое непосредственное участие в государственной власти для закрепления этих успехов законодательными актами. Декрет от 2 февраля 1492 г. (ст.47) распространил на жителей местечек обязанность внесения девятины натурой [162, с. 510-512], а ст. 41 закона от 2 июня 1498 г. предписывала горожанам вносить девятину с арендуемых у феодалов земель [162, с. 616]. 8 мая 1500 г. была подтверждена обязательность взимания с крестьян девятины натурой, а не деньгами [ст. 27: 162, с. 658]. Законы от 8 июня 1495 г. (ст.22) и от 8 мая 1504 г. (ст.16) закрепили ухудшение условий вывода крестьян [162, с.574-576, 680].

Дворяне больше всего выиграли от закрепощения крестьянства. Они же более магнатов были заинтересованы в поддержке со стороны государства, в законодательном оформлении своих успехов. Для этого они в полной мере использовали свое участие в государствен-

ной власти. Характерно, что на государственных собраниях 1492, 1495, 1498, 1504 гг., закрепивших результаты нажима на крестьян (о чем говорилось ранее), в сильной степени проявилось влияние дворян. В частности, в 1495 г. было принято решение о поголовной явке дворян на Государственное собрание, в 1498 г. - об участии по крайней мере половины из 16 дворян членов королевского совета в обсуждении государственных дел. Добиваясь принятия антикрестьянских законов, дворяне тем самым укрепляли значение государственной власти как органа классового господства. На новом этапе усиления своего социально-экономического и политического господства (1490-1526 гг.) дворяне изменили отношение к вопросу о самостоятельности королевской власти. Они стали чаще поддерживать магнатов, которые при Матьяше страдали больше всего от его самовластия. Результатом такой позиции дворян и магнатов явилось избрание Уласло II на условиях, значительно сокращавших возможности королевской самостоятельности [44].

Отказав королю в уплате однофлоринового налога, феодалы лишили его средств на содержание войска наемников. Используя их в борьбе против Максимилиана и Яна Ольбрахта (1490-1491 гг.), король перестал им платить жалованье, и наемники стали жить грабежами. Приблизительно в сентябре 1492 г. восьмитысячное войско наемников было разбито в двухдневном сражении на р. Саве, между деревней Халасфальва и местечком Сегедниц королевским военачальником Палом Киничи и перестало существовать. В 1506 г. часть наемников, служивших в Белграде и Боснии, оставила свои гарнизоны из-за неуплаты жалованья. К 1521 г. король Лайош II (1516-1526) был должен начальнику крепости Белград 70 тыс. золотых на содержание войск.

Для пополнения казны Уласло II прибегал к закладу доходов от горных промыслов, таможен, и к 1494-1495 гг. у него осталось всего 1-2 таможи. Доход казны от горных промыслов в 10-е годы XVI в. упал до 25 тыс. флоринов в год. Нарушая подписанные в 1490 г. условия, Уласло II издавал распоряжения о сборе налога в 1 флорин с крестьянского хозяйства (1493, весной 1494 и последующие годы). В 1493 г. ему удалось добиться согласия на это в Государственном собрании, а в 1494 г. - одобрения магнатов. Против сбора налога резко выступило дворянство. В 1494 г. трансильванские дворяне даже подняли мятеж, протестуя против сбора налога. Он был подавлен воеводой Берталаном Драгфи [9: 331, т. 4, с. 255]. В ряде комитатов налог в этом году собирался с 91

тыс. хозяйств (порт) из 206 тыс. [по неполной переписи: 51: 393; 4, с. 37]. В 1511 г. доход от однофлоринового налога составил всего 53 тыс., в 1519 - 90 тыс. Годовой доход короля равнялся в 1516 г. 219 тыс. флоринов, а в 1519 г. - 140, в 1522 г. - около 190, в 1525 г. - 250 тыс. [сводка свидетельств источн.: 403, с. 15]. Это было значительно меньше ежегодного дохода Матьяша.

Возрастание экономической и политической мощи магнатов было следствием увеличения массы и получаемых ими с земледельцев рент (главным образом натурой) и упрочения их власти над крепостными крестьянами. В свою очередь, это усиление магнатов привело к увеличению претензий отдельных групп на большую самостоятельность по отношению к королю и на долю государственной власти. Для сохранения своих позиций короли были вынуждены блокироваться с одной из "партий" магнатов в противовес другой. Поэтому внутриполитическая борьба приняла форму соперничества магнатских "партий" - "партии" двора (баронской), опиравшейся на королевскую власть и ее институты, и "партии" Яноша Запольяя, пользовавшейся в своих интересах поддержкой среднего и мелкого дворянства.

Предвестником схваток между отдельными группами магнатов был мятеж герцога Леринца Уйлаки, который совершал постоянные нападения на владения калочского архиепископа, пещского и серемского епископов (1494-1495 гг.) Леринца Уйлаки поддерживал палатин Иштван Запольян. Для занятия замков Уйлаки король направил войско во главе с воеводой Трансильвании Берталаном Драгфи, который занял Уйлак и другие замки в Среме (около 24 декабря 1494 г.). В начале 1495 г. темепский ишпан Иожа Шоми осаждал Уйлаки в его крепости Неметуйвар. В конце марта этого года Уйлаки просил прощения у короля в Пече. Он был прощен, а в 1511 г. стал баном Белграда и Серени [4: 122, т. 4, с. 258-268; 17: 147, с. 35-41].

Стремившиеся к кормилу государственной власти магнаты группы Запольяя, чтобы обеспечить поддержку дворян, добились принятия ряда законоположений, выгодных дворянам и бесполезных самим магнатам. На Государственном собрании, открывшемся 2 февраля 1492 г., был принят закон, закрепивший обязанность короля и крупнейших магнатов защищать страну, а также положение о том, что всеобщее ополчение дворян может быть создано лишь в случае "нужды", а в поход за рубежи дворяне могут выступать лишь при условии получения жалованья от короля (ст. 17, 18) [162,

с. 490]. Закон освобождал дворян и священников от уплаты пошлин [с.536].

В 1495 г. дворянская "партия" магнатов добилась постановления (утверждено королем 8 июня) об обязательности для короля созывать на Государственное собрание не их представителей, а все дворянство поголовно (ст.26) [с.578]. Раньше это правило касалось только баронов и прелатов. В 1498 г. она же настояла на отставке эгерского епископа Тамаша Бакоца (1442-1521 гг.) с поста канцлера (ст.56).

Его место занял Дьердь Сатмари, а Тамашу Бакоцу в 1497-1498 гг. удалось получить эстергомское архиепископство. Он был одним из крупнейших магнатов и руководителей баронской "партии", хотя и происходил из крестьянской семьи. Став священником, он сделал карьеру при дворе короля Матьяша. Будучи дьерским епископом, в 1490 г. Бакоц стал канцлером. В 1493 г. он - эгерский епископ, в 1497-1498 гг. - архиепископ эстергомский, в 1500 г. - кардинал. В том же году он получил сан константинопольского патриарха. Бакоцу удалось сосредоточить в своих руках огромные земельные владения. Так, по завещаниям представителей магнатских родов Киники и Розгоньи ему достались их обширные имения. После отказа от поста канцлера Бакоц (сохранивший и умноживший свои богатства) продолжал оставаться одним из влиятельнейших феодалов [407; 408].

Другим руководителем "партии" двора был палатин Имре Переньи (ум. в 1519 г.). В феврале 1509 - феврале 1510 и в ноябре 1510 - апреле 1511 гг. он являлся наместником короля Уласло II, находившегося в это время в Чехии и Моравии. Был он также и баном Хорватии в 1512 г. В число руководящих деятелей той же "партии" входил Петер Берисло (ум. в 1520 г.), бывший с 1512 г. веспремским епископом, баном Далмации, Славонии и Хорватии. К началу крестьянской войны 1514 г. значительным влиянием пользовался епископ печский Дьердь Сатмари (Сакмари) (1457-1524 гг.), занимавший пост канцлера.

Авторы XVI в. [33:283, с.333; 17: 147, с.71; 16: 146, т. 1, с. 363], а вслед за ними и классик венгерской литературы Йожеф Этвеш (1813-1871 гг.) (см. с. 32, 130, 154) говорят о враждебных отношениях до начала крестьянской войны между Яношем Запольяи и темешским ипшаном Иштваном Батори из Эчеда (ум. в 1530 г.), который фигурирует как один из предюдителей баронской "партии". Но первые достоверные свидетельства об их соперничестве

относятся лишь к 1519 г., когда Запольяи и батори боролись за пост палатина, доставшийся Ингвану Батори. Факты более раннего времени (проход войск Яноша Запольяи через территорию комитата Темеш по направлению к границе с турецкими владениями) позволяют предполагать, что утверждение авторов XVI в. о вражде между Запольяи и Батори в 1514 г. является необоснованной ретроспекцией явлений более позднего времени [365, с.140-141].

В 1503 г. поддержкой дворян пользовался Янош Корвин, пытавшийся занять пост палатина. Однако "партия" баронов в начале мая 1503 г. удалось провести кандидатуру Имре Переньи. После смерти Яноша Корвина (12 октября 1504 г.) его обильные имения попытался прибрать к своим рукам род Запольяи, возглавивший одну из магнатских "партий", так называемую дворянскую. Но намерению Запольяи не суждено было осуществиться. Король Уласло II в 1509 г. (25 января) выдал замуж вдову Яноша Корвина Беатрису Францезан за маркграфа Бранденбургского Георга Гогенцоллерна, который после смерти жены (1510 г.) стал одним из богатейших магнатов и руководителей баронской "партии". С 1505 г. главой дворянской "партии" магнатов был Янош Запольяи (1487 - 1546 г.) (с 10 ноября 1511 г. - воевода Трансильвании). Поддержку дворян он старался использовать в своих личных целях.

На Государственное собрание 24 апреля 1498 г. явились "все дворяне королевства" [162, с.592]. Декрет этого собрания, составленный идеологом дворянской "партии" магнатов Ингваном Вербеци [сводка данных о его деятельности: 404; 410] предусматривал сокращение до двух представителей от баронов и прелатов и увеличение до 16 числа дворян, заседавших в королевском суде; восемь из этих заседателей становились членами королевского совета (ст. 2 и 7) [162, с.596-598]. Статья 1 закона, утвержденного королем 8 мая 1504 г., подчеркивала исключительное право Государственного собрания предлагать однофлоринный налог [162, с.672]. Здесь же бароны и дворяне заявили, что выставят свои отряды только в случае, если войска короля и прелатов не смогут справиться с врагом (ст.24) [162, с.684-686].

В 1505 г. произошло резкое обострение отношений между королем и Яношем Запольяи, который использовал силу дворян. Отряды вооруженных дворян, собравшись в комитатах, угрожали свергнуть Уласло II и сделать Яноша Запольяи правителем. Уласло

II обратился за помощью к императору Максимилиану, Венеции и чешскому дворянству. Императора поддерживал Тамаш Бакоц [описание событий по источн.: 311]. 13 сентября 1505 г. Максимилиан объявил войну королю Уласло II и одновременно обещал ему помощь против сословий. Собравшиеся 29 сентября на Государственное собрание на Ракошском поле под Пештом вооруженные отряды дворян добились 13 октября 1505 г. принятия постановления, согласно которому в случае рождения у Уласло II сына он будет наследником престола, если же король умрет, не оставив наследника, то королем будет избран венгр, а не иностранный государь. Этот акт был в интересах Яноша Запольяи. Еще 12 октября бароны и прелаты вынуждены были присоединиться к дворянам, создав конфедерацию против Максимилиана. "Ракошское решение" не было утверждено королем [542; 543]. Янош Запольяи, претендовавший на корону, заключил тайное соглашение с Тамашем Бакоцем и баронами, заверив их в верности королю.

Придворная "партия" баронов в борьбе с группой Запольяи искала поддержки у Габсбургов. 20 марта 1506 г. Уласло II заключил с Максимилианом договор, обеспечивающий права Габсбургов на наследование венгерского трона. Внук Максимилиана I Фердинанд (1503-1564) брал в жены дочь Уласло II - Анну. В случае рождения у Уласло II сына он должен был жениться на представительнице династии Габсбургов [47]. Но по требованию Государственного собрания Уласло II объявил войну Максимилиану (7 мая 1506 г.). Тот вторгся в Венгрию, занял Шопрон и Пожонь (словац. Братислава) (июнь). По заключенному 19 июля 1506 г. миру снова было признано право Габсбургов на наследование венгерского трона. Планы Яноша Запольяи были расстроены рождением у Уласло II сына Лайоша II (1 июля 1506 г.), которого король поспешил короновать (4 июня 1508 г.).

Продолжая расширять свое влияние, сторонники Яноша Запольяи добились постановления 1507 г. (ст.5) об обязательности для короля назначать на высшие должности только с одобрения совета, членами которого были восемь дворян [162, с.696]. Король не утвердил этого решения Государственного собрания (24 апреля). В 1511 г. Государственное собрание попыталось отделить государственную казну от частной казны короля. Янош Запольяи союзу короля с Габсбургами старался противопоставлять свои

связи с польскими Ягеллонами, укрепившиеся после выхода замуж 8 февраля 1512 г. сестры Яноша за польского короля Сигизмунда I Старого (1506-1548).

Эволюция венгерской феодальной государственности, отразившаяся в калейдоскопе событий политической истории и внутриклассовой борьбы XV - первой четверти XVI в. убеждает в полном отсутствии влияния внешнего фактора (османской угрозы) на характер и ход развития венгерского феодального государства. Основой этой эволюции явились внутренние факторы - сдвиги в экономике и социальном положении угнетенных и господствующих классов (упадок города, закрепощение крестьянства, рост экономической и политической силы магнатов, борьба их групп). События венгерской истории рассматриваемого периода свидетельствуют о несостоятельности характеристики внешней угрозы как фактора, якобы ускорившего складывание централизованных государств, в частности в Венгрии: "На востоке Европы... образование централизованных государств, ускоренное потребностями самообороны (нашествие турок, монголов и пр.), произошло раньше ликвидации феодализма... Таковы: Австрия, Венгрия, Россия" [Сталин И.В. Соч. т. 5, с. 15-16; см. также: с. 34.] Из дальнейшего изложения видно, что в Венгрии к 1526 г. "потребности самообороны" требовали образования сильного государства. Но этого не произошло, так как внутреннее развитие предопределило ослабление внешнеполитических функций сословной монархии. Конкретный исторический материал венгерской истории (как и истории других стран) убеждает в определяющем воздействии социально-экономических процессов на ход внутриполитического развития.

О том, как влияли эти процессы на внешнеполитическую историю Венгрии, ход которой (в особенности борьба с экспансией Османской империи) в конечном счете обусловили судьбу венгерского народа-этноса в XVI в., позволяет судить сопоставление данных о внешней политике королевства с результатами изучения его социально-экономической и внутриполитической эволюции. Непременным условием воссоздания внешней политики венгерского народа является учет состояния государств, с которыми имело те или иные отношения королевство, а также его возможности и результаты отношений с соседями в предшествующее время. В условиях экспансии Османской империи главным стремлением государств и народов, жертв этой

экспансии, было сохранение самостоятельности. Для феодальных государств это означало сохранение владений и доходов господствующих классов, удержание прежних норм и форм эксплуатации, а также возможностей ведения хозяйства эксплуатируемыми классами, прежде всего крестьянством. Для этносоциальных общностей (народов-этносов) это означало сохранение основных условий их существования и развития этнических территорий, культур. Прогрессивность борьбы с экспансией османов несомненна.

Цели различных государств Юго-Восточной и центральной Европы и формы этой борьбы определялись стратегией, степенью интенсивности в различные периоды экспансии османов - наступающей стороны, сохранявшей преобладание в ресурсах и в военном потенциале над каждой отдельно взятой страной региона, являвшегося объектом их экспансии. Венгрия вела оборонительные войны - сначала ради сохранения своих позиций в вассальных государствах южных славян и восточных романцев, а затем для удержания частей венгерской этнической территории. Южнославянские государства, не обладавшие в силу уровня своего социально-экономического развития и численности населения достаточными ресурсами, были вынуждены оттягивать полное подчинение османам признанием своего вассального положения и уплатой дани, уступками частей своих территорий.

Тесная связь длительного противостояния Венгрии экспансии османов прослеживается при сопоставлении динамики военных действий с денежными ресурсами королевской власти: успехи борьбы с османами могли быть обеспечены только войском наемников, содержание которого требовало значительных денежных средств. Воины из крестьян и дворян, службу которых короли Венгрии не оплачивали, не могли обеспечивать оборону королевства. Демилитаризация крестьянства как эксплуатируемого класса и в чисто военном, и в экономическом, и в идеологическом аспектах уже к началу борьбы с османской экспансией очевидна. Неспособность дворян защищать страну и само их нежелание делать это даже в моменты наивысшей опасности являлись следствием объективной эволюции класса феодалов в связи с натурализацией экономики: демилитаризация дворянства Венгрии была следствием стремления основной его массы к увеличению денежных доходов за счет реализации натуральной и отработочной рент. В описании папским нунцием Бурджо

различных слоев дворянства Венгрии первой четверти XVI в. не нашлось места для земледельцев, входящих в королевское войско [35: 412, с.208]. Их не было и в действительности. Единственный факт, но он позволяет представить причину поражения королевства. Король Матьяш, практически изымавший в виде налогов почти весь денежный доход господствующего класса, содержал за счет этого постоянную армию наемников. Но уже при избрании королем Уласло II, Ягеллон обещал (31 июля 1490 г.) не взимать ежегодный налог в 1 флорин.

Перед лицом османской экспансии короли Венгрии постоянно испытывали нужду в деньгах и в воинских континентах. Увеличения последних можно было добиться лишь расширением круга вассалов, способных выставлять воинские отряды. В этом истоки стремления королей Венгрии расширять этот круг за счет превращения в вассалов сравнительно слабых князей южных славян и восточных романцев, не имевших, в частности, достаточных людских ресурсов. Это стремление короли Венгрии начали осуществлять еще до появления османов в Европе (конец XIV в.), что имело отрицательные последствия для развития владений этих князей, лишившихся части доходов. Когда же короли Венгрии стали основной силой, противостоящей османской экспансии, то сохранение вассалитета указанными князьями, которые выставляли в основные силы, будучи вассалами, вспомогательные отряды, боровшиеся с османами, войско королей Венгрии приобрело значение фактора, противодействовавшего османской экспансии. Вассалитет по форме превратился в союз по существу.

Наличие наемного войска, как уже отмечалось, обеспечило успех борьбе королей Венгрии с экспансией султанов, в которой они использовали местные силы для защиты окраин королевства от набегов османских отрядов, предпринимали вылазки небольших отрядов на занятые османами территории (1419 г., апрель 1428 г.). Было организовано также несколько крупномасштабных походов на захваченные османами области (крестовый поход 1396 г. и ряд других). Выдающимися событиями были так называемый "Долгий поход" Яноша Хуньяди на Балканы (июль 1443 - январь 1444 гг.), а также неудачный поход к Варне, где 10 ноября 1444 г. потерпело поражение войско венгерских и польских рыцарей. Неудачным был и поход в Сербию, где 18-19 октября 1448 г. Янош Хуньяди потерпел поражение. Важное значение не только для Венгрии, но и

для всей Центральной Европы имели сорванные венгерскими войсками попытки султана взять стратегически ключевую крепость Белград в 1440 г. и в особенности 22 июля 1456 г. Поход в Боснию 1464 г. завершил борьбу королевства Венгрии на Балканах. Объективно она способствовала замедлению османской экспансии, грозившей установлением регрессивной во всех отношениях системы османской власти над народами Балкан и Центральной Европы.

После 1464 г. на южных границах королевства установилось равновесие сил, просуществовавшее до 1521 г. Известен лишь один поход короля Матьяша против османов (1476 г.). Обладая сильным войском наемников, этот король использовал его для захвата источников денежных доходов на западе (чего не могли дать балканские владения). К декабрю 1474 г. он овладел чешскими и силезскими территориями, в 1477-1487 гг. землями Австрии. Матьяш добивался от своих западных противников уплаты значительных денежных сумм в виде контрибуций и выкупа захваченных им владений. С целью прекращения османских набегов, наносивших значительный ущерб (1474, 1479, 1480 гг.), Матьяш заключил мирные договоры с Портой (1483, 1488 гг.).

После 1490 г. основную часть денежной ренты, получаемой с зависимого крестьянства, стали присваивать частные феодалы. Как уже было отмечено выше, в сентябре 1492 г. перестало существовать постоянное войско наемников [556, с.321; 557, с.136]. Судьба королевства Венгрии стала зависеть в основном от ее позиции в системе международных отношений. До 1521 г. (в частности, и в 1514 г.) основные силы султанов были заняты действиями вне Дунайского региона. Это был кардинальный момент, определявший международное положение Венгрии. В тот период султанам было выгодно продлевать состояние перемирия с королевством Венгрией, начало которому было положено соглашениями Матьяша с султаном в 1483 и 1488 гг. Подобные соглашения о перемирии подписывались несколько раз (апр. 1495 г., 22 февр. 1503 г., июль 1510 г., 31 окт. 1510 г., сент. 1511 г., но последнее не было утверждено венгерской стороной).

Длительный конфликт между государствами Западной и Центральной Европы (Франция с 1494 г. вела войны за богатые территории Италии, которые переросли в борьбу между королями Франции и Габсбургами за гегемонию в Европе) создавал султанам благоприятные условия для одоления наиболее слабых

европейских государств, к которым стала принадлежать и Венгрия [подробная история венгеро-османских отношений в 1492-1514 гг.: 348].

Кроме данных об ограниченности денежных средств королей Венгрии, о слабости королевства свидетельствуют факты, выражавшие стремление Габсбургов утвердить их влияние в королевстве, а при благоприятных для того условиях присоединить часть его земель к собственным владениям.

Государства Италии и император Максимилиан в 90-е годы XV - начале XVI в. завязали мирные отношения с султанами. Османское посольство 30 ноября 1490 г. впервые появилось у папы римского. Известно также о прибытии посла султана к папе 11 июня 1493 г., в мае и июне 1494 г., о письмах султана папе (сентябрь 1494 г.). В 1499 г. к султану были направлены посольства папы Александра VI, городов Флоренции, Пизы, Милана, Неаполя, Венеции.

Ранее, в 1494 г., помощь султана пытался получить король Неаполя против Франции, в 1498 г. - Милан и Феррара против Венеции [453, с.13]. В 1497 г. Максимилиан принял султанское посольство в Инсбруке, а в 1510 г. направил своего агента к папе Боснии с просьбой напасть на владения Венеции. Известно письмо императора от 24 августа 1513 г. султану с просьбой о помощи против Венеции.

Наибольший вклад в борьбу с османами внесла Венеция [525, с.662-665], которая после войны с Баязидом II в 1499-1502 гг. стала склоняться к компромиссам с Портой; Порта в особенности после захвата Египта в 1517 г. стала контролировать источники зерна, получаемого Венецией. Во время этой войны Венгрия, которая вступила 14 июля 1500 г. в антиосманский союз Венеции, короля Франции и папы Александра VI, созданный 15 апреля 1499 г. в противовес союзу султана, императора Максимилиана I и Милана, получила от Венеции и папы 335 тыс. золотых флоринов [453, с.83-92]. Но о неготовности дворянского войска Венгрии к войне свидетельствовал смут, устроенный королем на Государственном собрании в Баче в присутствии послов Венеции, Польши и Франции в ноябре 1500 г. [21: 299, с. II].

В начале 1501 г. султан предложил Венеции мир при условии сохранения за собой захваченных им областей. Султан боялся объединения против него сил Венгрии, Польши, Валахии, Молдавского княжества и даже Русского государства. Венеция отклонила предло-

жение. 12 мая 1501 г. в Буде было торжественно объявлено о заключении союза Уласло II, папы Александра VI и Венеции. 3 марта 1501 г. папский легат в Буде провозгласил крестовый поход против османов.

В ноябре 1502 г. было заключено предварительное соглашение о перемирии с Портой, распространенное на Венгрию и Польшу. Окончательный текст мира Венеции с Портой был подписан 10 августа 1503 г. Отдельно Порта заключила семилетнее перемирие с Венгрией в Буде 22 февраля 1503 г. По договору Уласло II с Венецией от 15 февраля 1504 г. Венеция обещала Венгрии ежегодно и в мирное время 30 тыс. золотых [555, с.66,104; 556, с.326 -328], которые она затем выплачивала ежегодно. Поэтому Венгрия фактически осталась вне Камбрейской лиги, созданной против Венеции Людовиком XII, Максимилианом и испанским королем Фердинандом V 10 декабря 1508 г. (папа вступил в лигу 23 марта 1509 г.). В лигу Венгрию призывали ее участники (начало 1509 г.) [453, с.95-98].

По вопросу о начале войны против Венеции королевский совет занял отрицательную позицию еще 15 августа 1509 г. С осени 1509 г. в Буде находился посол Венеции Пьер Пасквалиго. 24 февраля 1510 г. папа римский Юлий II вышел из Камбрейской лиги. Выступление Венгрии против Венеции не произошло, хотя Государственное собрание 2-5 июля 1510 г. приняло об этом решение и такое выступление предусматривалось договором Венгрии с Максимилианом I от 1 октября 1510 г. [556, с.331].

Естественным также было решение правителей Венгрии вступить в "Священную лигу", созданную против Франции в ходе Итальянских войн Венецией, папой и королем Испании 4 октября 1511 г. (декабрь 1511 г.) [453, с.100; 556, с.332].

История союзов с участием папства показывает, что папы обратились к князьям Италии. Сорвавшихся на стороне то одной, то другой сильной державы. Поддерживая временами отношения с султанами, папы продолжали выступать с попытками возродить крестовые походы против османов, а Лев X выступал с проектом общеевропейского похода.

О политике пап Александра VI (1492-1503), Пия III (1503), Юлия II (1503-1513), Льва X (1513-1521) по отношению к королевству Венгрии говорят известные науке события. Это заключение союза короля Франции, Венеции и папы против османов (15 апреля 1499 г.), отправление папой посла в Буду для привлечения Венгрии в

этот союз (октябрь 1499 г.). Чтобы предотвратить заключение королем Венгрии Уласло II перемирия с османами, чем угрожал король, папа в апреле 1500 г. исполнил его просьбу об объявлении недействительными двух браков, в которых Уласло II состоял.

14 июля 1500 г. Уласло II примкнул к союзу Франции, папы и Венеции, после торжественного вступления в союз (12 мая 1501 г.) в Буда состоялся совет по подготовке выступления против османов осенью этого года, поскольку прибывший в конце января 1501 г. в Буда папский легат 3 февраля обещал королю денежную помощь папы и Венеции (соответственно 40 тыс. золотых, кроме церковной десятины и дохода от продажи индульгенций, начатой после 26 июля 1500 г., в 100 тыс. золотых), а 9 марта торжественно провозгласил крестовый поход против османов. По расчету Ватикана, на имеющиеся средства можно было выставить 147 тыс. воинов, в том числе из Венгрии - 20 тыс. Король Венгрии как союзник папы и Венеции получил на борьбу с османами от папы более 166 тыс. золотых, большая часть этой суммы была израсходована не на военные нужды.

Объявление буллой от 15 июля 1513 г. крестового похода в неблагоприятных для султана условиях (связанность сил в Иране) было обречено на неудачу ввиду невозможности объединить силы Европы. В Венгрии крестовый поход перерос в крестьянскую войну.

ГЛАВА 2

Восстание венгерского крестьянства 1514 года

История восстания венгерского крестьянства 1514 г. привлекает внимание ученых и писателей вот уже около полутора столетий [библиогр.: 415;424]. Несомненны успехи в накоплении свидетельств памятников и в их исследовании. Но общеизвестен и тот факт, что современный читатель часто сталкивается с произведениями, описывающими восстание на основе лишь одной (по принятой сейчас классификации, второй) категории памятников. В частности, эти памятники составили основу для изложения событий в романе классика венгерской литературы Йозефа Эвеша

"Венгрия в 1514 году" (1847 г.) [325]. По этому выдающемуся произведению мировой литературы судили и судят о событиях 1514 г. широкие круги читателей. Ставя задачей воссоздание истории восстания на основе всего известного в наше время материала источников при неслучайном учете современных достижений в их исследовании, в выработке методологии и методики этого исследования я счел необходимым сопоставить полученную таким образом картину с теми представлениями, которые дают читателю не только посвященные восстанию работы историков, но и страницы романа Этьеша.

Памятники, отразившие различные стороны крестьянской войны, распадаются на две категории. Первую составляют акты - документы, составленные в основном во время восстания. Сюда же относятся грамоты первой половины XVI в., содержащие лапидарные свидетельства об отдельных событиях 1514 г. Вторая категория наших источников - это литературные произведения (поэтические, публицистические, исторические, мемуары). Они написаны или на сюжет войны, или по мотивам ее событий. Авторы некоторых из этих сочинений описывают события войны в ходе изложения истории королевства Венгрии.

Свидетельства первой категории памятников фрагментарны. Но их большая по сравнению с данными литературных произведений достоверность на сегодняшнем этапе изучения крестьянской войны бесспорна. Естественно, что современные исследователи воссоздают историю войны таким образом по актовому материалу, попутно выявляя на его основе степень познавательной ценности известных литературных памятников. Это характерно и для новейшей работы по истории войны - монографии, написанной Габором Бартой по материалам, собранным покойным архивистом Анталом Фекете Надем [365]. Такое определение вызывается практической необходимостью: читатель может встретиться с изложением истории восстания в работах, написанных в условиях, когда основная масса актового материала еще не была выявлена, и события крестьянской войны излагались по литературным произведениям XVI-XVII вв. [319, 326, 332, 336, 341, 342, 345, с.246-254; 360,369, 377, 381, 383, 384, 391, 397, 398, 417, 422, 430, 439, 445, 446, 449, 459, 461, 462, 473а, 473в, 489, 491, 492, с.120-121; 495, 497а, 498, 512, 513-518, 519, 533, 538, 553, 569, 570]. Сведения о работах, опубликованных до 1945 г., содержатся в историографической статье Белы Беллера [368].

Что представляет собой известный к настоящему времени материал актов? В течение 20 лет выявлением ранее неизвестных грамот, а также критической проверкой текстов уже опубликованных документов занимался венгерский архивист Антал Фекете Надь (1900-1969). После его смерти на основе этих материалов по поручению Института истории ВАН и Государственного Архива Венгрии Геза Эрсеги, Ласло Шоймоши и Дьёзе (Виктор) Кенез составили сборник 426 документов [174; о сб.: 398]. Рукописью этого сборника пользовались Габор Барта, написавший по поручению Института истории ВАН указанную выше монографию, и Ене Сюч, разработавший отдельные вопросы истории крестьянской войны и опубликовавший новые документы о роли части францисканцев-обсервантов в возникновении восстания [340; 154; 580; 581, с.601-667; 582]. В октябре 1975 г. рукопись сборника (ксерокопия находившегося в издательстве ВАН экземпляра) была предоставлена мне дирекцией Института истории ВАН, по приглашению которого я работал в Венгрии. Пользуюсь случаем выразить за это глубокую благодарность Институту и составителям сборника. В дальнейшем изложении при использовании того или иного документа ограничиваюсь указанием на его дату, публикацию в указанном сборнике документов, где содержатся данные о местонахождении памятника в настоящее время [174].

Классификация актового материала, проведенная Енё Сючем [581, с.609-611] выделяет отдельные группы грамот по их происхождению. Первую группу составляют четыре документа, написанные представителями восставших: недатированное обращение предводителей крестоносцев Тамаша Кечкеша из Асало и Лёринца Мессароша из Медьясо (этот документ до его публикации был знаком Этвешу), письмо главы лагеря крестоносцев Ференца Баго судье города Каппия (словацк. Кошице) от 31 мая; недатированное письмо крестоносного воина начальнику замка Токай; недатированное обращение Дьёрдя Секея ко всем городам, местечкам и деревням, а в особенности жителям комитатов Пепт и Сольнок из Цегледа [174, с.95, N 49; с.91-92, N 45; с. 96, N 50; с.121-122, N 79]. При изложении хода восстания привожу полный русский перевод этих ценных памятников. Как и все исследователи, снова обращаюсь к ним при выяснении духовной стороны крестьянской войны.

Во вторую группу актов входят составленные в начале крестового похода, во время восстания и вскоре после его подавления (апрель-ноябрь 1514 г.) частные письма, сообщения, а также донесения послов и деятелей церкви. Авторы большей части этих эпистолярных памятников или проживавшие в Венгрии немцы, или иностранцы - дипломаты и члены свиты короля. Перечислим их: Иерошим из Градешина, главный нотариус короля Чехии [174, с.59-60, N 18]; посол Венеции в Буде Антонио Суриано [с.63-34, N 20; с.72, N 29; с.171, N 134; с.184, N 153; с.233, N 184]; немец Вольфганг Тирнер [с.69-71, N 27]; немец Йозеф Штек, органист церкви в Пече [с.82, N 37]; чех Альберт Рендл, вице-канцлер [с.93-94, N 47]; Матиас Кюниш, капеллан и секретарь маркграфа Георга Бранденбургского [с.208-213, N 179; с.221, N 181]; Бетин, панский протонотариус, аудитор легата Тамаша Бакоца [с.114-116, N 72; ср. 175, с.19-21, N 2]; аноним-испанец [174, с.138-139, N 99; стр. 175, с.24-25; N 30]; Пьеро Ландо, посол Венеции в Риме [174, с.141, N 103; с.145, N 105; с.171-172, N 135; с. 173, N 138; с.176, N 143; ср. 175, с.25, N 32]; канцлер Чехии Ладислав из Штерпберка [174, с.147, N 108]; чех аноним [с.148, N 109]; посол Венеции в Риме Пьетро Квирич [с.150, N 112; с. 157, N 120; с. 173, N 139; с.174, N 140; стр. 175, с.27, 29, N 35, 38]; венецианец Николай де Зуанне [174, с.192-193, N 160; стр. 175, с.31-32, N 45]; немец Георг Прагтнер [174, с. 213-220, N 180]; посол Феррары в Венеции Бернардо Просперо [174, с.170, N 132; с.195 N 163; с.199, N 167; с.232, N 192; ср. 175, с.33, N 50; чех аноним [174, с.241, N 198]; итальянец Иоанн Баггиста Бозанья [246, N 201]; итальянец Иероним Сагрето [с.286-287, N 206]; три письма анонимов-немцев перед 25 мая, 16 и 17 июня 1514 г. [листовки: с. 313-322, N 227; см. также: 42: 307, с.44, 76, 77; 174, с.155-156, N 118; с.200, N 169, 170].

Данная группа актов содержит изложение известий и слухов, циркулирующих в момент, когда было написано то или иное письмо, и в том месте, где оно было написано. Третья группа грамот - это письма и распоряжения светских и церковных властей, советов городов, датированные маем - августом. По ним можно судить о конкретных событиях, происходивших в точно зафиксированный составителем документа момент. К четвертой группе актов относятся источники (документы, записи свидетельских показаний), возникшие через несколько месяцев или лет после окончания восстания. Такого рода документы известны в большом количестве (свыше двухсот единиц). Мозаика их сообщений

позволила исследователям воссоздать многие детали хода крестьянской войны. Генетический принцип классификации современная наука применяет для оценки нарративных памятников. К первой их группе относят записи типа воспоминаний, сделанные через два-три десятилетия после событий 1514 г. Их авторы были свидетелями происходившего в определенных областях королевства. Свою задачу они видели в том, чтобы увековечить и пережитое, и известное им по слухам и рассказам. Они не хотели создавать литературных произведений и не имели способностей для этого. Для трех сочинений, составляющих данную группу нарративных памятников, характерна наивная непосредственность, "варварский" стиль и язык. Важно, что эти три памятника возникли независимо друг от друга, и их авторы запечатлели события в трех областях королевства со своих местных точек зрения. Придворный священник Лайоша II, а затем Яноша Запольяи создал сложный памятник, содержащий наряду со свидетельствами автора о событиях, очевидцем которых он был, изложение слухов и сплетен, а также различного рода домыслы автора. Исследователи признают, что к числу первых относятся его известия о событиях крестьянской войны в районе городов Арада и Дьюлы (комитаты Бихар и Бекеш), где он, по всей видимости, пережил время крестьянского восстания [142, с. 52-70; 154, с.239; 362, с.78]. Анонимный автор хроники на венгерском языке, сохранившейся в бумагах венгерского дипломата, церковного деятеля и историка Антала Верагича (1504-1573), происходившего из Далмации, излагает события 1504-1566 гг. В записях о крестьянской войне основное внимание уделяется событиям на юге королевства в Сереме (Среме) и примыкающих к нему с севера районах [15]. Другой анонимный автор (малообразованный клирик из окружения эстергомского архиепископа Тамаша Бакоца) дал обзор событий 1514 г. как они представлялись ему из Буды [9].

Вторую группу нарративных памятников составляют записи иностранных современников, в распоряжении которых имелась устная информация очевидцев. Они излагали ее в более или менее первоизданном виде, не имея намерения дать последовательную хронологию событий или сделать эту информацию средством выражения какой-либо собственной концепции. В 1515 г. составили свои записи венский гуманист Иоанн Куспивиан (Шписсхаймер) [29], и итальянец Риккардо Бартолини, служивший у гуркского епископа в качестве секретаря [28]. Первый

запечатлел данные, полученные летом 1515 г. во время своего пребывания в Буде с посольством, а второй - от членов венгерского посольства в Вене. Сводкой сведений, известных в Западной Европе, является обзор событий крестьянской войны, составленный предположительно 13-30 ноября 1514 г. в Риме Яном Виталисом Панормитанским (напечатан в ноябре 1514 г.). Некоторые его данные восходят к источникам, неизвестным в самостоятельном виде [27]. К этой же группе источников относится сочинение венецианского историка Даниэле Барбаро, воспроизводившего, по его собственному признанию, сведения, содержащиеся в донесениях посла Венеции в Буде Антонио Суриано [40]. Описание событий во всемирной истории римского историка Паоло Джовио (Павла Иовия) (1483-1552) содержит свидетельства, неизвестные по оригинальным источникам, но полученные историком из вторых рук [39: 290, л. 126-128 об.]. Это же относится к сочинению жителя города Дубровника (Рагузы) Людовико Туберо (1455-1527) о событиях 1490-1522 гг. [33: 283, с.329-335].

К третьей группе нарративных памятников относятся предпринятые авторами XVI - начала XVII в. попытки составить, "разработать" историю крестьянской войны. Первая такого рода попытка принадлежит перу поэта Иштвана Таурина (Штирэхселя) [7: 131]. Поэма "Стауромахия" была написана им при дворе Тамаша Бакоца и в Дьюлафехерваре, где он закончил работать над ней в 1518-1519 гг. Происходил поэт из моравских немцев. В мае - июне 1514 г. он находился в Вене. Конкретных свидетельств поэма содержит очень мало. Она представляет собой компиляцию пассажей и отдельных стихотворных строк ряда античных поэтов эпохи Ренессанса [131]. Венгерский историк литературы Золтан Часар определил происхождение всех заимствований в поэме Таурина [378].

Первой попыткой воссоздать историю событий крестьянской войны на основе использованных свидетельств различных авторов (в основном Джовио, Куспиниана и Туберо) является описание событий в труде по венгерской истории 1490-1552 гг. венецианца Джанмикеле Брута (Бруто) (Янош Михай Брут) (1517-1592) [16: 146]. С 1574 г. он жил при дворе князя Трансильвании Иштвана Батори, с которым в 1576 г. последовал в Польшу, где и написал в 80-е годы свой труд. Это аналогия Яноша Запольяи и попытка обвинить Тамаша Бакоца. Каждое из утверждений Брута требует критической проверки.

Труд Бруга был использован в качестве одного из источников выдающимся венгерским историком Миклошем Иштванфи (1538-1615) при составлении описания крестьянской войны на страницах его монументального труда [17: 147]. Кроме того, Иштванфи пользовался сочинениями Туберо и Джовио, а также какими-то документальными материалами и устной традицией. Труд Иштванфи представляет собой выдающийся памятник историографии, но не исторический источник. Для определения степени достоверности любого утверждения этого автора приходится определять источник сведений автора, писавшего о крестьянской войне, как установил новейший исследователь, в 1599-1600 гг. [369]. Изучение повествования Миклоша Иштванфи показывает, что некоторые его положения являются плодом его литературного вымысла. Отдельные детали, реминисценции содержатся в литературных произведениях первой половины XVI в. [6: 130; 8: 132; библиогр. изд.: 452, т. 1, с. 192, 194].

В течение длительного времени наиболее полной сводкой данных служила книга венгерского буржуазно-либерального историка Шандора Марки [489]. Говоря о познавательном значении его труда, я должен отметить, что автор нашел и ввел в научный оборот обширный документальный материал, но не смог пересмотреть на его основе свидетельства историков XVI-XVII вв., сочинения которых он использовал также в качестве источников. Противоречия между данными документальных источников и утверждениями историков Марки пытался объяснить, не подвергая сомнению достоверность последних.

Использование генетической классификации документальных и литературных памятников позволило Габору Барте и безвременно ушедшему из жизни Ене Сючу создать работы, в которых не только объективно и полно освещены ход крестьянской войны и отдельные моменты ее истории, но и произведена переоценка многих положений, считавшихся до последнего времени общепризнанными [362; 365; 154; 580]. Я с благодарностью использовал многие советы этих моих друзей.

1. Перерастание крестового похода в крестьянскую войну

Особую главу в предыстории крестового похода, переросшего в крестьянскую войну, составляет деятельность кардинала Тамаша Бакоца (о нем см. с. 72) в Риме во время и в особенности после выборов папы, наследника Юлия II, умершего 20 февраля 1513 г.

Бакоцу, одному из претендентов на папскую тиару, не удалось ее получить. 11 марта 1513 г. коллегия кардиналов выбрала папой кардинала Джованни Медичи, принявшего имя Льва X. Но Бакоц после поражения на выборах не спешил с отъездом в Венгрию, оставаясь в Риме до 6 ноября. Ему удалось добиться дополнительных привилегий от нового папы, который, как можно предполагать, пытался чем-то компенсировать неудачу своего бывшего соперника или ценой уступок побыстрее удалить Бакоца из Рима. Лев X подтвердил и расширил привилегии эстергомской архиепископии, а также наделил Бакоца епископиями в Оточаце и Сене (Зенге) в далматинской Хорватии, которой короли Венгрии владели, будучи на основе личной унии ее королями. Бакоц получил также епископию в Милкове в Молдавском княжестве. Как кардиналу Бакоцу досталась при разделении главных должностей римской курии и папского государства власть в Болонье и в Витербо.

Пребывание Бакоца в Риме совпало с началом активизации османов на границе с венграми. Как случалось не раз и ранее, король Уласло II обратился за денежной помощью к папе. Лев X обещал 40 тыс. золотых на организацию крестового похода. Об этой идее стало широко известно в Риме в начале июня. А 15 июля папа провозгласил Бакоца своим легатом для организации крестового похода против османов [174, с.32-34, N 2; ср.: 175, с.7-8, N 1].

Но Бакоц не торопился покидать Вечный город. 3 сентября папа торжественной буллой провозгласил крестовый поход в тех странах, для которых 15 июля Бакоц был назначен легатом. Так как он видит, писал папа, что христианским государствам все более угрожает продвижение неверных турок, а силы королевства Венгрии на исходе, то он призывает всех христианских государей по возможности поддержать направленного им в названные страны легата. Папа разрешил давать полное прощение грехов всем христианам, которые, будут они дворянами или нет, поддержат священную войну лично или выставленными вместо себя воинами, или денежными пожертвованиями. Всем умершим в походе

(необязательно в битвах) папа обещал вечное спасение души и достижение рая. В булле четко определялись прерогативы Бакоца как легата. Средства же, необходимые ему для их осуществления, он составлял из пожертвований и милостыни. Одновременно Бакоц получал право распоряжаться десятиной, которую должны были собрать в странах, куда он был назначен легатом в 1514 г. В прерогативы Бакоца входило пожалование церковных доходов, постов и титулов, освобождение от исполнения клятв, функции верховного церковного судьи и осуществление права надзора. Бакоц мог назначать себе заместителей, а те могли принимать себе в помощь уполномоченных. Папа разрешил собирать в крестоносные лагеря не только владеющих оружием, но и знающих всякие нужные ремесла и науки (от сапожников до оружейников, от врачей до маркитанток "честного образа жизни"). Туда могли приходить священники и монахи, хотя сражаться им не разрешалось. Добровольцы могли сами себе избирать исповедников, которые имели право давать отпущение грехов, кроме самых тяжелых. Булла содержала положение, которое клеймило как отступников и неверных всех, кто препятствовал крестовому походу. Легат имел право отлучать их от церкви [174, с.35-54, N 6]. В то же время мне неизвестны источники утверждения* о том, будто организаторы похода "сулили вступающим в крестоносное ополчение освобождение от крепостной зависимости" [337, с.529; ср.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 388].

Несколько позже папа призвал короля Польши, Великого князя Московского и магистра Немецкого (Тевтонского) ордена прекратить борьбу друг с другом ввиду начала крестового похода [29 нояб. 1513 г.; тексты: 308, т. 2, с. 280, N 378,379,180; регесты: 174, с.57, N 13, 14, 15].

Бакоц пытался отказываться от возложенной на него миссии [27 окт. 1513 г.: 308, т.3, с. 13]. Ему не хотелось покидать Рим. Он добился разрешения вернуться туда после начала крестового похода и назначения себе заместителя. Только эта последняя привилегия способствовала его отъезду.

Выясняя причины провозглашения крестового похода, мы не можем не обратить внимания прежде всего на отсутствие в Европе политических условий для его организации. Этот вывод обоснован Габором Бартой [365, с.16-23]. Поэтому, как уже говорилось, издание буллы о крестовом походе было одной из привилегий, уступленных Бакоцу с целью добиться его отъезда из Рима. Бакоц

уехал, и интерес к этому предпрятию со стороны папы прекратился. Один из авторов воспоминаний о крестовом походе и крестьянской войне утверждает, что Бакоц отпралялся в Рим, чтобы просить папу о провозглашении крестового похода [14: 152, с.52]. Как видим, это утверждение не имеет оснований.

В самом начале марта 1514 г. Бакоц прибыл в Эстергом, а самое позднее 23 марта - в Буду [11 авг. 1514 г.: 174, с. 192, N 160; стр.: 175, с.31-32, N 45]. В тот же день началось заседание королевского совета, посвященное проблеме войны с османами.

Источники довольно определенно характеризуют отношения между королевством Венгрии и Османской империей. Наиболее вероятно отсутствие мира или перемирия с султаном [35]. Свидетельство канцлера Чехии от 13 апреля 1514 г. [365, с.30] дезавуирует известные современникам слухи о трехлетнем мире [письмо горожанина Буды от 25 мая 1514 г.: 174, с. 318, N 227, стр.: 175, с.38, N 62]; о мире и перемирии [8 марта 1514 г., 7 апреля 1514 г.; 174, с. 63, N 20; 20: 285, т. 2, с. 247, 249; 28: 289, л. 52].

Утверждение историков, не знавших свидетельств об отсутствии мирного соглашения с османами (от 13 апреля 1514 г.) и известия о переговорах послов короля Уласло II с Портой [309, т. 2, N 57] в августе-сентябре 1513 г. [556, с. 334], о том, что ко времени обсуждения вопроса о крестовом походе в королевском совете будто бы существовал мир с османами, нуждается в пересмотре [489, с.67; 572, с.518].

Ряд известий позволяет судить о том, что на южных границах королевства Венгрии не прекращались местные столкновения с османами. Летом 1513 г. Янош Запольяи совершил рейд в подвластные султану территории Валахии и Сербии и возвратился с большой добычей и многими пленными. Петер Берисло 16 августа 1513 г. [556, с.335] разбил у Душницы, в Банате Хорватии, вторгшийся туда отряд османов [сводка изв.: 489, с. 56]. В ответ на это папа Боснии захватил несколько крепостей в Далмации и в Хорватии. В феврале-марте 1514 г. сильной осаде подверглась крепость Книн (венг. Тиннин) - ключевой стратегический пункт в центре Далмации [556, с. 334].

С осени 1513 г. в королевстве шли приготовления к военным действиям. Уласло II отдал распоряжение о сборе дворянского войска комитата Бач под командованием ишпана комитата Темеш, главного военачальника (капитана) южных районов королевства Венгрии Иштвана Батори [11 нояб. 1513 г., излож.: 365, с. 31].

Затем король призвал власти так называемых свободных королевских городов готовиться к общему походу [23 нояб. 1513 г., изложение: 489, с. 47].

Были отданы распоряжения об обеспечении снабжения королевского отряда, стоявшего в Темешваре (рум. Тимишоара) (7 января 1514 г. (изложение): 365, с. 31, 305). Войско страны продвинулось на границу в Славонии [24 апр. 1514 г.: 174, с. 64, N 21; стр.: 175, с.9, N 3]. Отряды же Петера Берисло были отведены к Буде и в Задунавье для пополнения и отдыха, так как стало известно о готовившемся нападении османов на территорию Хорватии [4 мая 1514 г.: 174, с.69, N 26; стр.: 175, с.9, N 4; 8 мая 1514 г.: 174, с. 70, N 27]. В начале 1514 г. происходили стычки между гарнизонами османской крепости Сендре (сербскохорв.: Смедерево) и венгерской Нандорфехервара (рус. Белград, сербскохорв. Београд), в одной из которых отличился будущий вождь крестьянской войны Дьёрдь Дожа.

Факт заседания королевского совета отражен в свидетельствах современников [8 мая, 11 авг. 1514 г.: 174, с. 70, 192, N 27, 160; ср. 175, с. 31-32, N 45]. Они же говорят о разногласиях между представителями господствующих слоев относительно крестового похода. Так, в Венеции было известно, что на заседании совета, длившегося несколько дней, палатин, а также воевода Трансильвании, бан Хорватии (Петер Берисло), герцог Уйлаки и еще несколько магнатов возражали против провозглашения похода, не желая, по словам современников, нести расходы на эту войну [11 авг. 1514 г.: 174, с. 71, N 27; с.192, N 160, с р. 175, с.31-32, N 45]. Об оппозиции дворянства идее похода было известно в Буде 25 мая (письмо горожанина Буды) [174, с.317, N 227; ср.: 175, с.38, N 62].

Этим исчерпываются достоверные данные об обсуждении вопроса о крестовом походе на заседании королевского совета. Известны сообщения об этих прениях авторов XVI - начала XVII в. [16: 146, т. 1, с. 277; 17: 147, с. 64-65]. Миклош Иштванфи вложил в уста Иштвана Телегди "речь" против провозглашения крестового похода. По словам Иштванфи, Телегди предвидел неизбежность выступления крестоносцев против господ. В описаниях Брута и Иштванфи имеются фактические неточности, обнаруживаемые при сопоставлении этих описаний с данными современных событиям свидетельств. Иштванфи называет Телегди казначеем. Но уже с 1512 г. он казначеем не был, являясь "королевским советником" [изв. источн.: 314, с. 40, 41, 46; 464, с. 126]. В "речи" Телегди

имеется ссылка на существование мирного соглашения с Портой. Как мы, однако, видели, достоверное известие (от 13 апреля 1514 г.) говорит об отсутствии мира или перемирия с османами.

В общем, "речь" Телегди представляется плодом литературного вымысла автора начала XVII в. Вложенные им в уста Телегди аргументы - не что иное, как ретроспекция (пророческое предвидение) хорошо известных этому автору событий крестьянской войны.

О предмете споров в королевском совете можно судить, исходя из данных о степени готовности королевства, в особенности его финансов, к военному предпрятию. В результате натурализации эконоимики к началу XVI в. значительно сократились доходы королевской казны. Поступления в казну (250 тыс. флоринов в год) были значительно меньше тех расходов, которые требовала оборона королевства от турок (300-400 тыс. флоринов) [результаты подсчетов: 365, с. 33-34].

Можно предполагать, что мелкие дворяне, имевшие всего по несколько семей крепостных, сразу же заняли враждебную позицию по отношению к крестовому походу, организация которого грозила им чувствительной потерей рабочей силы. Провозглашение крестового похода стало дополнительной причиной обострения внутриполитической борьбы. Как указывалось ранее, с начала XVI в. она приобрела форму соперничества двух "партий" (28: 366). "Партия" Яноша Запольяи, поддерживаемая массой мелкого и среднего дворянства, сохраняла к весне 1514 г. свое единство. Упрочению ее позиций способствовала поддержка короля Польши Сигизмунда I Старого, за которого в 1508 г. выдал замуж свою сестру Борбалу Янош Запольяи. До этого Сигизмунд I стремился примирить Яноша Запольяи и своего брата Уласло II. В рядах придворной, прогабсбургской "партии" наблюдались противоречия между отдельными магнатами. Так, Бакоц и Янош Борнемисса занимали различные позиции по отношению к Венеции: первый придерживался провенцианской ориентации, а второй был враждебен по отношению к республике св. Марка. Успешное наступление на всевластие вел печский епископ Дьёрдь Сатмари, которому удалось взять в свои руки руководство королевской канцелярией. По словам польского посла в Буде, в 1513 г. Венгрией правили Янош Запольяи и Дьёрдь Сатмари [воспроизв. свидетельства: 373, с. 312].

О стремлении Бакопа иметь независимость в своих действиях, в частности в организации крестового похода, свидетельствует тот

факт, что из Рима он привез для этой цели много иностранцев-священнослужителей (легатов, епископов и священников с докторской степенью, проповедников), находившихся в его личном распоряжении [8 мая 1514 г.: 174, с. 70, N 27]. Однако нельзя забывать того, что это была личная неприязнь людей, ведших политическую борьбу с "партией" Яноша Запольяи. Так, в мае 1514 г. Бакоц добился от папы сокращения прав пробства Сепеша - области, где находилось много фамильных владений Яноша Запольяи [365, с.40, 305].

Запольяи, со своей стороны, добился того, что Бакоц не мог послать своих людей в воеводство Трансильванию для сбора крестоносцев. Бакоц возложил эту миссию на епископа Трансильвании Ференца Вардаи [25 апр. 1514 г.: 174, с. 65-66, N 22]. Для него была изготовлена заверенная копия папской буллы [3 апр. 1514 г.; текст копии: 174, с. 60-63, N 19]. Обстоятельствами внутривойсковой борьбы, видимо, объясняется и тот факт, что оказалось невозможным одновременно с провозглашением похода найти военачальника, который мог бы возглавить крестоносное войско.

Придворная "партия", имевшая решительный перевес в королевском совете, приняла предложение Бакоца о провозглашении крестового похода. Несколько позже сам Бакоц ссылаясь на согласие совета [2 мая 1514 г., излож: 365, с. 29]. Известно об этом было и современнику событий [перед 25 мая 1514 г.: 174, с. 318, N 227; ср. 175, с.38, N 62].

Папская булла предусматривала провозглашение крестового похода в ряде стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы [3 сент. 1514 г.: 174, с. 40, N 6]. Практически же деятельность Бакоца как легата ограничилась королевством Венгрией. Есть данные об отказе правящих классов Чехии, Польши, Венеции от участия в походе [365, с.60]. Император Максимилиан I разрешил Бакоцу провозгласить буллу в землях Германской империи [3 июня, 22, 23 июня 1514 г. излож: 365, с. 60, 308]. Но сделать этого не удалось.

Дату провозглашения похода памятники указывают по-разному: 9 апреля [9; 133, с. 273], 28 февраля - 15 апреля [24 мая: 174, с. 78, N 4] и 16 апреля [17: 147]. Современные историки наиболее вероятной датой считают 9 апреля [365, с.61]. В Буде на площади св. Дьёрдя (Георгия) перед храмом св. Жигмонда один из католических иерархов прочитал по-латыни папскую буллу, а затем

провинциал ордена францисканцев Балаж Дежи перевел ее, подчеркнув при этом, что вечное наказание ожидает всякого, кто осмелится под каким-либо предлогом удерживать кого-либо от ухода в войско.

Затем начался сбор крестоносцев на всей территории королевства, кроме воеводства Трансильвания. Реализуя предоставленное ему право назначать заместителей, которые могли посылать своих уполномоченных, Бакоц провозгласил лично поход в Буде и Пеште и поручил сделать это в других местах обсервантам - членам одной из ветвей монашеского ордена францисканцев [15 мая 1514 г.: 174, с. 73, N 30; ср.: 175, с. 10, N 5; о комиссарах, уполномоченных Бакоца в Буде и Пеште: 24 мая 1514 г.: 174, с. 78, N 34; с р.: 175, с. 12, N 9].

Кроме того, в Буде действовал Балаш Дежи. В Вараде глава (гвардиан) тамошних францисканцев в своем рвении пренебрег соответствующими запрещениями Бакоца и Запольяи, послав в воеводство Трансильванию письма, призывавшие собираться в крестовый поход [7 июня 1514 г.: 174, с. 193, N 60; ср.: 175, с. 18, N 19].

Циркуляр о провозглашении похода был разослан Балажем Дежи всем кустодам обсервантов королевства, составлявшим единый викарнат [б. д. (предпол. 25 апр. 1514 г.): 174, с. 67, N 24]. Для них же был подготовлен образец текста грамоты, излагавшей полномочия проповедников крестового похода [б. д. (предпол. после 25 апр. 1514 г.): с. 68, N 25]. Эти проповедники являлись уполномоченными по сбору крестоносцев. Большинство их составляли священнослужители - представители низшего духовенства. Их призывы основывались на положениях религии. При этом идея священной войны связывалась в проповедях этих уполномоченных, действовавших на территориях, которым непосредственно угрожали османы, с естественным желанием населения защитить свои дома и семьи. Там, где не было такой угрозы, идея священной войны сочеталась с мыслью о том, что защита страны (королевства) является моральной обязанностью крестьянства. Этот вывод обоснован анализом совокупности источников, в том числе и недавно введенных в научный оборот [581, с. 639-641].

Источники, таким образом, не позволяют говорить о более или менее единой идеологии крестоносного движения.

Центром сбора крестоносцев стал возникший, видимо, сразу же после провозглашения похода (во всяком случае - до 25 апреля)

лагерь под Пешгом. К 24 апреля здесь насчитывалось всего триста человек. К 8 мая их численность достигла 15 тыс. В конце мая на территории королевства имелось 30-50 тыс. крестоносцев. Утверждение автора начала XVII в. о том, что в течение месяца в лагере под Пешгом собралось около 40 тыс. человек [17: 147, с. 66], современные исследователи справедливо воспринимают как свидетельство о численности крестоносцев во всем королевстве [анализ показаний источн. и оценка утверждений историков: 154, с. 214-215; 365, с. 63].

Точной локализации лагеря ни в одном из памятников нет. Накануне 25 мая некий горожанин Буды писал о том, что крестоносцы находятся в одной миле от Пешга [174, с.315, N 227; ср.: 175, с.37, N 62]. О других местах сбора крестоносцев можно судить по свидетельствам источников, запечатлевших действия крестоносцев, а затем восставших крестьян, в мае - июле в тех районах, где после объявления похода были созданы крестоносные лагеря [предпол. к 25 апр.: 365, с. 299]. Интенсивно собирались крестоносцы в районах севернее Пешга - в комитатах Пешг, Ноград, Хонт и Хэвеш [16 июня 1514 г.: 174, с. 116, N 73; ср. 175, с.21, N 23].

Примерно через две недели после провозглашения похода появилось несколько крестоносных отрядов в районе города Капши (словацк. Кошице) [свидетельства об этом в грамотах: б.д. (май 1514 г.): 174, с. 95, N 49 (Тамаш Кечкеш и Леринц Месарош); б. д. (май 1514 г.): 174, с. 76, N 32 (Иллеш из Толчвы); 18 мая 1514 г.: с. 75, N 31; 24 мая 1514 г.: с. 80, N 35; 31 мая 1514 г.: с. 91-92, N 45; 31 мая 1514 г.: с. 92, N 46; 31 мая 1514 г.: с. 91, N 44]. Отряд крестоносцев собрался также в Шарошпатаке [б. д. (май 1514 г.): с. 96, N 50; стр.: 175, с.11-13, 1517, N 6, 7, 10, 14, 15, 16, 17].

О крестоносном движении в комитате Бихар, в частности около Варада (рум. Орадя Маре), можно судить по тому факту, что здесь уже в середине мая начались стычки крестоносцев с феодалами [перед 25 мая 1514 г.: 174, с. 317, N 227; до 9 июля 1514 г., 22 авг. 1514 г.: с. 201-202, N 173; 14: 142, с.68; ср.: 175, с.38, N 62]. Районы Тура (совр. Мезэтур) и Дьюлы (комитаты Кюльшэ-Сольнок и Бекеш) в числе первых выставили крестоносцев: в этих местах столкновения крестоносцев с господами отмечены уже в первых числах мая [15 июня 1515 г.: 174. с. 347, N 248].

Актовый материал зафиксировал, кроме указанных выше, действия восставших крестьян, бывших сначала крестоносцами, во мно-

гих населенных пунктах северных, восточных и южных комитатов королевства Венгрия (см. ниже). Этот же материал подтверждает слова автора начала XVII в. о том, что большие массы крестоносцев собрались кроме Пешта, у Варада, Секешфехервара, Калочи, Баца [17: 147, с.66]. Но все известные данные не позволяют принять предположения о том, что крестоносцы собирались около всех центров епископий и наиболее крупных монастырей [498, с.77, 89].

Характерно, однако, что крестоносное движение не затронуло местностей Темешкёза, где впоследствии развернулись главные действия армии восставших крестьян. Поэтому при ее приближении предводители феодального войска не беспокоились за свои тылы.

Для организации крестового похода характерно, что уже в самом начале в нем стали принимать участие, кроме назначенных для этого франсисканцев, что подробно выяснил Енё Сюч [580, с.214], добровольно взявшиеся за это дело люди, главным образом представители белого духовенства. В начале восстания это признавал сам Бакоц [24 мая 1514 г.: 174, с. 78, N 34; ср.: 175, с. 12, N 9].

Самочинными организаторами крестоносных отрядов являлись Кечкеш из Асало и Лёринц Месарош из Медьясо. Видимо, они были мирянами. В их сохранившейся прокламация - одном из немногих памятников, выпешдших из-под пера представителей крестоносцев, говорилось: "По божественному соизволению. Папа Лев десятый, а также яснейший князь, божьей милостью король королевства Венгрии, Чехии, Славонии, Хорватии Уласло и почтеннейший во Христе отец и господин Тамаш, архиепископ Эстергомский, кардинал римской курии и патриарх константинопольский всем и каждому в отдельности людям обоого пола объявляем, извещаем и доводим до сведения о войне крестоносцев, которую мы хотим начать по соизволению всемогущего Бога, что тот, кто с добрыми намерениями примет в ней участие, будет освобожден от грехов и от наказания. Кроме того, если любой человек захочет сражаться против самых неверных турок ради всего христианского мира или пошлет вместо себя человека, то эти оба освобождаются от грехов и от наказания. Затем, все те, кто предоставляет помощь конем или телегой, или оружием, или деньгами, также освобождаются от грехов и от наказания, а относительно буллы, которая дана почтеннейшим господином архиепископом Эстергомским Тамашем: она будет

действительна без конца для сынов сыновей и для их потомков, и никто не должен возражать против нее под страхом отлучения от церкви. Если кто-либо из христиан имеет намерение участвовать в упомянутой милостивой деятельности, а их от этого намерения будут отговаривать хоть одним словом или фразой или отец, или мать, или жена, или кто-либо из родственников, то как члены дьявола они будут отлучены от церкви и не смогут получить ни от кого отпущения грехов, кроме папы. Те, кто бедны и желают такого радостного отпущения в соответствии со своими силами, пусть будут полностью освобождены от грехов и наказания. И если придет кто-либо их сборщиков налогов и захочет взыскать или получить с них несправедливо деньги, то их, крестоносцев, все собрание [весь народ, вся общность] со своей стороны пусть поднимется против них [сборщиков налогов] и если всех их убьют, то пусть убийцы не понесут никакого наказания. Если же кто повезет вслед за крестоносцами продовольствие и что-либо другое, то не должны нигде платить пошлину и брать что-либо хотя бы стопомостью в одно яйцо силой или бесплатно, но за все должны платить. Пусть кому-либо из честных женщин будет дано разрешение идти ради всемогущего бога, чтобы стирать одежду крестоносцев и осуществлять другие подобные заботы, или заботиться о тех, кто будет ранен, не беря за это плату. Военачальники (принципес) крестоносцев Тамаш Кечкеш из Асало и Лёринц Месарош из Медьясо" [174, с.95, N 49, ср.: 175, с.16-17, N 16].

Текст этой прокламации сохранился в архиве города Капши. В XVIII в. он был скопирован для рукописных коллекций Дьёрдя Прая и Иштвана Каприная, которые хранятся в библиотеке Будапештского университета. По форме рассматриваемый документ представляет собой краткое изложение папской буллы, упрощенную и значительно измененную выдержку из нее. Это изложение народного понимания идеи крестового похода. Такая оценка документа Енё Сучем представляется вполне обоснованной [581 с.636-639]. Заслуживает внимания и отношение крестоносных вожakov к реалиям, отягощавшим жизнь крестьян: к "несправедливым" денежным налогам и пошлинам.

Сохранилась прокламация еще одного такого же предводителя крестоносцев - приходского священника из Тольчвы: "Всем и каждому в отдельности приходским священникам, их заместителям, где бы они ни были поставлены, судьям и

присяжным (членам совета городов). Так как мы по особому поручению почтеннейшего господина Тамаша, архиепископа эстергомского и кардинала константинопольского, посылаем жителя Шацы (имение, ныне в черте г. Кошице: [174, с.605] Лёринца Сюра для сбора людей против невернейших турок, а поэтому под угрозой отлучения приказываем и поручаем вам, чтобы вы с честью (с почетом) приняли его и сопровождающих его людей, чтобы вы побудили ваших прихожан принять крест, а также, чтобы вы предоставили и приказали предоставить продовольствие и все необходимое для войска. Вы должны и обязаны также, прочтя этот приказ, выйти им навстречу с торжественной процессией с песнем. Из Тольчвы, в 1514 году. Приходский священник из Тольчвы Иллеш, уполномоченный почтеннейшего господина кардинала Эстергомского" На обороте этой прокламации, сохранившейся в архиве города Кашпи, имеется запись: "Эти письма или это изложение представили нам и заседающим вместе с нами в семь часов утра девятнадцатого мая (на шестой день после дня св. Софии) в кашцелярии прихода отдельно друг от друга приходский священник из Шебеша (или из Сепша) Петер и приходский священник Бенедек из Герше (Гече), в день, указанный выше, 1514 года. И присутствовали при этом уважаемые приходский священник магистр Янош и проповедник Кашпи ("кашповиенпис") магистр Хенрик" [174, с.76, N 32; ср.: 175, с.11, N 7]. Также самовольно собирал крестоносцев приходский священник села Сиксо, имени которого источники не сохранили. Бакоц даже считал необходимым направить ему грозное послание [24 мая 1514 г.: 174, с. 80, N 35; ср.: 175, с.12-13, N 10].

В крестоносные отряды стекались главным образом крестьяне - жители деревень и местечек. Сюда приходили и хайдуки - пастухи, составлявшие к этому времени особый социальный слой [сводка свидетельств о них: 546]. Были среди крестоносцев и священники [их перечень: 489, с.91]. Источники упоминают среди крестоносцев мряп-грамотеев, дворян, немногих горожан. Магнаты же в поход не уходили [27: 286, с.296].

Достоверные известия говорят об участии в крестовом походе, а затем в восстании только венгров и части сербов (в южных районах государства). Населенные словаками районы восстанием охвачены не были [492, с.420-421]. Есть современное событиям известие о присоединении немецкого и чешского простонародья из пограничных с королевством Венгрией земель к венгерским

крестьянам [12 июля 1514 г.: 174, с. 157, N 120; ср.: 175, с.29, N 38]. Историки знают и свидетельство о провозглашении крестового похода Бакоцем за рубежами королевства Венгрии: это запись в анналах на чешском языке [ее излож.: 174, с. 62]. Однако оба эти факта не находят подтверждения в других памятниках и в силу этого представляются недостоверными. Кроме того, о невозможности стихийного присоединения жителей Германской империи и Чехии к крестоносцам Венгрии говорит то обстоятельство, что западные пограничные районы королевства практически остались вне крестоносного движения.

С момента провозглашения крестового похода (9 апреля) до выхода крестоносного войска из-под Пешта (9-10 мая, об этой дате см. ниже) прошел всего один месяц. Такой срок для сбора военных сил признается весьма коротким; на государственные собрания дворяне собирались как минимум в течение двух месяцев [конкретные примеры этого: 365, с. 63].

Енё Сюч предполагает, что сбор массы крестоносцев (о росте их численности под Пештом см. выше) был ускорен деятельностью францисканцев-обсервантов, на которых Бакоц возложил задачу организации похода, видимо, между 9 и 25 апреля [154, с. 214]. До самого последнего времени историки считали несомненным факт назначения Дьёрдя Дожа командующим крестоносным ополчением 24 апреля, основываясь при этом на датировке, имеющейся у авторов воспоминаний о событиях [15: 141, т. 2, с. 5; 14: 142, с. 58; 489, с. 83; 365, с. 68-69, 299; 154, с. 214]. Однако пересмотр всех известных в настоящее время свидетельств с учетом классификации источников, в которых они содержатся, по их происхождению позволил высказать предположение о том, что Дьёрдь Дожа под Пештом еще не был командиром отряда крестоносцев, а находился в числе первых собравшихся там крестоносцев как один из военачальников. Он стал командующим крестоносной армией, вышедшей из-под Пешта, в комитате Бекеш в момент, когда она превратилась в войско восставших крестьян [365, с.83].

Основная масса современных событий памятников называет вождя крестьянской войны Дьёрдем Секеем [сводка их известий: 489, с. 5]. Родовое имя его Дожа (Доша) фигурирует лишь в четырех памятниках XVI в.: в дневнике секретаря Яноша Запольяи, Габора Миндсенти, составленном около 1540 г.; в замечаниях на полях книги Эразма Роттердамского "Адагия", сделанных примерно в это же время каноником из Дьюлафехервара (Алба Юлия)

Тамашем Пелеи; в погодных записях города Брашю (нем. Крошпадт, рум. Брашов) за XVI в. [317, с.149; 365, с.64, 309] и в сочинении автора начала XVII в. [17: 147, с.65]. Последний говорит, что семья Дожей происходила из секейского местечка Дальнок. Достоверность первых трех известий позволяет признать правдивым и это последнее сообщение, на основе которого имя Дожи сначала получило широкое распространение, а затем стало единственным именем крестьянского вояжа в исторической и художественной литературе XIX в.

Определенных данных о жизни Дьёрдя Дожи до 1514 г. нет. Судя по его имени "Секей", он происходил из секеев, но получил он это имя, вероятно, после ухода из общества секеев, в новом окружении, по своему происхождению, выделявшему его в том обществе, где он оказался. Поскольку Дожа к 1514 г. не был членом секейской общины, он не обладал и привилегиями ее как коллектива дворян. Основательной поэтому представляется характеристика социального статуса Дожи королем Уласло II: "ближе к крепостному состоянию, чем к дворянству" [б. д. (предшл. 1514 г., или после июля 1514 г.): Уласло II о деле камерария Яноша Сакойи: 174, с. 166, N 126].

Ученым давно известен документ, содержащий жалобу города Надьсебена (рум. Сибиу) вице-воеводе Трансильвании на убийство и ограбление нескольких его жителей, направлявшихся на рынок в городе Медьспе (рум. Медиаш). Вице-воевода заподозрил в содеянном Дьёрдя Дожу из Макфальвы (в секейском округе Марошсек) и посоветовал жалобщикам написать представителям секейской знати, чтобы те не терпели в своей среде этого (Дьёрдя Дожу) "известного разбойника" страны Трансильвании, а подвергли бы его наказанию в соответствии с тяжестью содеянного [19 июля 1507 г.: 174, с. 557-558, N 426].

Нет, однако, никаких позитивных данных, которые бы делали вероятной гипотезу Шандора Марки о тождественности "известного разбойника" Дожи и Дожи-вождя крестьянской войны [489, с.3]. В частности, невозможно использовать семейные предания рода Дожей из Макфальвы, ибо не исключено, что семья крестьянского вояжа Дожи была уничтожена во исполнение распоряжения Яноша Запольяи о наказании смертью тех, кто проявит намерение восстать [19 июля 1514 г.: 174, с. 120, N 77].

Определенные сведения о Доже относятся к его жизни в 1514 г. Непосредственно перед появлением в лагере под Пештгом он слу-

жил в качестве одного из офицеров кавалерии в гарнизоне венгерской крепости Нандорфехервар (Белград). Победа в схватке со знатным османом сделала Дожу знаменитым. Это событие произошло 28 февраля 1514 г. [25: 141, т. 2, с. 5].

С разрешения начальника крепости Дожа отправился в Буду, где он надеялся получить награду за свой подвиг. Ранее в таких случаях пикто из победителей в местном бою не отправлялся к королю за наградой. Поэтому можно предполагать, что Дожей двигало и намерение участвовать в крестовом походе. Все эти факты представляются весьма вероятными Габору Барте, пересмотревшему в последнее время все данные памятников относительно жизни Дожи в 1514 г. [362, с.87].

Авторы XVI - начала XVII в. рассказывают, что король пожаловал в качестве награды Доже деревню в районе Темешвара (рум. Тимшоара) с 40 семьями крепостных крестьян. Кроме того, Дожа получил денежный оклад, золотую цепь, меч и шпоры. Ему был пожалован и герб [33: 283, с.330; 17: 147, с.65]. Это сообщение о наделении секея Дожи рыцарскими атрибутами дворянина как будто подтверждается тем, что впоследствии сам он использовал титул рыцаря ("стрепуус милес") [б. д. (перед 21 июня 1514 г.): 174, с. 121, N 79; ср.: 175, с.22, N 26].

Впрочем, согласно использованной рядом авторов XVI в. традиции, Уласло будто бы пожаловал Доже деньги (от 200 до 400 золотых флоринов, или дукатов), но чанадский епископ Миклош Чаки воспротивился выплате этих денег. Тогда Дожа обратился с жалобой к Бакоцу, который сделал якобы его главой крестоносцев [9: 133, с.274; 14: 142, с.57; 15: 141, т. 2, с. 6].

Этот эпизод вымышлен с целью представить мотивы убийства епископа Миклоша Чаки по приказу Дожи (о нем см. ниже). В действительности епископ чанадский никакого отношения к казне не имел, а самое главное: казна была практически пуста. 15 мая 1514 г. король заложил доходы от сбора торговой пошлины (тридцатины) в Буде за сукно стоимостью в 1450 золотых флоринов, 17 мая король взял займы у Бакоца 1600 флоринов [свидетельство неопубл. док.: 365, с. 310]. В такой ситуации не могло быть и речи о денежном пожаловании.

Некоторые современники событий, оставившие записи о них, отметили, что Дожа или был избран народом [28: 289, л. 752], или сам взял на себя командование крестоносным войском [9: 133, с.274; 27: 174, с.243, N 200]. Эти свидетельства, видимо, отражают

реальный факт выдвижения Дожи в качестве командующего армией в момент ее превращения в войско восставших крестьян. Они более достоверны, нежели рассказ автора начала XVII в. о том, что Бакоц, отслужив торжественную мессу в храме св. Жигмонда (Сигизмунда), благословил Дожу в качестве предводителя крестоносцев, что на платье Дожи портной Бакоца нашил красный крест, а сам Бакоц вручил ему знамя и направил в пештский лагерь [17: 147, с.65].

Бакоц вынужден был сделать уступку враждебной ему "партии" магнатов, возглавляемой Яношем Запольяи, и отказаться от посылки своих представителей в воеводство Трансильванию для сбора крестоносцев. 25 апреля Бакоц поручил это дело стороннику Яноша Запольяи епископу Трансильвании Ференцу Вардаи, назначив его вице-легатом. Противники Бакоца получили возможность помешать осуществлению замысла крестового похода [174, с.65, N 22].

Во исполнение решения королевского совета о походе пло передвижение королевских и магнатских отрядов к южным границам страны. Ими командовали известные своими военными успехами военачальники бан Хорватии Петер Берисло, воевода Трансильвании Янош Запольяи, темешский ипшан Иштван Батори, Криптоф Франгепан (Фракопан). Так что утверждение современных историков об отсутствии в королевстве военных руководителей, которые были бы способны возглавить поход, представляется необоснованным. Руководители были, но в условиях внутривластной борьбы ни один из них не мог рассчитывать на согласие большинства магнатов с его кандидатурой. К тому же каждый из военачальников имел свое войско, и, по-видимому, не претендовал на командование пештским или другими отрядами крестьян-крестоносцев.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что ни в одном из свидетельств, датированных ранее 3 июля, Дожа не упоминается. В современном событиям актовом материале и в сочинениях очевидцев отсутствуют данные о действиях пештского отряда в конце апреля - первой половине мая. О них можно предполагать исходя из единственного, по всей видимости, достоверного известия современника. Говоря о походе войска крестоносцев от Пешта на юго-восток, к Темешвару, он отмечает, что в местечке Бекеш крестоносное войско настиг приказ Бакоца о прекращении сбора крестоносцев [14: 142, с.59-60]. Этот приказ был издан 15 мая [174, с.74 N 30; ср.: 175, с.10, N 5]. Отделяющие Бекеш от Буды 180 км

гонiec мог покрыть за три дня, т.е. пештское войско находилось в Бекеше уже 18 мая. Так как средняя скорость движения войск в XVI в. составляла около 20 км в день, но крестоносное войско двигалось медленнее, то, исходя из всех этих данных, современные исследователи с полным основанием предполагают, что войско крестоносцев вышло из-под Пешта 9-10 мая в поход на османов. Превращение его в армию восставших крестьян произошло после получения приказа Бакоца прекратить сбор крестоносцев. Первое же сражение армии восставших с господами произошло 23-24 мая у Апатфальвы и Надьлака (рум. Надлэк) - в 280 км по прямой от Пешта. Датировка этих событий содержится в документах [31 мая, 3 июля, 25 авг. 1514 г.: 174, с. 94, N 47; с.143, N 104; ср.: 175, с.25-26, N 33: с. 209, N 179].

Путь от Пешта до Апатфальвы и Надьлака у пештского отряда занял 14 дней. И эти данные также позволяют думать, что отряд крестоносцев вышел из-под Пешта самое позднее 10 мая. Поскольку письмо от 8 мая, описывающее сбор крестоносцев под Пештом, не упоминает об уходе отряда [174, с.69-71, N 27], то можно предполагать, что он совершился 9 или 10 мая [365, с.73, 76,87].

Представляется достоверным известие автора воспоминаний о маршруте движения армии крестоносцев от Пешта до Апатфальвы и Надьлака (на реке Марош) через села и местечки Сентфальва, Тисаваршань, Надьтур-Тур (совр. Мезётур), Эге (Хедье), Бекеш, Дьюла [14: 142, с.59-61]. Ни какими-либо свидетельствами, ни более поздними событиями не подтверждаются слова автора начала XVII в. о том, что армия крестьян двигалась на Сегед. При этом совершенно непонятно отделение от основных сил отряда священника Лёринца, якобы направленного Дожей в комитат Бач, т.е. в том же направлении, куда, по словам автора начала XVII в., направлялись и силы Дожи [17: 147, с.67].

Армия крестоносцев продвигалась к Дунаю восточнее устья Савы, где проходила граница с владениями Османской империи. Ситуация на этих рубежах была хорошо известна Доже. Там же, видимо, сосредоточивались отряды короля и магнатов: зафиксировано пребывание в двадцатых числах мая бана Петера Берисло и палатина Имре Переньи в замке Шиклош (Шоклош) на левобережье Дравы. В начале мая выступил в поход против османов и вступил на правобережье Дуная ("в Болгарию") Янош Запольяи [243, т. 5, с. 48]. Видимо, существовал план объединения сил

феодалных отрядов и крестоносцев для общих действий на дувальской границе.

Армия, вышедшая из-под Пеннга, действовала примерно до 18 мая в рамках этого плана.

С этой армией ушли не все обитатели пеннгского лагеря: здесь остался отдельный отряд-арьергард. Если верно утверждение о том, что представители этой армии направились в комитат Бач и к Эгеру, о чем пишет автор начала XVII в. [17: 147, с.67], то, несомненно, у крестоносцев существовало намерение собрать продолжавших прибывать под Пеннг добровольцев, а также объединить местные мелкие лагеря и повести их обитателей вслед за основным войском.

Последнее путь через густонаселенные плодородные районы Альфельда, где можно было набрать новых добровольцев и обеспечить снабжение войска продовольствием. О том, что в армию вливались местные крестоносцы, имеются определенные сообщения. На правом берегу Тисы, в Тисаваршани к ней присоединилось 600 человек - 300 конных и столько же пеших [14: 142, с.59]. По-видимому, здесь местное население помогло армии крестоносцев форсировать Тису. В Туре к ней примкнуло более 800 человек [142, с.59]. В местечке Кендзель крестоносцами стали все его жители [б. д. (перед 15 июля): 174, с. 162, N 124]. Пополнялись и ряды руководителей крестоносного войска, его штаб, если применять современную терминологию. В нем появился в качестве нотариуса пришедший в войско во время стоянки в Туре священник из Деваваньи Амбруш Туркевси - бакалавр, учившийся двадцать с лишним лет до того в Краковском университете [14: 142, с.59]. Наличие такого нотариуса позволило Доже позже составлять и рассылать воззвания. Текст одного из них сохранился [б. д. (перед 21 июня 1514 г.): 174, с. 121-122, N 79; ср.: 175, с.22, N 26].

Решающее значение для превращения крестоносного войска в армию восставших крестьян имели те факторы, которые определяли изменение отношений между отрядами крестьян и господствующим классом в тех местностях, где проходил сбор "святых воинов". Эти отношения изменялись повсюду, поскольку причина этого имела всеобщий характер: уход в крестоносное ополчение примерно 40 тыс. работоспособных мужчин (об определении численности крестоносцев см. ниже) в период основных полевых работ (апрель - май) означал, как подсчитали исследователи, лишение каждого комитата, охваченного крестоносным движением, в среднем 12% рабочей силы. Но, как

мы видели раньше, для низшего слоя дворян, имевших несколько дворов крепостных, это было равнозначно лишению всей рабочей силы [365, с. 78-79].

Понятно, что дворяне стали силой задерживать уходящих в крестоносное войско крестьян, а затем нападать на крестоносцев. Для устрашения остальных подвергали казни сопротивлявшихся. О таком случае читаем в письме участника событий [б. д. (май 1514 г.): 174, с. 96, N 50].

В районах интенсивного крестоносного движения, где численно преобладали мелкопоместные дворяне, последние объединяются при отсутствии руководства со стороны какого-либо магната. Уже в последних числах апреля взялись за оружие против собиравшихся крестоносцев дворяне четырех комитатов - Хонта, Нограда, Пешта и Хэвеша. Они объединились в единую общность [16 июня: 174, с. 118, N 74; с. 116-117, N 73; ср.: 175, с. 21-22, N 23].

Естественно, что местные крестоносцы оказывали сопротивление нападавшим на них дворянам. Для судьбы крестоносного войска, вышедшего из-под Пешта, важнейшее значение имело то, что указанное изменение отношений между дворянами и крестоносцами в районах его следования произошло раньше, чем оно там появилось. Вот что писал о событиях в Туре близкий по времени к событиям анонимный автор: "Собрались крестоносцы, на которых начали нападать с оружием в руках управляющие и дворяне, а чтобы сделать их [крестоносцев] посмешищем, привязали крест к хвосту осла и поднялись рядом с ним против них [крестоносцев]. Таким же образом и крестоносцы выступили против них [дворян], начали брать добычу и совершили различные разбои, однако несколько их главарей были схвачены и в оковах отправлены в Буду, где их по приказу короля и магнатов безжалостно посадили на кол. В этом местечке Тур было положено начало всех бед" [9: 133, с. 274].

Прибыв в Тур, крестоносное войско попало в атмосферу напряженности, созданную расправой над местными крестоносцами. Видимо это было характерно для всей территории комитатов Кюльшё-Сольнок и Бекеш. Известно также, что состоятельные жители комитата Бекеш бежали в его центр, крепость Дьюлу [15 июня 1515 г.: 174, с. 347, N 248]. К ней вскоре подоспело крестоносное войско.

Препятствуя уходу крестьян в крестоносное войско, местные дворяне тем самым выступали и против организатора похода Бакоца и

придворной "партии" магнатов, которая его поддерживала. В их акциях находило действенное выражение обострение внутриполитической борьбы, активизация "партии" Яноша Запольяи, что не могло не затруднить положения Бакоца.

К тому же вдохновитель крестового похода и его окружение столкнулись с трудностями снабжения крестоносной армии, в первую очередь продовольствием. Венгерский крестьянин всегда имел в своем распоряжении ручное оружие (топорик, меч, а иногда и ружье) [сводка свидетельств источ., в том числе и неопубл.: 542, с. 179]. Крестьяне, несомненно, захватили оружие с собой.

Но продовольствия на несколько недель крестьянин не имел, а для его приобретения у организатора похода Бакоца не было средств. Согласно папской булле, на нужды похода он мог обратиться средства, полученные в результате сбора десятины за 1514 г., от пожертвований и от продажи копий этой буллы. Но десятину собирали только осенью. Известно лишь два, да и то проблематичных известия о продаже копий буллы [11 мая 1514 г.: 174, с. 71, N 28]. О сборе пожертвований сведений нет, если не считать слов современника о том, что Бакоц вручил выступившему в поход Доже 100 золотых [14: 142, с. 58].

Известно строгое запрещение грабежей руководителями одного из крестоносных отрядов в недатированной прокламации Тамаша Кечкеша и Лёринца Месароша. Вероятно, это было реакцией на реальные факты. Крестоносцы, стоявшие под Пештгом, "не притесняют бедняков, ни над кем не совершают насилия и платят наличными за продовольствие, которое они для себя привозят" [письмо горожанина Буды: 174, с. 318, N 227; ср.: 175, с. 38, N 62; воспроизведение свидетельств этого источ. в соч. современника от 13-30 нояб. 1514 г.: 174, с. 243-244, N 200].

Грабежами и изъятием продовольствия войска феодалов занимались постоянно. Но теперь эти акты коснулись и дворян, увеличив их сопротивление походу и усилив оппозицию по отношению к Бакоцу. Последний, видимо, рассчитывал быстрее, чем произошло, отправить крестоносцев на театр военных действий, не отягощая себя заботами о снабжении армии. Расчеты эти не оправдались, и к середине мая явным стало сопротивление дворян походу. Пойдя на уступки "партии" Яноша Запольяи, чьими сторонниками были массы мелкопоместного дворянства, Бакоц издал 15 мая распоряжение о запрещении сбора крестоносцев. Обосновывая это запрещение, Бакоц отмечал, что крестовый поход

провозглашают, кроме законно им уполномоченных францискашцев, а также людей трансильванского епископа, многие "некомпетентные", которые используют поход как повод, чтобы вопреки нашим намерениям и апостольской булле созывать крестоносное войско, создавать сборища; чтобы созывать и собирать толпу, состоящую из разных сословий - из дворян, из незнатных, из церковников, из крестьян и земледельцев; чтобы отказываться от уплаты обычной подати, которой они обязаны светским господам, а также от уплаты налога, которым они обязаны его королевскому величеству и стоящим над ними, вместе с внесением остальных законных и обычных повинностей, чтобы заставить и других отказаться от их внесения, чтобы говорить и утверждать, что эти повинности должны быть уничтожены и уже уничтожены. Для тех же, кто осмеливается собирать или просить упомянутую обычную подать и королевский налог, они требуют смерти, а тому кто... бросает камень... в сборищников налогов и подати, они даруют (говоря об этом фальшиво) стодневное отпущение грехов. Словом, они хотят и стремятся к тому, чтобы, собрав крестоносцев, создать между дворянами и незнатными мятеж, раскол и неравенство и, использовав всяческие средства и способы, соблазнить и совратить верный народ. Проклятия и отлучения от церкви, которые их ожидают, не умиряют их... они действуют с огромной опасностью для спасения их душ и стремятся к этой опасности самым преступным образом. И эти, как мы видим, отмеченные крестом (крестоносцы) фальшиво [людьми] оставившими веру, [людьми], которых нужно отлучить от церкви, [отмеченные крестом] вопреки нашему желанию и желанию его святейшества папы и, что еще хуже, собравшиеся сами по себе и по их собственному желанию, а не нашими уполномоченными, дерзновенно и святотатственно обрушиваются на усадьбы дворян, дома и жилища честных людей, грабят их вещи и добро, разбивают домашнюю утварь, разрушают здания, поджигают и убивают, не кладут конец другим чудовищным деяниям..." [174, с.73-74, N 30, ср.: 175, с.10, N 5].

Текст этого документа подтверждает прежде всего, что вышедшее из-под Пешта войско к середине мая действовало в качестве крестоносного ополчения. В распоряжении Бакоца речь идет о самовольно принявших крест людях. Здесь нет и тени упрека в адрес "законных" крестоносцев. Но это лишь одна сторона действительности, которую отразил приведенный выше источник.

Пожалуй, более важно его прямое свидетельство о том, что "незаконно" собравшиеся крестоносцы начали вооруженную борьбу с дворянством. Но судя по свидетельствам сохранившихся памятников об отрядах крестоносцев, существовавших в апреле-мае, и по истории отрядов восставших крестьян, относительно которых можно с уверенностью предполагать, что они возникли из крестоносных отрядов, все они были собраны не францисканцами, уполномоченными Бакоца (см. свидетельства грамот на с.96-98, 112, 116-146). Большинство крестоносцев периферии королевства, таким образом, являлись крестоносцами "незаконными". Во всяком случае, памятники знают лишь один отряд "законных" крестоносцев, тот, который вышел из-под Пенгта. Когда он двигался к южной границе (до 15 мая), крестоносное движение на периферии уже переросло в серию антифеодальных акций. В общей форме это признал Бакоц. Достоверным в этом признании представляется только свидетельство о действиях восставших против дворян. Поскольку эти действия бросали тень на Бакоца как инициатора сбора крестоносцев, он постарался отмежеваться от участников антифеодальных выступлений, объявив их "незаконными" крестоносцами.

Имея в виду этот самооправдательный мотив, я не могу признать полностью достоверным утверждение Бакоца о том, что на дворян нападали только "незаконные" крестоносцы. Снимая с себя ответственность за действия восставших, Бакоц, естественно, объявил их всех "незаконными" крестоносцами. В действительности антифеодальные акции могли совершать и крестьяне, собравшиеся по призыву Бакоца или его уполномоченных, как показала дальнейшая история войска, пенгтского ополчения. Выше приводилось конкретное свидетельство о такого рода акциях, в частности в районах, где пролегал его путь [9: 133, с.274].

Учитывая совокупность известных по источникам фактов конца апреля - первой половины мая, можно понять причины издания распоряжения от 15 мая и цели, которые преследовал его составитель. Ответ крестоносцев на насилие земледельцев-нобилей, положивший начало антифеодальному восстанию, не мог не усилить оппозиции мелкопоместного дворянства Бакоцу. Таким образом, его распоряжение о прекращении сбора крестоносцев явилось реакцией на начало возникшего на периферии антифеодального восстания и уступкой усилившейся вследствие этого дворянской оппозиции. Целью Бакоца была

ликвидация того и другого ради осуществления силами "законых" крестоносцев (т.е. пепгским соединением): распоряжение предусматривало прекращение сбора крестоносцев, но не начавшегося похода.

Бакоц не находил оснований для прекращения похода (крестоносная армия не превратилась еще в антифеодалное войско). Кроме того, у него и у короля не хватило решимости сделать это единолично, поскольку, как свидетельствуют документы, в середине мая в Буде не было основных членов королевского совета (сводка известий: 365, с. 80). В частности, 15 мая отбыл к воеводе Молдавского княжества Иштван Телегди. Видимо, его миссия была связана с начавшимся крестовым походом. Это можно предполагать также и по тому факту, что, узнав в пути о превращении "святого" похода в крестьянский бунт, Телегди не поехал в Молдавское княжество (см. ниже).

Еще до того, как было получено распоряжение прекратить сбор крестоносцев в Туре, вышедшее из-под Пешта войско попало в ситуацию, созданную возникшим и подавленным до его прихода антифеодалным восстанием. Она, видимо, не могла не повлиять на поведение крестоносного войска. Здесь, по словам автора воспоминаний о событиях в данном районе, Дьёрдь Дожа убил сборщика налогов и взял у него пять марок [14: 142, с.59]. С полным, на мой взгляд, основанием Габор Барта предполагает, что именно этот факт выдвинул храброго и дерзкого командира из пограничной крепости в вождя крестоносной армии [362, с.87].

2. Ход восстания

18 мая в местечке Бекеш армией было, наконец, получено распоряжение о прекращении сбора крестоносцев. И в этот день произошел решительный поворот событий: крестоносное войско трансформировалось в повстанческую армию, а Дьёрдь Дожа стал ее командующим. Обо всем этом можно судить по тому факту, что Дожа отверг приказ Бакоца, заявив, по словам автора воспоминаний о событиях в этой области: "Я не ребенок, я не дурак, чтобы мною играть..." [14: 142, с.60]. Из дальнейшего описания явствует, что руководители войска (Дожа, священник Амбруш) поняли, что

госг да не хотят воевать против турок, но готовы сражаться с крестоносцами. Дожа уже не боялся господ, так как под его командованием находилось 20 тыс. человек. Кроме того, в Бекеше к армии восставших примкнули отряды священника Лёринца (более 2 тыс. человек) и "схоластика" Иштвана Балого (300 человек) [14: 142, с.60-61].

Как следствие войско изменило маршрут. От Пепгта до Дьюлы оно двигалось почти по прямой, продолжение которой вело в воеводство Трансильванию. Но едва ли созданное Бакодем войско могло направляться во владения его противника Япоша Запольяи. Принимая во внимание движение феодальных отрядов, сосредоточивавшихся на линии Дуная, Габор Барта предполагает, что для крестоносной армии первоначально был намечен путь к тому отрезку Дуная, который отделял банат Сёрень от владений османов, - через Арад и Лугош (рум. Лугож) [365, с.82]. Но Дожа от Дьюлы повернул свою армию, насчитывавшую после 18 мая 33 тыс. человек [14: 142, с.61], на юго-запад - к Чанаду. Не признав приказа о прекращении набора добровольцев, Дожа отверг и предложенный военным силам маршрут. По этой акции Дожи видно, что он стал фактически во главе армии только в момент, когда она превратилась в войско восставших крестьян. Видимо, еще не отказавшись от плана борьбы с османами, Дожа решил самостоятельно вести ее в центр пограничной области, в хорошо известную ему по прежней службе крепость Нандорфехервар (Белград).

После перехода через Тису Дожа выслал вперед на один дневной переход авангард своей армии. При движении к Чанаду в авангарде шел отряд Иштвана Балого (200 чел.). Он овладел переправой через реку Марош у Апатфальвы, но не смог обеспечить переправу основного войска, здесь на него напали и нанесли поражение отряды ччадского епископа Миклоша Чаки, земешского иштвана Иштвана Батори и других местных феодалов (23 мая). Таким образом, феодалы начали войну против крестоносного войска.

Уже на следующий день (24 мая) армия Дожи разгромила у Надьлака (рум. Надлэк) войска этих феодалов. Ход этих событий и их датировка устанавливаются по свидетельствам современных документов [31 мая, 25 авг. 1514 г.: 174, с. 94, N 47; с. 208-213, N 179]. Они нашли отражение также в записях современников [14: 142, с.61-62; 15: 141, т. 2, с. 6]. Поскольку им неизвестна битва у

Чанада, то утверждение о том, что она имела место, следует признать не соответствующим действительности [17: 147, с.70].

События 23-24 мая, которыми завершилось превращение крестоносной армии в войско восставших крестьян, означали также начало крестьянской войны в масштабах всего королевства. Отряд Дожи вступил в войну с феодалами последним из всех более или менее значительных крестоносных формирований. Уже было сказано, что антифеодальные акции крестоносцев периферии побудили дворян добиться от Бакоца издания распоряжения от 15 мая. Но и после этого волнения продолжались. В частности, 19 мая крестоносцы, оставшиеся в лагере в миле от Пешта (их было 5 тыс.), захватили и посадили на кол одного дворянина у города Ваца. 20 мая они напали на дворянскую усадьбу в пяти милях (около 40 км) от Буды, сожгли ее и убили 22 находившихся там дворян [письмо горожанина Буды: 174, с. 316-317, N 227; ср.: 175, с. 37, N 62; определение дат: 154, с. 238]. Здесь действовали "закошные" крестоносцы. Наконец, 22 мая, по одному из предположений на основе свидетельства письма горожанина Буды от 25 мая 1514 г. [365, с.94], или 15 мая [154, с.234] произошла первая битва между тысячным отрядом феодалов и восставшими в двух милях от Вараца (рум. Орадя Маре); причем первые были разбиты [25 мая 1514 г.: 174, с. 82, N 37; с.317, N 227; ср.: 175, с.38, N 62; анализ источ. и оценка предществ. исторногр.: 365, с. 94, 313].

Сопоставление свидетельств очевидца событий на юге междуручья Дуная и Тисы [25 авг. 1514 г.: 174, с. 208-213; N 179] и анонима, оставившего о них памятные записи [15: 141, т. 2, с. 9], позволяет предполагать проведение антифеодальных акций крестоносцев базировавшегося здесь отряда Антала Надя в середине мая или несколько ранее [365, с.91]. До 24 мая совершали "злодеяния и чудовищные поступки" крестоносцы отряда, самовольно собранного приходским священником из Сиксо в комитате Абауй на севере Альфёльда [24 мая 1514 г.: 174, с. 80, N 35; ср.: 175, с.12, N 10]. В этом же регионе продолжал собирать крестоносцев и после запрещения Бакоца приходский священник из Тольчвы Иллеш (см. с. 98).

В связи с началом массовых антифеодальных выступлений всех крестоносцев, кроме воинов ушедшего из-под Пешта отряда, Бакоц издал 24 мая распоряжение об отмене крестового похода. Битвы армии Дожа не могли служить для этого основанием, поскольку о них стало известно в Буде только 31 мая [31 мая 1514

г.: 174, с. 94, N 47]. Приведя в обоснование отмены похода чуть ли не те же причины, что и в распоряжении от 15 мая, Бакоц заявил: "... этот поход мы прекращаем до другого, более подходящего времени, и откладываем силой настоящего письма". Далее он говорит, обращаясь ко всем священнослужителям королевства, о практическом осуществлении распоряжения об отмене похода: "Поэтому мы приказываем вам в отдельности и всем вместе... в духе священного повиновения и под страхом отлучения от церкви, чтобы вы действительно исполняли только то, что мы предписали вам в этом письме и что мы по прошествии трех дней сообщим с каноническим увещанием ... таким образом, как только вы получите данное послание, где бы и когда бы оно ни достигло вас, или кто-либо из ваших [коллег] узнает об этом, то вы провозгласите это, сообщите, распространите это известие всем - духовным и светским, священникам и мирянам любого положения, ранга или сословия как в соборах, церквях и приходах, так и в монастырях во время торжественных месс и проповедей, всюду и всегда, если позволит возможность, и расскажите в присутствии массы народа о настоящем прекращении нами и о перенесении на более подходящее время похода, то есть крестового похода против неверных. Используя наше уполномочие, точнее говоря, уполномочие святейшего престола, убеждайте и наставляйте под страхом отлучения от церкви, приостановки общения с церковью и проклятия... всех христиан вместе и каждого в отдельности, священников и мирян, а в особенности тех, кто пошел в поход под именем крестоносцев и принял крест лживо и дерзновенно благодаря отступившим от веры монахам, священникам и мирянам, которые уже отлучены от церкви без нашего на то желания или [кто принял крест] благодаря немногим нашим уполномоченным, действовавшим в городах Буде и Пеппге: чтобы они не осмеливались провозглашать, распространять крестовый поход от имени короля и от нашего имени и сообщать о нем... Мы хотим, чтобы каждый из вас, кто получит это послание, после должного исполнения содержащегося в нем распоряжения немедленно послал бы его ближайшему соседу" [174, с. 78-79, N 34; ср.: 175, с. 12, N 9].

В тот же день, 24 мая, издал распоряжение и король. До его сведения, писал он, дошло, что крестоносцы боятся уходить домой, опасаясь "гнета" и "наказания" господ. Король писал, обращаясь к крестоносцам: "Настоящим [документом] мы даем и предоставляем вам возможность и безопасность, чтобы каждый из

вас мог уйти в свои дома под нашей особой королевской защитой и заботой свободно и безопасно и безо всякой боязни ущерба или опасности для своей личности или своего имущества". Но королевское распоряжение предусматривало для крестоносцев не только возможность ухода из лагерей, сама эта возможность была условием для обязательности этого ухода: "Если же вы откажетесь уйти согласно предоставленной вам нашей милости, то знайте, что вы лишите себя и жизней, и всего вашего имущества, и мы разрешим действовать против вас как против врагов королевства. Так что всячески остерегайтесь действовать по-другому!" Этот решительный приказ последовал после того, как выяснилось, что крестоносцы, по словам короля, в страхе перед санкциями землевладельцев не осмеливаются расходиться по домам, "согласно нашему публичному предостережению и приказу" [174, с.76-77, N 33; ср.: 175, с.11-12, N 8].

Текста этого приказа не сохранилось. На "волю и приказ" короля ссылается и Бакоц, обосновывая отмену крестового похода [24 мая 1514 г.: 174, с. 79, N 34]. На мой взгляд, ссылки на предшествующий королевский приказ таковы, что не дают полного основания говорить о документе, в котором этот приказ будто бы содержался. Однако весьма важно, что эти ссылки представляют короля как инициатора отмены похода. Правда, в Венеции было известно, что отменить крестовый поход Бакоца вынудили магнаты [11 авг. 1514 г.: 174, с. 192, N 160]. По другим сведениям, Бакоц отдал такое распоряжение под давлением средне- и мелкопоместного дворянства [15 мая 1514 г.: 174, с. 73-74, N 30; ср.: 175, с.10, N 5]. Отменить крестовый поход и тем самым признать свое поражение его вынудило, как можно судить по приведенным выше свидетельствам, большинство королевского совета во главе с королем. Это была естественная реакция теперь уже всего господствующего класса на начавшуюся в различных областях королевства антифеодальную борьбу крестоносцев. Она последовала даже раньше, чем в Буде стало известно о превращении крестоносного отряда, вышедшего из-под Пепга, в армию восставших крестьян. Оно, как мы проследили, завершилось 23-24 мая.

Прежде чем рассматривать дальнейший путь этой основной силы крестьянской войны, сопоставим восстановленную по свидетельствам современных событиям источников и изложенную нами историю этой армии до 24 мая с картиной, рисуемой авторами XVI - начала XVII в. Если Брут в самой общей форме говорит о

выходе крестоносцев по направлению к Тиссе [16: 146, т. 1, с. 361], то Иштванфи, использовавший сочинения Брута и не нашедший там объяснение причины ухода крестоносцев из-под Пешта, попытался эти причины найти самостоятельно, используя литературный вымысел. По его словам, король хотел приказать Доже направиться с армией крестоносцев в Далмацию для освобождения осажденной османами крепости Книн (венг. Тиннин). Дожа, якобы, не захотел идти столь далеко, а его воины обратили оружие против дворян. Тогда король и Бакоц воспретили дальнейший набор крестоносцев, в ответ на что Дожа со своим войском ушел из окрестностей Буды [17: 147, с.67]. Иштванфи также говорит о нападениях крестоносцев на дома дворян в пригородах Буды и Пешта [17: 142, с.67]. Но вероятнее всего это плод литературной фантазии.

Заметим, что версию начала крестьянской войны под Пештом считал достоверной и историк крестьянской войны Шандор Марки. Сопоставив описания авторов XVI - начала XVII в., горожанина Буды от 25 мая 1514 г. [174, с.313-322, N 227], анонимного автора памятной записки о событиях [9: 133, с.274] и Миклоша Иштванфи [17: 147, с.67] с распоряжением Бакоца от 15 мая [174, с.73-74, N 30; ср.: 175, с.30, N 5], о прекращении сбора крестоносцев (его перевод см. выше), Марки датировал начало восстания 15 мая, а уход армии из-под Пешта - 16 мая [489, с.103-104, 174,176-177].

Однако письмо горожанина Буды не содержит сведений о действиях всей армии, рассказ Миклоша Иштванфи противоречит данным современных произведений, а слова анонимного автора памятной записки о том, что Дожа "пришел в Буду к крестоносцам, которые с огромной радостью его приняли, и без какого-либо промедления пошел к местечку Тур", а оттуда в область реки Темеш, относятся к периоду до начала войны Дожи с феодалами, поскольку это начало анонимный автор относит ко времени после прибытия войска крестоносцев под Темешвар [9: 133, с.274].

III. Марки считает достоверным и утверждение о том, что Доже был отдан приказ двигаться с войском в Далмацию [489, с.104]. Факты, однако, заставляют сомневаться в самой возможности издания такого приказа: Османы осаждали крепость Книн в Далмации в феврале 1514 г., но уже в середине марта в Венеции было известно о снятии осады [данные источников: 489, с. 399]. В конце марта - начале апреля Бакоц заявил послу Венеции Антонио Суриано о намерении направить крестоносцев "в Далмацию" [7 апр. 1514 г.:

174, с. 63, N 20]. Ясно, что Далмация уже в это время не являлась главной целью похода.

Источники, следовательно, не дают оснований для предположения об удалении крестоносного войска из-под Пешта именно после прекращения сбора крестоносцев и в качестве армии восставших крестьян. Кроме того, такое изображение событий оставляет без ответа законно возникающий вопрос: почему повстанцы пошли не на почти лишенную защиты Буду, а, наоборот, удалились от нее? Как мы видели, на этот вопрос отвечает лишь такое понимание хода событий, которое, основываясь на данных современных им памятников, исходит из фактов ухода из-под Пешта крестоносцев (а не восставших крестьян) ранее прекращения их сбора (самое позднее 10 мая) и трансформации их в войско восставших 23-24 мая, в битвах у Апатфальвы и Надьялака (Надлак) (соответственно в 2 и в 12 км от Чанада, - местопребывания епископа и капитула, расположенного на противоположном, левом, берегу реки Марош).

В труде Миклоша Иштванфи содержится указание на битву крестьянского войска Дожи с феодалами у Чанада и о взятии им этого местечка [147, с. 70]. Оно заимствовано у Джовио [365, с. 99] и в данном случае совпадает с информацией, содержащейся в труде венецианского историка [40: 291, с. 1054]. Однако учтем, что оба итальянских автора не имели отчетливого представления о топографии описываемых ими событий.

Свидетельства о взятии Чанада в сохранившихся документах позволяют предполагать, что это произошло около 11 июля в результате действий одного из отрядов восставших крестьян, но не армии Дожи [30 мая 1514 г.; 16 янв. 1520 г.: 174, с. 293, N 212; 365, с. 99, с. 313].

Потерпевшему поражение в битве при Надьялаке Иштвану Батори удалось скрыться. Передаваемую Тауриню версию о том, что он спрятался в болоте со ссылкой на его поэму [7: 131, с. 23-24] использовал Этьеш [т. 2, гл. 20, сн. 19]. Используемые Этьешем строки принадлежат перу самого Таурина; не исключено, что поэт запечатлел в них известную ему устную традицию [378, с. 19]. Спасшийся Батори бежал в замок Шоймош (Шоймуш) - на правом берегу Мароша, где провел три дня [б. д. (предпол. 31 мая 1514 г.): 174, с. 94, N 48]. После этого он направился в Темешвар.

Захваченные крестьянами в плен епископ Миклош Чаки и дворянин Петер Равазди были по приказу Дожи казнены. Произошло

это через четыре дня после битвы, 28 мая [31 мая 1514 г.: 174, с. 94, N 47; 25 авг. 1514 г.: с. 200, N 179; 177, с.502-506; под 31 авг. 1514 г.]. В этот промежуток времени мог прибыть к Доже повый голец с распоряжением от 24 мая о запрещении похода. О том, что оно было направлено именно Доже, свидетельствует современник событий [14: 142, с.60-61]. Гонец мог покрыть расстояние между Будой и Надбляком за четыре дня (24-28 мая), поэтому казнь пленивших господ после этого срока означала окончательный отказ от крестового похода и переход к открытой войне против феодалов.

Источники дают представление также и о том, как складывалась во второй половине мая судьба других отрядов крестоносцев. На северо-востоке королевства, примерно в 35 километрах от города Кашпи в селе Гёцц во главе отряда стоял Ференц Баго. Его перу принадлежит письмо совету города Каппи (словацк. Коппце) - один из немногих сохранившихся памятников, составленных крестоносцами. В нем говорится: "Преданнейшая дружба с должной честью. Превосходный и всегда самый почтительный господин. Из сообщения людей, которым я вполне доверяю, я узнал, что мне угрожают. Я совсем не знаю, по какой причине мне передают угрозы, так как я ничего не предпринимал против вас. Я бы хотел узнать самым определенным образом от вашего господства, почему вы угрожаете мне и моим друзьям-крестоносцам, собравшимся, конечно, по желанию всего королевства [страны] и по желанию его святейшества папы, а также почтеннейшего архиепископа эстергомского Тамаша. Не выудило бы меня промедление вместе с моими друзьями и крестоносцами расхаживать туда и сюда и [чтобы точнее выразиться] рыскать взад и вперед, если бы мне не было приказано почтеннейшим господином архиепископом, и я никоим образом не стремлюсь его приказ нарушить, хочу его приказам повиноваться и подчиняться всеми силами. Поэтому я бы больше хотел, чтобы не угрожали подобному [стремлению] и не посылали бы угроз в адрес верных рабов (слуг) святого креста; конечно, вам более подобало и сделало бы большую честь, если бы и вы поднялись всеми силами против невернейших, жаждущих христианской крови и защитили бы это королевство (эту страну). Кроме того, я хотел бы знать, хотят ли ваши превосходства принести пользу этому королевству (этой стране) или восстать против этого королевства (этой страны), хотят повиноваться или противиться приказам его святейшества папы? Конечно, более подобало бы, если бы те, кто

живет в превосходных и свободных городах, старались бы защищать это королевство (эту страну), а не радоваться разрушению этого королевства (этой страны). Впрочем, если [живущие] в свободных городах были бы [в дружбе] с моими друзьями и крестоносцами и [сочли бы], что надо защищать [королевство], то знайте наверняка, и этими словами я свидетельствую, что им (этим городам) я хотел и хочу помогать всеми силами и хочу со всей верностью защищать это королевство (эту страну). Из Гёнца, в четвертый день перед октавой обрезания господня тысяча пятьсот четырнадцатого года. Ференц Баго, глава лагеря крестоносцев" [31 мая: 174, с. 91-92, N 45; ср.: 175, с.15, N 14].

Судя по этому документу, отряд Ференца Баго оставался формируемым крестоносцев, а не был объединением восставших крестьян в 20-х числах мая, в отличие от остальной крестоносной армии. Я не усматриваю в этом памятнике следов превращения крестоносной идеологии в идеологию крестьянской войны. Примерно такова же его оценка Енё Сючем, считающим идеологию Баго "крайним вариантом", "нетипичным" для процесса превращения, развития крестоносной идеи в крестьянско-революционную идеологию [581, с.64С].

Определенное отражение этот процесс нашел в письме неизвестного крестоносного воина из Шарошпатака начальнику замка Токай Михаю Хетелли: "Самая пригодная служба с усердием. Превосходный и почитаемый господин. Из сообщений неких людей мы узнали, что ты убил и уничтожил [некоторых] из наших братьев или крестоносцев, взяв на себя необдуманный риск, а, кроме того, некоторых из них ты держишь в тюрьме. Настоящим сообщаем, что если случилось, что кто-нибудь из наших братьев совершил плохое, то не следовало кого-либо из них убивать или заключать в тюрьму твоей властью, но ты задержал их на несколько дней и в любом случае совершил бы суд и добился бы удовлетворения за твой позор. Хорошенько рассуди и подумай о том, что ты осмеливаешься действовать против распоряжения его святейшества папы, почтеннейшего архиепископа и против всего королевства (всей страны) или христианской веры... поэтому мы просим, чтобы тех, кого ты держишь в тюрьме, ты бы не спешил казнить, но чтобы ты держал их до того времени, когда мы захотим по их делу совершить суд. Так как если ты их погубишь, то всевышний и святой крест, победный знак которого мы носим на груди, и от которого мы никоим образом не отделимся, поможет

нам, и мы не оставим наших братьев или крестоносцев до тех пор, пока будет жив хоть один из нас, а отомстим за их позор и все твое добро или имущества опустошим и разрушим до основания. Из Патака. Крестоносный воин" [6. д. (предпол. май 1514 г.): 174, с. 96, N 50; ср.: 175, с. 17, N 17].

Как видим, защищаясь от нападений феодалов, крестоносцы начинали формулировать собственное понимание характера движения. В данном случае обращает на себя внимание их мысль о справедливости мести за нападения на крестоносцев, о возможности ответить насилем на насилие.

Судьбы организатора крестоносного ополчения Иллеша и отрядов из Гейнца и Шарошпатака неизвестны. Более или менее можно лишь констатировать, что районы их расположения не превратились в театр крестьянского восстания и, судя по приведенным документам, в 20-х числах мая отряды в Гейнце и Шарошпатаке сохраняли крестоносный характер. Причину этого я усматриваю в слишком большой отдаленности их от армии Дожи.

Напротив, именно бассейн реки Марош, куда прибыли основные силы Дьёрдя Дожи, превратился в арену крестьянской войны. Актовый материал содержит данные о действиях восставших в различных местностях этого района со времени битвы при Надьлаке до ухода армии Дожи под Темешвар, т.е. 24 мая - 13 июня.

Документы не сохранили свидетельств о переправе войска Дожи через Марош на левый берег. Известно, однако, подробное описание наведения моста через Тису авторами XVI в. Хотя время этого события они не указывают, их описание (второй автор позаимствовал его у первого) изобилует правдоподобными подробностями [39: 290; 16: 146, т. 1, с. 391]. Исследователи обратили внимание на то, что здесь речь идет о переходе по мосту армии уже с артиллерией, взятой из захваченных крестьянами крепостей. Это могло произойти лишь к моменту форсирования не Тисы, а Мароша. Поэтому небезосновательно отнесение описания переправы к событиям в бассейне реки Марош [365, с. 97]. На правом берегу Мароша восставшими, судя по сообщениям грамот, были взяты замок Чала (Чалья) [24 авг. 1514 г.: 174, с. 204, N 176], местечко Арад [25 нояб. 1515 г.: 174, с. 373, N 271; 23 августа 1516 г.: 174, с. 403, N 298], а также замок Вилагошвар (рум. Ширя) [перед 9 июля 1514 г.: 174, с. 152, N 114; ср.: 175, с. 28, N 37]. Есть свидетельства о присоединении к войску восставших крестьян местечка Шиманд - северно-западнее Вилагошвара [12 нояб. 1516

г., 174, с. 418-419, N 308]. В соседней деревне Алатк повстанцы захватили местного землевладельца Иштвана Надаби, которого освободили два оставшихся ему верными крестьянина [29 мая 1520 г.: 174, с. 496-497, N 378].

Габор Барта приурочивает к рассматриваемому времени борьбу за замок и город Дьюлу, оспаривая мнение Ш. Марки о том, что Дожа пытался захватить их еще до битвы при Надьлаке [489, с.212-213]. При этом он использует те свидетельства документов, где это событие не датировано [15 июня 1515 г., 24 июня 1518 г., март 1552 г.: 174, с. 347, N 248; с.443, N 336; с.550 - 551, N 422]. Принимается также во внимание то обстоятельство, что современник событий, сравнительно достоверно, как полагают, описавший их, не говорит о борьбе Дожи за Дьюлу, которая была по его словам, одним из пунктов, где его армия стояла лагерем при проходе к Надьлаку [14: 142, с.61; 365, с.98].

Указанные источники дают возможность говорить, что начальнику крепости ишпану Галу удалось отстоять город, а также о том, что в войско крестьян вступали жители близлежащих деревень. В частности, там сражались два дворянина-однодворца из деревни Камут. Кроме того, есть свидетельство о бегстве в Дьюлу дворян комитата Бекеш. Все эти данные, однако, не дают основания для утверждения об осаде города Дьюлы в ходе военных действий после битвы при Надьлаке, и оно, как и мнение Шандора Марки, остается предположительным.

Документы позволяют судить о том, что левобережье Мароша, видимо, было в большей степени охвачено огнем восстания. Так, крестьяне имения Донат деревни Донатторнья примкнули к восставшим [26 нояб. 1515 г.: 174, с. 375, N 273]. Начальник укрепленной усадьбы семьи феодалов Доци (предположительно Сарафальвы, других усадеб у Доци здесь не было) [364,с.98] сдал ее без сопротивления при согласии проживающих здесь крестьян восставшим, которые опустошили ее [2 грамоты от 5 апр. 1516 г.: 174, с. 397, 398, N 292,293]. К ним присоединился дворянин из деревни Сент-Миклош Балаж Ньяказо [15 дек. 1519 г.: 174, с. 469, N 360]. Разграбленным оказался дом феодала Габора Телегди [27 июня 1514 г.: 174, с. 131, N 89]. В ряды мятежников встали и крестьяне чанадского капитула, которые причинили большой ущерб его имениям [17 июня 1516 г.: 174, с. 402, N 297].

Важным событием явился захват восставшими около 11 июня самого значительного населенного пункта левобережья нижнего

течения Мароша местечка Чанад, места пребывания епископа и капитула, одного из общегосударственных центров по удостоверению подлинности документов. Достоверные известия грамот не позволяют с уверенностью говорить, что он был взят самостоятельным крестьянским отрядом, отделившимся во главе с одним из военачальников Дожи от его главного войска и двигавшимся из Надьялака к Чанару, а затем к Сегеду [365, с.98 - 100].

Восставшие заняли также после осады укрепленную усадьбу феодалов Доци Задорлак. Причем, капитану крестьянского отряда здесь помогали два местных дворянина [24 апр., 15 сент. 1515 г.: 174, с. 333, 362-363, N 241, 257; ср.: 175, с.43, N 69]. 6 июня войско Дожи овладело укрепленным местечком и замком Липпой (рум. Лишова), а 11 июня замком Шоймош (рум. Щоймуш) [б. д. (предпол. около 25 авг. 1514 г.); б. д. (предпол. после 25 авг.); 25 авг. 1514 г.: 174, с. 213-220, N 180; с.221, N 181; с. 208-213, N 179].

Липпа на левом берегу Мароша, а Шоймош - на правом господствовали над долиной этой реки. Их ключевые позиции в военном отношении были несомненными. Ход событий, связанных с овладением армией Дожи Липпой и Шоймошем, подробно описан их очевидцами и участниками [25 авг. 1514 г.: б. д. 9 около 25 авг. 1514 г.): 174, с. 208-213, N 179; с.213-220, N 180; с.221, N 181]. Это единственный эпизод крестьянской войны, отраженный в сообщениях непосредственных участников.

Начальник замка Липпы Миклош Бодо с 40 всадниками перешел в Шоймош сразу же после появления под стенами Липпы крестьянского отряда. Оставшиеся впятером защитники и жители Липпы приняли решение о его сдаче. Местечко и замок были заняты войском под командованием Дьёрдя Дожи, прибывшим сюда как раз после того как обитатели Липпы решили сложить оружие. Замок Шоймош был взят направленными сюда Дожей силами, а сам он находился в это время в своем главном лагере, расположенном примерно в 15 км от Шоймоша (в 2 венг. милях). Первый штурм (8 июня) был отбит защитниками Шоймоша. Замок обстреливали из пушек, подвезенных сюда из ставки Дожи. Представитель войска восставших "книжник" из Липпы Янош в конце концов убедил гарнизон Шоймоша сдаться на милость Дожи. При этом он уверял, что замок и именно уже пожалованы Доже королем. Поскольку ко времени сдачи Шоймоша (11 июня) Дожа во главе своего войска уже вышел из упомянутого выше лагеря по направлению к Темешвару

(рум. Тимишоара) [40; 291] и осада этой крепости началась 13 июня [17: 147, с. 71], а не 15 июня, как полагал Шандор Марки [489, с. 433], то Габор Барта предположительно датирует оставление Дожей лагеря близ Шоймоша 9 июня [365, с. 106].

В рассказе участника событий первой половины июня Георга Прантнера содержится свидетельство о том, что гонец, направленный из Липшы к Яношу Запольяи с просьбой о помощи, повстречался с братом Дьёрдя Дожи - Гергеем Дожей (видимо, гонца схватили и привели к Гергею). Гергей, по словам гонца, заявил тому, что нет смысла двигаться к Яношу Запольяи, так как он, Гергей, только что прибыл от Запольяи, который сообщает Дьёрдю Доже, что ему не следует бояться его, Яноша Запольяи, а пужно выполнять возложенную на него миссию, в чем Запольяи не будет чинить препятствий. так что, по утверждению Гергея, между воеводой Трансильвании и крестьянским войском существовало полное согласие [около 25 авг. 1514 г.: 174, с. 215, N 180]. Судя по всему, нет оснований сомневаться в словах гонца, но нет и возможности проверить, сказал ли Гергей гонцу правду или сознательно обманул его. Возможность встретиться с Яношем Запольяи у Гергея была - 9 июня Запольяи находился в городе Дева в сравнительной близости от Липшы и Шоймоша [9 июня 1514 г.: 174, с. 105-106, N 62, 63; ср. 175, с. 19, N 20].

Важно заметить, что Гергей, даже если он и не вел переговоров, а просто обманывал гонца, действовал, принимая во внимание борьбу внутри класса феодалов и используя реальный факт вражды между Яношем Запольяи и маркграфом бранденбургским Георгом Гогенцоллерном, владельцем Липшы и Шоймоша. Известно что Янош Запольяи (1487-1540, с 1510 г. - воевода Трансильвании, с 10 ноября 1526 г. - король Венгрии) [о его владениях см.: 345, с. 9] возглавлял "партию" магнатов, которая боролась с придворной "партией", куда входил Георг. В частности, Запольяи вел процесс с ним из-за замка Хуньяд. Жители местечка Моноштор, входившего во владения этого замка, при приближении к нему одного из отрядов восставших также начали бунт, заявив управляющим, что Моноштор по праву принадлежит не Георгу, а Яношу Запольяи [29 февр. 1516 г., 1 июля 1520 г.: 174, с. 384-386, N 285; с. 506-508, N 385; ср.: 175, с. 43-45, N 71].

Как мы видим, в этом случае крестьяне также использовали противоречия внутри господствующего класса. Вспомним, что, осаждая Шоймош, они убеждали его гарнизон сдать с ссылкой на мни-

мый факт пожалования этого замка Дьёрдо Доже. Все эти "военные хитрости" сводились к тому, что, громя имения одного магната, крестьянские вожаки как бы заявляли себя защитниками интересов другого, враждовавшего с первым и стремившегося завладеть его имениями. Оспаривая владельческие права Георга Гогенцоллерна, крестьяне выступали в роли поборников соблюдения закона 1495 г., который запретил пожалование имений иностранцам.

Автор начала XVII в. говорит о том, что Дожа намеревался овладеть воеводством Трансильванией [17: 147, с. 70-71]. Очевидно, это было отражением тех слухов о намерениях восставших, которые были известны современникам событий: 9 июня Янош Запольяи писал, что мятежники двигаются к воеводству по долине Мароша и уже вошли в местечко Абрудбанья [174, с. 105, N 62; ср.: 175, с. 19, N 20]. Оно находилось на территории воеводства. Слух этот, видимо, был небезоснователен, поскольку крестьянским руководителям в начале июня могло быть известно, что воеводство не обладает военными силами: войско воеводы Яноша Запольяи с начала мая вело боевые действия в османских владениях южнее нижнего Дуная [243, т. 5, с. 48]. Но к десятым числам июня положение изменилось: войско Яноша Запольяи возвратилось в Трансильванию, и 3 июня воевода сообщал городу Брашшо (рум. Брашов), что он прибыл из похода в Болгарию и движется в Трансильванию (из Караншебеша в комитате Темеш) [280, т. 15, ч. 1, с. 288]. 9 июня он был в городе Дева, перейдя в воеводство через перевал Железные ворота, а уже 14 июня - в Сасвароше (рум. Орэштине) [174, с. 11, N 69].

По-видимому, 9 июня войско Дожи вышло к Темешвару. Римский историк XVI в., предположение которого воспроизвел несколько позже историкограф трансильванского князя, полагал, что Дожа видел в Темешваре сильный опорный пункт, откуда можно было бы вести переговоры с королем и за сдачу которого туркам получить от них пощаду [39: 290, л. 127; 16: 146, т. 1, с. 392]. Серьезно в этом утверждении можно рассматривать лишь оценку Темешвара как самой значительной крепости в данном районе королевства Венгрия. "Намерения" Дожи приписаны ему безо всяких на то оснований.

Для крестьянской армии взятие Темешвара представляло интерес еще и потому, что к десятым числам июня область Темешвара с севера была прикрыта только захваченными повстанцами замками Липшой и Шоймопом, а с юго-запада -

местностями, занятыми крестьянскими отрядами южных комитатов королевства.

Дожа, таким образом, и после превращения крестового похода в крестьянскую войну не проявил стремления завладеть столицей королевства. У крестьянских руководителей, как представляется, имелся определенный стратегический план, и передвижения их армии были отнюдь не стихийны. Об этом можно судить по ряду их военных операций. Так, после прибытия армии Дожи под Темешвар туда же подтягивается отряд Радослава Надя с юга королевства (см. ниже). Дьёрдь Дожа направил отряд Гергея Дожи к Буде. В общей форме об этой операции говорит современник-итальянец, воспроизводивший свидетельства из донесений посла Венеции в Буде Антонио Суриано [40: 291]. Документальные данные конкретизируют это утверждение и позволяют судить о действиях восставших крестьян в местностях, расположенных по линии: Вилагошвар (рум. Ширия) - Дьюла - Тисаваршашь - Пепгг.

О взятии восставшими Вилагошвара наряду с данными о падении Липпы и Шоймоша сообщает современник [перед 9 июля 1514 г.: 174, с. 152, N 114]. Восставшие действовали в районе между Вилагошем и Дьюлой - в деревнях Шиманд и Алатк [12 нояб. 1516 г., 29 мая 1520 г.; 174, с. 419, N 308; с.497, N 378]. Автор памятных записей, составленных по прошествии нескольких десятилетий после событий, упоминает о взятии Вилагошвара как о победе главного войска восставших [15: 141, т. 2, с. 6]. Сохранились упоминания в документах более позднего времени об осаде восставшими Дьюлы [15 июня 1515 г., 24 июня 1518 г., март 1552 г.: 174, с. 347, N 248; с.443, N 336; с.550-551, N 422]. Отнесение этих свидетельств ко времени прохождения данного района войском Дьёрдя Дожи признается необоснованным. Вероятно, осаду (не завершившуюся взятием города, поскольку свидетельств об этом нет) вело войско Гергея Дожи. Под Дьюлой оно действовало в обстановке крестьянского восстания, охватившего окрестности города. Известно, в частности, что к нему примкнули два дворянина-однодворца из деревни Камут, расположенной вблизи Дьюлы [15 июня 1515 г.: 174, с. 347, N 248]. Около 14 июня большое крестьянское войско перешло через Тису и разбило лагерь у Варкони (Тасаваркони) - напротив Варшани (Тисаваршани) [16 июня 1514 г.: 174, с.116-118, N 73,74; ср.: 175, с.73, N 23]. Этим войском мог быть выступивший из-под Липпы на Буду и прошедший, как можно предполагать на основании рассмотренных

свидетельств, через Вилагош, Шиманд, Алатк и район Дьюлы отряд Гергея Дожи.

С движением этого отряда дальше - от Тисы к Буде - связана рассылка из Цегледа приказа Дьёрдя Дожи всем городам, местечкам и деревням, "а в особенности жителям комитатов Пешт и Кюльше-Сольнок" о явке их в войско. Единственный сохранившийся до настоящего времени экземпляр этого давно известного историкам документа, так называемого "цегледского манифеста" Дьёрдя Дожи, находится в архиве словацкого города Бардеёв (венг. Бартфа) под № 4443, а фотокопия - в Государственном Архиве Венгрии [текст и библиогр. предшествующих публ.: 174, с. 121-122, N 79]. В тексте документа нет даты. Исследователи ранее предполагали, что документ составлен или 18 мая (около 18 мая) [489, с.182, 196], или перед 21 июня [174, с.121, N 79], или 21 июня [562, с.488], или до 19 июня, около 20 июня [365, с.69, 279, 332].

Следует отметить, что обоснованной предположительным датировкам пока не давалось. Енё Суч, предпринявший попытку по-новому датировать памятник, принял во внимание следующее: 1) факты, свидетельствующие о "рождении концепции крестьянской войны в масштабах всего государства" в промежуток времени между битвой при Надьлаке и казнью господ (28 мая) и взятием Липпы (6 июня); 2) только что рассмотренные свидетельства памятников, позволяющие судить о движении крестьянского отряда Гергея Дожи к Буде через Цеглед; 3) письмо командира наемных воинов города Капши Иоана Шайцлиха: написанное в местечке Сиксо (комитат Абауй) 21 июня, в 10 часов, о том, что Дьёрдь Дожа (Секей Иорг) "в этот день и час прислал господам в Сиксо письмо о том, чтобы они явились в войско"; как и предшествующие авторы, новейший исследователь полагает, что в Сиксо пришел "цегледский манифест" [174, с.125-126, N 84]; 4) свидетельство грамоты дворян четырех комитатов о том, что "на этой неделе (9-16 июня) пожар начал пылать в комитатах Хэвеш, Кюльше-Сольнок и Пешт и нет сомнения в том, что он перекинется на комитат" Абауй [16 июня: 174, с. 117, N 73; ср. 175, с. 21-22, N 23]; 5) совпадение титулов Дьёрдя Дожи, фигурирующих в "цегледском манифесте", с титулами, которыми он наделен в памятниках западноевропейского происхождения (на немецком и итальянском языках), составленных после середины июня на основе полученных из Буды сообщений [так называемое первое продолжение письма

горожанина Буды от 25 мая 1514 г.: 174, с. 314-322, N 227; ср. 175, с.37-39, N 62; 27: 286, с.296; 174, с.243, N 200]

Изю всех этих фактов следует убедительный, на мой взгляд, вывод о том, что "цегледский манифест" "мог возникнуть в первых числах июня на территории между Надьялаком и Лишпой, а несколько его экземпляров от имени главного военачальника Гергей Дожа разослал в середине июня (между 10 и 21) из Цегледа, где, вероятно, была стоянка его отряда после Тисаваркони в походе против Буды, так что это - действительно самый важный документ уже провозглашенной крестьянской войны" [581, с.646].

Замечу, что этот вывод, хотя и предположительный, но представляющийся обоснованным всеми данными, которыми располагает современная наука, подтверждает высказанную Этвешем в художественной форме догадку, являющуюся одним из элементов его художественного вымысла, о том, что в деревнях, через которые проезжают герои романа, читали грамоту Дьердя Дожи.

А вот как выглядит подлинный текст "цегледского манифеста": "Дьердь Секей, ревностный рыцарь, князь благословенного народа крестоносцев и верховный военачальник, подданный только короля Венгрии, но не господ, приветствует всех вместе и в отдельности города, местечки и деревни, имеющиеся в королевстве Венгрия и в особенности - в комитатах Пешт и Кюльшэ-Сольнок. Знайте, что неверные дворяне с применением насилия восстали против нас и всех собравшихся в настоящий священный поход крестоносцев, имея намерение таким образом преследовать, обременить и рассеять нас. Поэтому поручаем и строго приказываем вам под страхом отлучения от церкви и вечного проклятия и даже под угрозой лишения всего имущества и жизни, что вам должно как можно быстрее, как только вы увидите настоящий [приказ], без какого-либо промедления, без отказа под каким-либо предлогом поспешить в местечко Цеглед, чтобы священное войско и благословенное собрание [крестоносцев] смогло бы усмирить, обуздать и подавить силы войска (отряды) упомянутых неверных и проклятых дворян. Если вы это сделаете, то будет хорошо, в противном же случае вы подвергнетесь упомянутой выше каре, но мы не удовлетворимся этим, а повесим вас и прикажем повесить вас перед вашими домами на подпорах (косяках) ваших ворот, а также прикажем посадить вас на колья, и мы присудим вас к лишению имущества, чтобы дома ваши были разрушены, ваши жены и дети были убиты и т.д. Цеглед, в 1514 г." [174, с.121-122, N 79; ср.: 175, с.22-23, N 26].

Текст этого давно известного документа в последнее время привлёк внимание исследователей [581, с.647-667; 365, с.271, 283-284]. Оценка этого памятника и его анализ современными исследователями нуждаются в особом разборе. Оставим эту задачу на будущее и проследим действия Дожи после выступления его из-под Липшы.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что наличие общего стратегического плана обнаруживается лишь в действиях армии Дожи. Другие отряды действовали разрозненно, не ставя перед собой задач, которые можно было бы назвать стратегическими. Отряды в районе Пешта, судя по всему, стояли на месте. Отряды Ференца Баго на северо-востоке королевства "расхаживал туда и сюда" [174, с.92, N 45]. Впрочем, видимо, он и не превратился в войско восставших крестьян. Таковым стал отряд крестоносцев комитата Бихар. Можно предполагать о его передвижении от места сбора (около местечка Бихар) на север - к Секейхлду, в пределах данного комитата [перед 9 июля 1514 г.: 174, с.419, N 114; ср.: 175, с.28, N 37].

Намерение руководителей крестьянского войска овладеть Темешваром основывалось на важном экономическом, а также военно-стратегическом значении района Темешкёза, центром которого являлась эта крепость. Темешкёз находился по соседству с междуречьем Дравы и Савы. Восточная часть междуречья - комитат Серем (сербскохорв. Срем) являлась жюггнщей королевства. Такое ее значение в XVI в. пало в связи с продвижением османов и оттоком отсюда венгерского населения. Появление османской опасности увеличило военное значение крепости Темешвара. Ишпан комитата Темеш являлся военачальником (главным капитаном) Темешкёза. По значению этот сан стоял в ряду банов (начальников пограничных об. стей - банатов) после палатина, государственного судьи, воеводы Трансильвании.

С 1514 г. темешским ишпаном и главным капитаном южных областей королевства являлся Иштван Батори из эчедской ветви этого рода. В источниках он впервые упоминает в 1490 г. В 1510 г. был начальником крепости Буды. В 1519 г. стал палатином, пробыв на этом посту с небольшим перерывом до своей смерти (1530 г.).

Но вернемся к событиям у Темешвара, развернувшимся после прихода туда армии Дожи. Уцелевший в битве при Надьлаке Иштван Батори, судя по современному событиям свидетельству,

бежал в замок Шоймош, где пробыл три дня [б. д. (около 31 мая 1514 г.): 174, с.94, N 48]. Известен рассказ Таурина [7: 131, с.23-24] о том, как Батори после битвы скрывался на поле боя, а затем, раздобыв лошадь, бежал в Темешвар. Это литературный вымысел, как и сообщения других авторов XVI - начала XVII в. об обстоятельствах бегства темешского ишпана [14: 142, с.62; 17: 147, с.71]. Видимо, в Темешвар Батори прибыл в конце мая- начале июня. Гарнизон крепости к этому времени насчитывал 3,5 тыс. человек [б. д. (около 31 мая 1514 г.): 174, с.94, N 48]. Под защиту стен Темешвара бежали землевладельцы всего региона, в том числе и магнаты (Якчичи и Сакойи) [б. д. (15 июня 1514 г.): с.165-168, N 126]. Можно предполагать, что взятая Иштваном в это время в долг сумма (более тысячи флоринов), о которой он сам писал позже, была израсходована на приобретение продовольствия и боеприпасов [28 окт. 1520 г.: 174, с.513, N 390]. Такова ситуация в крепости, под стены которой армия Дожи прибыла, по словам автора начала XVII в., 13 июня [17: 147, с.71]. В современных событиям документах датировки прихода Дожи под Темешвар нет, но есть свидетельства, позволяющие судить об обстановке в прилегающей к крепости области. Около 11 июня восставшие заняли местечко Чанад [365, с.99, 313]. Наиболее вероятно, что это было делом рук одного из действовавших в данной области отрядов.

В памятных записях современника и в сочинении историка начала XVII в. имеются указания на пребывание армии Дожи около города Сегеда [15: 141, т. 2, с. 6; 17: 147, с. 67, 70]. О его взятии Дожей сообщает 4 июля пражский современник событий [174, с.147, N 107]. Однако, эти сведения содержатся в источниках, происхождение которых заставляет сомневаться в их достоверности. Скорее, можно говорить лишь о том, что район Сегеда был охвачен восстанием.

16 июня 1514 г. дворяне четырех комитатов (Ноград, Хонт, Пешт и Хэвеш), как представляется, основываясь на дошедших до них слухах, писали о том, что все дворянство ряда комитатов, в частности комитата Темеш, пало жертвой ярости восставших [174, с.117, N 73; ср. 175, с.22, N 23]. Документы более позднего времени сохранили прямые или косвенные данные о действиях повстанцев в окрестностях замков Чак, Чери, в деревнях Немети и Сарвапгелек [17 июля 1516 г., 22 дек. 1515 г., 15 авг. 1520 г., 27 окт. 1515 г.: 174, с.402, N 297; с.377, N 274; с.509, N 386; с.369, N 268]. В то же время в актах нет указаний на то, что в этих

местностях хозяйничали отделившиеся от основного войска Дожи отряды. Судя по событиям в местечке Моноштор на севере комитата Темеш, здесь произошел бунт местных крестьян, примкнувших к прибывшему сюда отряду "чужих" крестоносцев, состоявшему по меньшей мере из 2 тыс. всадников и пехотинцев [29 февр. 1516 г., 1 июля 1520 г.: 174, с.384-386, N 285; ср.: 175, с.43-45, N 71; с.506-508, N 385].

Все эти конкретные свидетельства не позволяют понимать буквально, как это делает Габор Барта [365, с.143], утверждение грамоты Уласло II о том, что "Сскей Дьёрдь во время ожесточенной осады крепости Темешвар захватил соседние населенные пункты и менее значительные укрепления" [б. д. (по предположению исслед. и издат. после 15 июля 1514 г.): 174, с. 166 N 126].

Дело в том, что замки, местечки, деревни захватывались крестьянами как местными, так и прибывшими в составе войска Дожи. Такое впечатление создается и при чтении только что указанного мною королевского документа, содержащего подробное описание сдачи магнатом, королевским камерарием Яношем Сакойи его замка Баче (юго-западнее Темешвара). Его покинули все слуги, и он вынужден был сдать осаждавшему замок отряду. Захватив Сакойи и его семью, восставшие отвезли его в лагерь Дожи. Но после прихода к Темешвару войска Яноша Запольяи (см. об этом выше) ему удалось перейти в лагерь воеводы. Судя по другому документу, восставшие овладели замком Бече самое позднее в первых числах июля [13 июля 1514 г.: 174, с.158, N 121; ср.: 175, с.29, N 39].

Важно заметить, что данное описание указывает на то, что местности между замком Бече и Темешваром находились к этому времени под властью восставших крестьян. То же самое можно сказать о районе, непосредственно примыкавшем к Бече с юга. Расположенный здесь (на левом берегу Тисы в комитате Торонгал) замок Бечекерке (более позднее его название Надьбечекерек) был захвачен в середине (немного позже 10) июня [перед 9 июля 1514 г.: 174, с.152, N 114; ср.: 175, с.28-29, N 37]. Его взятие справедливо приписывается отряду Радослава Надя, который, по свидетельству современника [15: 141, т. 2, с. 10], двигался с юга (от Тителя) к Дьёрдю Доже под Темешвар [365, с. 109]. Оставшиеся в тылу Радослава Надя комитаты Бач и Серем к середине июня были уже под контролем восставших [перед 9 июля 1514 г.: 174, с. 152, N

114; 14: 141, т. 2 с. 8 - 9]. Комитат Торонтал, по которому он шел к Темешвару, попал под их власть в середине июня.

Таким образом, к началу осады Темешвара Дожей его войско имело в своем тылу на севере (Вилагошвар, Шоймош, Липша), на северо-западе (Чанад, Сегед), на юге и юго-западе (комитаты Торонтал, Бач, Серем) районы, охваченные восстанием. Такая обстановка в областях, примыкавших к Темешвару, наряду с экономическим и военно-стратегическим значением этой крепости, обусловила и принятие руководителями восставших решение о ее штурме.

О ходе осады Темешвара современный читатель, как и писатель Эвеш около 130 лет тому назад, черпает сведения почти исключительно из сочинений авторов XVI - начала XVII в. В недостоверности ряда их свидетельств мы уже имели возможность убедиться. Но проверить их данные об осаде за неимением более аутентичных известий у историков нет возможности.

Армия Дожи прибыла, пишет автор начала XVII в., 13 июня под Темешвар на Уличское поле [17: 147, с.71]. Локализовать это поле точнее пока не удастся - в других памятниках нет упоминаемый такого или схожего с ним топонима. О первой попытке Дожи взять крепость сообщается в письме из Праги от 4 июля 1514 г. Туда дошли слухи о том, что Дожа, прибыв к Темешвару, призвал его гарнизон сдаться. Иштвану Батори он объявил, что если тот вышлет крестьянам ключи, то получит пощаду. Батори будто бы выслал ключи и согласился впустить войско крестьян в крепость. Когда же крестьяне заполнили мосты, ведущие туда, Батори приказал открыть по ним огонь из орудий [174, с.147, N 108]. К сожалению, нет возможности проверить, насколько достоверны были слухи обо всем этом, дошедшие до Праги.

Автор начала XVII в. сообщает о предприятии Дожей артиллерийском обстреле крепости. Затем крестьяне приступили к отводу вод реки Темеш, заполнявших ров вокруг крепости [17: 147, с.71]. Характерно, что в памятных записях современника говорится, правда, лапидарно о завершении этой работы [15: 141, т. 2 с. 10]. Автор более позднего времени отмечает, что Иштвану Батори удалось сорвать ее благодаря удачной вылазке из крепости [39: 290, л. 127; 17: 147, с. 71]. Как бы то ни было, осада крепости продолжалась. Продовольствие у осажденных истощилось, и они стали есть конину [14: 142, с.63]. Поэт Таурин утверждает, что Батори обращался за помощью к господам, находившимся в Буде: он

будто бы отправил туда письмо. Авторство соответствующего места этой поэмы принадлежит Таурину, воспроизведения античных образцов здесь незначительны [7: 131, с.37; 378, с.30].

Современники событий зафиксировали сообщение (видимо, на основании известной им молвы) о том, что Батори обращался с письмами о помощи к Яношу Запольяи [15: 141, т. 2, с. 10; 14: 142, с. 64]. Авторы более позднего времени, воспроизводя это известие, составляют его с враждой, якобы существовавшей в то время между двумя магнатами [33: 283, с.333; 16: 146, т. 1 с.363; 17: 147, с.71]. Однако первые достоверные сведения об их соперничестве относятся лишь к середине мая 1519 г., когда Запольяи и Батори боролась за пост палатина, доставшийся последнему. Еще 8 марта 1519 г. Запольяи и Батори вместе с некоторыми другими магнатами подписали грамоту о совместных действиях [сводка свидетельств источников об этих событиях: 543, с. 170-171]. Несколько ранее войска Яноша Запольяи беспрепятственно проходили через подвластный Иштвану Батори комитат Темеш по направлению к границе с турецкими владениями. В этом также усматривается признак существования нормальных отношений между ними [365, с.140-141].

По мнению специалистов по политической истории Венгрии начала XVI в. Жужашны Херманн и Габора Барты, консультациями которых я пользовался в 1975-1976 гг., недостоверны утверждения автора XVI в. Яноша Жамбоки и историка начала XIX в. И.-Х. Энгеля о заключении в 1511 г. тремя магнатами, в числе которых указывается и Иштван Батори, союза против Яноша Запольяи. Ясно, что утверждения авторов XVI - начала XVII в. о вражде между Запольяи и Батори в 1514 г. являются необоснованной ретроспекцией реалий более позднего времени.

Судя по обстоятельствам осады Темешвара и других крепостей, можно предполагать, что возможность посылки письма Иштваном Батори существовала; однако факт этот (просьба о помощи) не упоминается в письмах Яноша Запольяи ни во время осады Темешвара [29 июня, 10 июля 1514 г.: 174, с. 135, N 94; с.154, N 116], ни позже. Трудно представить, чтобы Янош Запольяи в более позднее время, соперничая с Иштваном Батори, не использовал бы ссылку на просьбу последнего о помощи.

Осада Темешвара войском Дожи продолжалась ровно месяц (13 июня - 13 июля). Эта датировка сейчас считается общепризнанной [365, с.317]. Авторы памятных записок "удлиняют" этот этап

крестьянской войны, говоря или о двухмесячной осаде, или об осаде в течение всего лета [14: 142, с.63; 15: 141, т. 2 с.10]. Видимо, сюда ими включено все время до полного подавления крестьянского восстания. До середины июля, таким образом, феодалам представилась возможность пока армия Дожи была связана ведением осады, принять меры для подавления отдельных очагов крестьянской войны и подготовки к решительному наступлению на занятый Дожей район Темешвара.

Прежде всего, как это обычно бывало в случае каких-либо важных событий в стране, в частности при возникновении войны, распоряжениями короля были отложены процессы в суде высшей инстанции - личного присутствия короля; "так как королевство и король вынуждены заниматься тяжелой бедой" [2 грамоты от 27 мая 1514 г., излож.: 365, с. 119]. Эти документы, а также частное письмо от 28 мая содержат первые свидетельства о начавшейся в масштабах всей страны крестьянской войне - "восстания всей страны" [174, с.86, N 40].

В историографии признано, что известие о превращении крестоносной армии в крестьянское войско достигло Буды к 31 мая [174, с.94, N 47; 365, с.87]. Первые распоряжения короля в связи с этим были вызваны событиями в районах, где действовала не армия Дожи, а другие отряды восставших крестьян. Их акции начались в середине или в начале второй половины мая. Судя по записям в памятной записке современника событий и по свидетельству их очевидца, Габор Барта небезосновательно полагает, что уже в середине мая или ранее в южной части междуречья Дуная и Тисы (южнее Калочи) действовал против дворян отряд Антала Надя (Большого) [15: 141, т. 2, с.8; 25 авг. 1514 г.: 174, с. 209, N 179; 365, с.91]. Авторы XVI - начала XVII в., писавшие по-латыни, именуют его "Антоний Долгий" [33: 283, с. 334; 16: 146, т. 1, с. 383; 17: 147, с. 74]; в исторической же литературе принято называть этого крестьянского предводителя Анталом Надем [489, с.379; 365, с. 91].

Ранее, 25 мая, начались нападения крестоносцев на оставшихся в лагере под Пешгом дворян [174, с.316-317, N 227; ср. 175, с.38, N 62; 154, с.238]. 22 (или 15) мая отряд восставших крестьян комитата Бихар разбил в двух милях от Варада дворянское ополчение [174, с.317, N 227; с.82, N 37; 365, с.94]. Ранее 17 мая произошло вооруженное выступление крестоносцев в местечке Тур (совр. Мезётур) в комитате Кюльшэ-Сольнок [9: 133, с.274]. Активные действия

восставших в комитате Бихар продолжались и в конце мая - начале июня.

По свидетельствам, которые, впрочем, не позволяют точно датировать события, известно, что повстанцы хозяйничали в местечках Келешер и Кацдэл [б. д. (перед 15 июля 1514 г.): 174, с. 162, N 124], в деревнях Салонта, Байон (Бихарнадьбайом), Удвар (Шарретудвари) [22 авг. 1514 г.: 174, с. 201-202, N 173; 365, с. 110-111] и Почай [13 нояб. 1517 г., 5 нояб. 1516 г.: 174, с. 439, N 330; с. 411, N 341].

Но имеются и данные, позволяющие судить о датах осады замка Керешсег, происходившей примерно в первые дни июня [б. д. (перед 15 июля 1514 г.): 174, с. 162, N 124; 14: 142, с. 68], о взятии замка Секейхид в северной части комитата Бихар в начале июня [б. д. (перед 9 июля 1514 г.): 174, с. 152, N 114; 365, с. 300], о взятии резиденции епископа, города Варада (рум. Орадя Маре), самое позднее в середине июня [4 июля 1514 г., 8 февр. 1520 г.: 174, с. 147, N 108, с. 483, N 367, 15: 141, т. 2, с. 7; 14: 142, с. 68-69; сводка известий Габора Барты: 365, с. 111-114, 300].

По сведениям Дьёрдя Серема, в комитате Бихар располагался второй по значению после армии Дожи отряд восставших крестьян, возглавляемый священником Лёринцем, который был "мужем храбрым и ревностным воином" [14: 142, с. 68]. О нем было известно и другому современнику, который писал, что "священник Лёринц...спалил Варад, произвел в нем большие опустошения" [15: 141, т. 2, с. 7].

Имя "Лёринц" (Лаврентий) фигурирует в ряде памятников, отразивших события крестьянской войны. Посмотрим, о каких лицах с этим именем говорят документы, памятные записки и сочинения авторов XVI - начала XVII в., какова степень их достоверности.

Итак, в памятниках фигурируют:

1) Один из двух авторов датированной грамоты - военачальников и предводителей крестоносцев - Лёринц Месарош из Медьясо [174, с. 95, N 49; см. также с. 96-99]; Медьясо - община в комитате Земплен. Каких-либо дополнительных данных о нем, в частности о его участии в крестьянской войне, источники не содержат. Характер его деятельности восстанавливается предположительно [154, с. 249].

2) "Некий Лёринц - священник" из комитата Бихар - предводитель крестьянского отряда в этом комитате. О нем мы знаем из

современных событиям документов, упоминающих его имя и указывающих, что он действовал в районе Варада [24 июля 1514 г.; 11 авг. 1514 г.: 174, с. 175, N 142; с.193, N 160; ср.: 175, с. 50, N 40; с.31, N 45]. Он известен также по памятным запискам [14: 142, с.68-70; 15: 141, т. 2, с.7; 9: 133, с.276]. Енё Сюч усматривает в одной из них, написанной на юге королевства, два упоминания об этом Лёринце: во-первых, с указанием его имени и района его деятельности (Силадьшаг и Варад) [15: 141, т. 2, с.7]; во-вторых, без указания имени, с обозначением "... седьмой предводитель крестоносцев, один монах", восставший в Трансильвании и "... соверпивший много злодеяний. Воевода Янош схватил и сжег его в Коложваре" [15: 141, т. 2, с. 10; 154, с. 250]. По моему мнению, источник не даёт оснований для отождествления безымянного монаха из Трансильвании с Лёринцем из Бихара: они действовали, по утверждению автора памятника, в разных районах. Сохранили свидетельства о Лёринце из Бихара и сообщения зарубежных современников событий, составленные независимо друг от друга в 1515 г. [28: 289, л. 53; 29: 288, л. 8]. Видимо, его имеет в виду автор составленного в 1514 г. в Риме описания событий на основе имевшейся к тому времени в Западной Европе информации, когда говорит о "некоем монахе", орудовавшем у Варада [27: 286, с.299]. Имя Лёринца в рассказе об этих событиях встречается у венецианского посла в Венгрии Антонио Суряпо и воспроизведено несколько позже (1547-1550 гг.) венецианским историком [40: 291, с.1055]. Упоминается Лёринц в связи с Варадом также в сочинении автора, писавшего в 20-е годы XVI в. [33: 283, с.334]. Важно заметить, что, согласно всем известиям, Лёринц связан с районом Варада. Здесь нет указаний на то, будто он "самый важный из сподвижников Дожи", как полагают Енё Сюч и Габор Барта, рассмотревшие эти данные [154, с. 250; 365, с. 112]. В компилятивном труде Джанмикеле Брута, соответствующие части которого написаны в 80-е годы XVI в. с использованием и более ранних сочинений, авторы которых упоминали о Лёринце из Бихара (Туберо, Куспиниан), этот персонаж фигурирует уже не только как предводитель восставших в Бихаре, но и как один из "советчиков" восставших (вместе с монахом Мартоном). Именно им этот автор приписывает формулирование требований крестьян [16: 146, т. 1, с. 360-361, 383-384], что, несомненно, является плодом вымысла.

3) Лёринц - священник, возглавлявший отряд крестоносцев из 2 тыс. человек, который примкнул к войску Дожи между Бекешем и Дьюлой [14: 142, с.61]. Это произошло 19 мая, как полагает Габор Барта [365, с.72, 76]. Другие историки датируют это событие позднее, 26-27 мая [489, с.214-215, 222; 154, с.251]. Судьба данного священника не нашла отражения в источниках; его идентификация с Лёринцем - вождем повстанцев в районе Варада [154, с.250, 251] не имеет источниковедческого обоснования: - об этом нет ни прямых, ни косвенных данных.

4) Лёринц - герой повествования о крестьянской войне из сочинения Миклоша Иштванфи по истории Венгрии [17: 147, с.64, 75]. Напомним, что написано это повествование между 1599 г. и ноябрем 1600 г. [150, с.187-190]. Его герой - "священник Леринц из местечка Цеглед [147, с.66]. Причем это определение может быть понято двояко: и как "священник Лёринц родом, по происхождению из Цегледа", и как "Лёринц, являющийся священником в Цегледе".

Лёринц Миклоша Иштванфи действует вместе с Дожей в Пештском лагере, где произносит "подстрекательские" речи. Затем Дожа отправляет его во главе одного из отрядов в комитат Бач. Оттуда он возвращается в лагерь восставших "между Керёшем и Марошем" [с.71]. Из лагеря Лёринц совершил вылазку "за добычей", в результате которой был убит дворянин Миклош Зойоми с тремя братьями, а их усадьба сожжена [с.70]. Об этом убийстве ранее сообщали авторы, сочинениями которых пользовался Иштванфи [33: 282, с.334; 16: 146, т. 1, с.384]. Однако известно, что семья Зойоми владела замком Секейхид в комитате Бихар [489, с.364-365]. Поэтому в данном случае Иштванфи приписал сподвижнику Дожи Лёришцу действия другого Лёришца - предводителя восставших в комитате Бихар. Далее герой Иштванфи принимает участие в битве под Темешваром, командуя одним из флангов войска Дожи [147, с.72]. После поражения он бежит по направлению "к Дунаю и Бачу" [с.72-73] и пытается возобновить восстание в "поле у Калочи" вместе с Авталом Надем, но они терпят поражение. Дальнейшая судьба Лёринца неизвестна [с.72-73].

Большинство деталей, сообщаемых автором начала XVII в., отсутствует в более ранних исторических памятниках. Но те черты Лёринца, которые отражены последними, позволяют судить об источниках Миклоша Иштванфи, и о той трансформации, которую претерпели под его пером ранние версии. Прежде всего повторим,

что он использовал сведения ранних авторов о Лёринце из Бихара для описания подвигов своего героя, т.е. убийство братьев Зойоми и утверждение о том, что судьба Лёринца после поражения неизвестна [33: 283, с. 334]. Иштванфи, несомненно, знал о заявлении Джанмикеле Брута о том, что Лёринц и Мартон давали советы Доже о переустройстве страны [16: 146, т. 1, с.360-361]. Само оно восходит к автору 20-х годов XVI в. (Туберо) о том, что Мартон из Эгера и Лёринц из Бихара "возбуждали крестьян против дворянства" [33:283,с.334]. При этом Брут, писавший в 80-е годы XVI в., сделал их героями, действующими вообще (неконкретно) при Доже, а сведения о них поместил перед рассказом о выступлении Дожи из-под Пешта [16: 146, т. 1, с.360-361]. А Иштванфи заставляет своего героя действовать уже в лагере под Пешгом, делая его ближайшим сподвижником и доверенным лицом Дожи [17: 147, с.66]. Трансформация данных о Лёринце в трудах авторов XVI - начала XVII в. прослежена Енё Сючем [154, с.250-252]. С ним я не согласен лишь в двух деталях. Во-первых, в памятниках, возникших до 80-х годов XVI в. включительно (свидетельства современников, памятные записки, сочинения первых историков), не содержатся утверждения о том, будто Лёринц был самым значительным из помощников Дожи. Такого рода заключение исследователя [Там же] не подтверждается соответствующими местами указанных источников. Во-вторых, по Иштванфи, Лёринц - не участник осады Темешвара, как полагает исследователь [147, с.72; 154, с.251,252], а один из командующих войском восставших в битве под Темешваром.

Итак, Иштванфи, создавая образ Лёринца, по-своему использовал данные о другом историческом лице - Лёринце из Бихара. Но, кроме них, Иштванфи ввел в описание деятельности своего героя элементы, являющиеся плодом его литературного вымысла, а именно: 1) происхождение Лёринца из Цегледа [с.66]; 2) деятельность Лёринца в лагере под Пешгом, где он произносит перед Дожей "подстрекательские речи" [Там же]; 3) посылка его Дожей в Бач с заданием привести собравшиеся там войска [с.67]; 4) Лёринц прибывает к Доже в поля между реками Керешем и Марошем с войсками из Бача, убедив Антала Нада следовать за ним, советует Доже не идти в Трансильванию, а овладеть Темешваром [с.70]; 5) Лёринц участвует в битве под Темешваром [с.72]; 6) после поражения бежит по направлению к Дунаю и Бачу [с.72-73]; 7) Лёринц возобновляет борьбу вместе с Анталом Надем "в поле у Калочи",

храбро сражается в битве при Апати, где его ранят [с. 74]. Такого рода свидетельств не содержат ни один из известных к настоящему времени источников. В частности, как уже отмечалось, нет оснований говорить и об аутентичности утверждения Иштванфи о решающем значении советов Лёринца Доже в полях между реками Кёрёшем и Марошем, как полагает современный исследователь [154, с.252]. Словом, Лёринц в сочинении Миклоша Иштванфи - это литературный герой. Образ его создан историком с использованием некоторых свидетельств писавших ранее авторов о Лёринце из Бихара. Но в основу его положен литературный вымысел. Описанного им героя в исторической действительности не существовало.

Но возвратимся к рассмотрению событий второй половины мая - первой половины июля. Уходя из-под Пешта, крестоносная армия оставила здесь арьергард, отряд, которым, по словам авторов XVI - начала XVII в., командовал жегель Пешта Амбруш Салереш ["Салерезий" - 17: 147, с. 67,69; "Салерий" - 16: 146, с. 377]. О нападении крестоносцев из этого отряда на дворян уже говорилось. К 20-м числам мая в нем насчитывалось 5 тыс. человек [174,с.315, N 227; ср. 175,с.37, N 62]. К 25 мая Пештский отряд сохранял крестоносный характер. Тогда же в Буде шла речь о роспуске крестоносцев [26 мая 1514 г.: 174, с. 82, N 37].Собравшихся под Пешгом крестоносцев убеждали разойтись монахи двух венгерских монастырей. В ответ на эти действия крестоносцы явились в Буду к францисканскому и доминиканскому монастырям и обрушились с угрозами на монахов [письмо горожанина Буды от 25 мая 1514 г.; 174, с. 318-319, N 227; ср.: 175, с.38, N 62].

Тогда было использовано средство религиозного воздействия : во время крестного хода по случаю дня господня (25 мая) сторонники властей попытались разделить крестоносцев на желающих разойтись по домам и остаться. Произошло "чудо", подробно описанное современником, а может быть, и очевидцем события, упоминавшимся горожанином Буды [там же, с. 315-316, N 227; ср.: 175, с.37, N 62].7 изданий его письма были напечатаны в 1514 г. в брошюрах, которые издавались в Аугсбурге, Нюрнберге и Мюнхене. Я имел возможность пользоваться двумя изданиями письма, хранящимися в Государственной библиотеке им. Сеченьи и пронумерованными под N 90 и 93 в книге Кароя Кертбена, где даны описания всех шести самостоятельных изданий письма горожанина Буды [304, с.25-26, N 90-95].В той же библиотеке я

пользовался брошюрой, где напечатано 7-е издание письма горожанина Буды. Она описана в указанной выше книге под N 96. В ней содержатся два отрывка, условно называемые 1-м и 2-м продолжением письма горожанина Буды, или 2-м и 3-м его изданием [174, с.313-314, N 227 A1]. Второе условное название я считаю неудачным, поскольку в брошюре содержится 7-е издание первоначального текста.

Само же "чудо" представляло собой неудавшуюся попытку распустить Пештский отряд, предпринятую после вылазки из Буды тысячи королевских воинов во главе с Яношем Борнемиссой к Пештскому лагерю крестоносцев [172, с.317 N 227; ср.: 175, с. 38, N 62]. Однако лагерь был окружен боевыми повозками [4 июля 1514 г.: 174, с. 147, N 108; 390: 290, л. 127; 17: 147, с.69]; не решившись напасть на него, Борнемисса возвратился в Буду [27: 286, 298; 174 с.244, N 200].

Крестоносцы из Пештского лагеря свободно ходили по Буде и Пешту [25, 28 мая 1514 г.: 174, с. 318, N 40]. Но источники не содержат данных, подтверждающих мнение Шандора Марки о том, что крестоносцы "напали на город (Буду) и захватили его" [489, с.200]. В письме на чешском языке от 31 мая 1514 г., на которое ссылается сторонник этого взгляда, свидетельств о захвате Буды нет [174, с.94, N 47]. Согласно слухам, циркулировавшим в Европе, крестоносцы под Пештом ежедневно меняли местонахождение своего лагеря, который охраняли также ежедневно сменяемые стражи. [27: 286, с.298; 174, с.244, N 200]. Эти оборонительные меры были вызваны, по-видимому, опасениями неожиданного нападения из Буды. Миклош Иштванфи говорит о том, что Салерешш отдал приказ не сообщать о намерениях крестоносцев королю и дворянству [17: 147, с.67]. Если верить в достоверность этого сообщения, то его следует отнести, на мой взгляд, к самому началу перерастания крестоносного движения в крестьянское восстание. Слова того же автора о наличии у Салерешш трех отрядов не подтверждаются никакими другими известиями [147, с.67].

О судьбе Пештского отряда можно судить по данным современных событиям источников относительно обстановки в районе Буды. В конце мая феодалы пребывали здесь в страхе [31 мая 1514 г.: 174, с. 94, N 47]. Но послание короля от 1 июня властям и дворянству комитата Шарош содержит указание направить войско в распоряжение темешского ишпана Иштвана Батори, а не в район

Буды и Пешта [с.97, N 52]. 4 июня король повторяет этот приказ в несколько измененном виде: отряд этого комитата должен прибыть к Пешту в случае, если Батори не соберет войска [с.100, N 56]. 16 июня дворяне комитатов Хонг, Ноград, Хэвеш и Пешт решительно утверждали, что на их территории восстановлено спокойствие [с.118, N 74; с.116, N 73; ср.: 175, с.21, N 23]. 21 июня было известно, что король послал для усиления своего войска на те королевства 400 наемников, которые восстали и перешли на сторону Дожи [174, с.124, N 83]. Справедливо предположение о том, что посланы они были в первой неделе июня [365, с.118]. В районе Буды в них в это время нужды не было. Все эти свидетельства позволяют судить о том, что в первых числах июня (не раньше 31 мая) Пештский отряд перестал существовать.

Об обстоятельствах устранения феодалами этой опасности подробно пишут авторы XVI - начала XVII в. Они говорят о заседании королевского совета (куда поэт Таурин сопровождал из Эстергома Бакоца) [7: 1313, с.16; 16: 146, т. 1 с. 322-326; 17: 147, с. 68]. Таурин воспроизводит речь короля [7: 131, с.17], составленную из строк, взятых из античных поэтов [378, с.14], другой автор - речь Яноша Борнемиссы (ум. в 1526 г.) - начальника крепости Буды, воспитателя будущего короля Лайоша II, влиятельного руководителя придворной "партии" [147, с.68]. В документах нет намеков на эти речи; они - плод художественного вымысла. В частности, таковым представляется и утверждение, вложенное Миклошем Ингванфи в уста Борнемиссы, о том, что Буда и Пешт были полны дворянами-беженцами. Достоверным материалом источников оно не подтверждается.

Документы не содержат и упоминаний о битве отряда Борнемиссы с крестьянами из Пештского лагеря. Авторы XVI - начала XVII в. слили воедино описание перехода Амбруша Салерешпи и его отряда на сторону короля с рассказом о битве у Губача, зафиксированной документально [146, с.377-383; 147, с.69; 174, с.193, N 160; ср.: 175,с.31, N 45]. При этом автор начала XVII в. вложил в уста Амбруша Салерешпи речь, в которой тот будто бы убеждал крестьян принять предложение Борнемиссы о добровольной сдаче [147, с. 69]. В отличие от Габора Барты [365, с.118], я полагаю, что этот литературный вымысел не может служить одним из оснований для предположения о добровольном подчинении Пештского отряда требованиям разойтись. Но и без этого довода само это предположение представляется весьма

обоснованным. Документы не упоминают Амбруша Салереши. Впервые о нем говорит Джанмикеле Брут в 80-х годах XVI в. [16: 146, т. 1, с. 377]. Иштванфи, взявший из его сочинения данные о Салерии, переделал его в Салерезия [147, с.67,69]. Латинизированная форма этого имени (Салерий, Салерезий) могла отражать немецкие родовые имена: Сайлер, Салер, Шаллер. Их сохранили сочинения, свидетельства которых известны исследователям [365, с.118, 315; 354, с.32]. Но поскольку документальных данных о горожанине Амбруше, который носил в изучаемое время одно из этих родовых имен, или имя Салерезия, упоминаемое Миклошем Иштванфи, нет, то герой его повествования остается героем литературным, прототип которого неизвестен.

Роспуск Пештского отряда явился первой акцией правительства в борьбе с крестоносцами. Меры по мобилизации сил феодалов оно начало готовить еще весной. Уже 29 мая датировано первое из сохранившихся до нашего времени распоряжений короля, адресованных властям и дворянству отдельных комитатов. Оно было направлено комитату Валко (сербскохорв. Вуковар) на юге королевства [174, с. 88, N 41]. Сохранились также такого рода распоряжения комитатам Шарош [1 и 4 июня 1514 г.: с. 97, 100, N 52, 56] и Абауй [15 июня 1514 г.: с. 112-113, N 71]. В них предписывалось всем дворянам поголовно явиться в войско для подавления начавшегося "почти во всем королевстве" восстания. А 6 июня было отправлено распоряжение королевскому городу Кашше (словацк. Кошице) снарядить по 200 пехотинцев, или сколько будет можно, а также направить снаряжение и пушки [с.101, N 57]. 13 июня последовали распоряжения городам Эперьешу (словацк. Прешов), Кашше и Бартфе (словацк. Бардеёв) [с.109-110, N 67, 68]. Видимо, 15 июня были составлены распоряжения дворянству комитатов, тексты которых не сохранились [365, с.120]. А еще 4 июня король приказал собрать "отечественные и зарубежные силы" [174, с.100, N 56].

К этому времени феодалы Венгрии уже приняли меры для получения помощи извне. Так, 31 мая королевский совет ("прелаты и бароны, другие дворяне и знатные Венгрии, собравшиеся ныне у его королевского величества...") направил письмо наместнику короля Чехии Владислава (Уласло II) Бартоломею, герцогу Мюнстербергскому, владельцу Коморау в Силезии с просьбой прислать военную помощь [с.90, N 43; ср.: 175, с.14, N 13]. Герцог был связан с Венгрией, являясь в 1507 г. владельцем замка Шиклош (Шоклош) в

комитате Баранья [свидетельство неопубл. док.: 365, с. 316]. 24 июля король уполномочил своего посла в Вене просить военной помощи у императора Максимилиана [174, с.175-176, N 142; ср. 175, с.30, N 40]. Тот призвал осуществить ее маркграфов Фридриха и Казимира Гогенцоллернов грамотой от 5 августа [174, с.187-189, N 155], хотя об этой помощи известий нет.

А относительно истории прихода в Венгрию войск Бартоломея сохранилось много сведений [39; 290, л. 127, 128; 16: 146; т. 1 с. 392; 17: 147, с. 74]. Численность его войск составляла 6-7 тыс. [27: 286, с.300]. Войска Бартоломея пробыли в Буде с 31 августа до конца сентября - начала октября. Они пришли по призыву не Бакоца, а королевского совета, но Бакоц взял на себя расходы по их содержанию. Судя и по новейшим разысканиям, роль этих войск во внутривосточной борьбе после подавления восстания, как опоры короля и Бакоца против дворянства в труде римского историка [39: 290, л. 128] оценена верно [365, с.226 -230].

Король Уласло II и его окружение, вероятно, стремясь выиграть время, предприняли попытку вступить в контакт с Дожей, и 3 июня король направил к нему своего придворного Миколаша (судя по имени, из Чехии), снабдив его грамотой, в которой предписал всем властям королевства оказывать Миколашу содействие. Кстати, в той же грамоте содержится и первое упоминание о Дьёрде Секе [174, с.98-99, N 55]. Очевидно, переговоры представителя короля с Дожей не состоялись. Во всяком случае никаких намеков на этот факт в памятнике нет.

Изучение распоряжений короля о военных приготовлениях против восставших убеждает в том, что в них отразилась нерешительность и торопливость правившей королевством "партии" магнатов: здесь фигурируют четыре кандидата на пост командующего феодальным войском (Иштван Батори, палатин Имре Переньи, камерарий Иштван Переньи и Янош Бебек). Не котировался в качестве такового в кругах придворной "партии" Янош Запольяи, глава противоположной "партии" - документы его не упоминают. Миклош Иштванфи в начале XVII в. изложил спор по вопросу о командующем армией, который будто бы происходил на заседании королевского совета. Здесь речь шла о палатине Имре Переньи и о Яноше Запольяи, которого, по словам автора повествования, король и совет назначили командующим [17: 147, с.68]. Однако, это вымысел историка, который знал дальнейший ход

событий и попытался "обосновать" действия воеводы Трансильвании королевскими полномочиями.

Поэт Таурян, сопровождавший, по его словам, Бакоца на заседание совета, "воспроизвел" речь последнего [7: 131, с.16, 29 - 31], который якобы воодушевил дворян на борьбу с восставшими, призывая отложить внутренние распри. Но это опять-таки всего лишь попытка поэта возвеличить своего хозяина, "речь" которого также скомпонована из стихов античных поэтов [378, с. 24-26]. В конце мая на имя Бакоца поступило письмо пожоньского капитула, датированное 28 числом. Секретарь, судя по его пометке, не смог доложить господину содержание документа, так как Бакоц "был сильно взволнован" событиями начавшегося восстания [174, с.86, N 39]. У инициатора крестового похода было более чем достаточно причин для замешательства, которым были охвачены и все представители господствующего слоя.

Документы, отразившие события до середины июля, говорят о том, что в условиях, когда ярко проявилась неспособность центральной власти к организации борьбы, происходило сплочение сил дворян, по собственной инициативе взявших за оружие. Образовались местные центры сосредоточения вооруженных дворян; об одном из них говорится в послании магната Яноша Бебека от 28 мая [с.83, N 38; ср.: 275, с.13, N 11]. Предполагают, что его отряд был разбит восставшими под Эгером между 5 и 9 июня [365, с.128]. Другой центр сопротивления восставшим крестоносцам создали дворяне комитатов Ноград, Хонт, Пешт и Хэвеш, о действиях которых говорится в их послании от 16 июля, адресованном дворянам комитата Абауй [174, с.116-117, N 73; ср. 175, с.21-22, N 23] и горным городам [с.118, N 74]. Это ополчение существовало к 16 июня уже почти два месяца. На границе комитатов Ноград и Хэвеш у местечка Пасто оно разбило восставших (видимо, 10-16 июня). Здесь речь могла идти или об отряде местных крестьян, действия которых в указанных комитатах отражены более поздними документами, или о крестьянском войске, незадолго до этого одержавшем победу у Эгера.

Примерно в то же время произошло решающее сражение между дворянским войском во главе с Яношем Драгфи, магнатом, занимавшим пост главного стольника короля, и семитысячным отрядом крестьян, осаждавших замок Дебрё около Эгера [40: 291, с.1055]. Крестьяне были разгромлены; в битве принимал участие и Янош Борнемисса [365, с.129].

Третий центр сосредоточения сил дворян, к которым присоединился отряд наемников города Кашиши под командованием сборщика тридцатины Иоганна Шайцлиха, находился в местечке Сиксо (комитат Абауй). Сохранившиеся документы говорят о несогласованности действий магнатов, командовавших этим ополчением. В военных действиях оно не участвовало и вскоре после 21 июня разошлось по домам [489, с.320-324; 365, с.166-167].

Четвертым центром дворянского сопротивления был Эгер, где во главе отряда (банцери) эгерского епископа Ишполита д'Эсте стоял его управляющий Джан Бонзаньо ди Реджо. Этот отряд и силы дворян четырех комитатов, поспешившие сюда из Хатвана, а также, вероятно, воины владельца местечка Сиксо Иштвана Переньи разбили контингент восставших крестьян, отделившийся в свое время от армии Дожи и двинувшийся на север. Решающая битва произошла у Хэвеша [28: 289, л. 53] в последней неделе июня [365, с.169]. Ранее в историографии она датировалась началом июля и локализовалась к югу от Эгера где-то около деревни Маклар [489, с.313].

В самом начале рассматриваемого периода (около 14 июня) на юге королевства отряд Антала Надя одержал победу при Камонце (сербскохорв. Камениц) [15: 141, т. 1, с. 9; 365, с. 146]. Однако в целом время до середины июля, когда армия Дожи двигалась к Темешвару и осаждала его, характеризуется серией поражений крестьянских отрядов. К ним относятся роспуск Пештского отряда, битвы у Пасто, Дебре и Хэвеша, а также сражение у пустоши Губач около Пешта. Сюда подошло одно из крестьянских соединений, отделившихся от армии Дожи. Оно состояло из 1500 воинов. Королевской власти удалось выставить отряд под командованием Яноша Борнемиссы из 1200 всадников (по документальным данным; по другой версии - из 500) [33: 283, с.334; 174 с.134, N 93; ср. 175, с.24, N 29]. Восставшие разбили лагерь, окруженный несколькими повозками. Но в решающей битве у Губача они были разбиты. Это произошло 21 июня [7: 131, с.32; сводка свидетельств: 365, с. 158-160]. Современник называет восставших "крестьянами и хайдуками", причем хайдуки наиболее упорно сопротивлялись королевским войнам [9: 133, с.275]. Командиром крестьянского отряда являлся брат Дьёрдя Дожи, названный авторами XVI в. Лукачем [39: 290, л. 127; 16: 146, т. 1, с. 389-391]. Те пленные и перешедшие добровольно на сторону короля крестьяне, которым удалось доказать, что их принудили присоеди-

ниться к восставшим, были отпущены [11 августа 1514 г.: 174, с. 193, N 160; ср. 175, с. 31, N 45]. Предводители (8 человек [290, л. 127, 146, т. 1 с. 390] или 16 [174, с. 193, N 160]) были казнены. В описании Миклоша Иштванфи, претендующего на изложение реальных исторических событий битвы у Губача, легко выделяются отдельные черты, представляющие собой плод литературного вымысла.

Таковым является, кроме описания действий Салерепи, прежде всего утверждение Иштванфи об участии в битве известного военачальника Пала Томори (1475-1526), возглавлявшего впоследствии венгерские войска в битве при Мохаче, где он и погиб. Но документы свидетельствуют о его пребывании в июне в воеводстве Трансильвания [3 июня 1514 г.: 280, т. 15, ч. 1, с. 228; 20 июля, 13 авг. 1514 г.: 174, N 133; с. 194, N 161]. Неизвестны по достоверным памятникам такие моменты, упоминаемые Миклошем Иштванфи, как присылка палатином Имре Переньи своих отрядов в помощь Борнемиссе; сбор в Буде вооруженных дворян из близлежащих местностей; участие в битве у Губача Ференца Баттяни (1497-1566) и Ласло Море (умер после 1543 г.), которое Иштванфи произвольно приписал им, известным лишь по более поздним материалам. Так, в 1522 г. Ференц Баттяни стал баном Хорватии, в 1554 г. король предлагал ему пост палатина; Ласло Море принимал активное участие а междоусобицах после 1526 г., а в 1543 г. был захвачен турками и увезен в Константинополь, где и умер. Не подтверждается источниками и версия о расколе отряда Салерепи на желающих разойтись и желающих сражаться.

Но все эти вымышленные детали у Иштванфи - элементы литературной обработки реального исторического события - битвы у пустоши Губач. Интересно, что к концу XVI - началу XVII в. в памяти потомков не сохранились те слухи, которые циркулировали среди зарубежных современников событий крестьянской войны, о том, например, что у восставших, расположившихся лагерем на Губачском поле, имелось намерение захватить ночью Пешт и предать его разграблению, а также изгнать короля и знать из крепости Буда [9: 133, с. 275]; что они хотели после осады захватить Буду и короля с его семьей; что восставшие разбили войско господ и три дня держали Буду в осаде [365, с. 320] или наоборот, что восставшие, прибыв под Пешт, потеряли время, держа военный совет, почему и потерпели поражение [28: 289, л. 52]. Но определить степень достоверности этих слухов невозможно.

После Губачской битвы произошли столкновения сил дворянства с отрядами восставших, окончившиеся поражением крестьян. Уже в конце июня дворянство задунайского комитата Тольна принудило к сдаче войско крестоносцев (7 тыс. человек), осаждавших замок Аньавару [40: 291, с.1055].

Крестоносцы действовали также в западном Задунавье [21 июня 1514 г.: 174, с. 122, N 80], и дворяне комитатов Зала и Ваш объединились для борьбы с ними. К ним присоединилось 9 июля дворянство комитата Шопрон, и объединенные силы дворян трех комитатов вверили себя командованию магната Яноша Канижаи для борьбы против восставших [9 июля 1514 г.: 174, с.153-154, N115].

В начале июля на юге королевства, у Держа (около Бача) войсками бана Нандорфехервара (сербскохорв. Београд, русск. Белград) был уничтожен отряд Бенедека Погавя [15: 141, т. 2, с. 8; 365, с. 148, 318], а у Хайсентлёринца - священника Борбаша [15: 141, с.7; 365,с.148, 318-319]. Примерно 13 июля потерпел поражение контингент Ангала Надя у Перлека (на правом берегу Тисы, напротив Бече) [15: 141, т. 2, с.9; 365, с.147, 153, 301, 318].

Несколько ранее, в начале июля, дворянам удалось одержать победу над восставшими у Варада (рум. Орадя Маре), который короткое время (середина июня - начало июля) находился в их руках. Имеются свидетельства о том, что мятежом были охвачены районы, примыкавшие к Варладу с востока [365, с.181]. Повстанцы взяли замок Шойомкё [14: 142, с.69] и Валко [4 дек. 1514 г.: 174, с. 294, N 213 ; ср. 175, с.33-34, N 54], причем последний был сдан его владельцами и кастеланом. Габор Барта связал эти свидетельства с утверждениями современников о том, что священник Лёринц действовал в Силадьшаге (комитат Силадь) [15: 141, т. 2, с.6-7]; что у Коложвара (рум. Клуж-Напока) располагался лагерь отряд восставших крестоносцев [14 мая 1515 г., 12 июня 1516 г.: 174, с. 335-336, N 242, с.401, N 296; ср.: 175, с.46-47, N 73]; что в Трансильвании во главе сил мятежников стоял "один монах" [15: 141, т. 2, с. 10] и, наконец, что священник Лёринц победил у Коложвара и убил Иштвана Телегди [9: 133, с.275]. Такое сопоставление привело Габора Барту к выводу о том, что священник Лёринц из Бихара отправился со своим отрядом после взятия Варада в поход через Зойомке и Валко на Коложвар, где восставшие потерпели поражение (примерно 15 июля). Оттуда он отступил снова в Бихар, где господам удалось одержать окончательную победу только в конце июля [365, с.181, 182, 190,

191, 207, 208].Сами по себе перечисленные факты достоверны, но связь между ними, т.е. утверждение о походе Лёринца из Бихара к Коложвару и обратно, всего лишь гипотеза.

Судить о том, что Варад был отвоеван феодалами, можно только по свидетельствам авторов XVI - начала XVII в. о победе господ над восставшими "недалеко от Варада". Эта победа и взятие Варада датируются началом июля [с.183, 301]. Но автор 80 -х годов XVI в. оставил только упоминание о ней [16: 146, т. 1, с.391]. Более детальное ее описание составил Миклош Иштванфи в начале XVII в. В описании разгрома восставших у Варада Иштванфи говорит об объединении сил варадского епископа, в качестве которого у него фигурирует Ференц Переньи, а также дворян Имре Цибака, Пала Артанди, Бенедека Байони и Миклоша Глезана [17: 147, с.70]. О том, что эти реальные исторические деятели были живы в 1514 г., свидетельствуют современные им документы [365, с.182, 323]. Имеются также данные о их деятельности в более позднее время [345, с.299, 239-240]. В частности, свидетельства достоверных источников о Ференце Переньи относятся также ко времени после 1514 г. [184, с.109]. Утверждение Миклоша Иштванфи о том, что Ференц Переньи являлся варадским епископом, ошибочно. В 1514 г. в Вараде не было епископа, и епископскими именениями и самим комитатом Бихар управлял дворянин Гергей Пештгьени [489, с.357, 358]. Именно его и называет современник событий, переживший их в Бихаре, предводителем войска господ [14: 142, с. 68-69].

Решающую роль в судьбе крестьянской армии Дожи сыграло дворянское войско, приведенное из воеводства Трансильвании Яношем Запольяи. Поэтому положение в воеводстве имело значение для истории всей крестьянской войны. 25 апреля Бакоц поручил епископу трансильванскому Ференцу Вардаи провозгласить буллу о крестовом походе в воеводстве [174, с.65-66, N 22]. Однако еще к 7 июня официального провозглашения буллы не произошло, хотя настоятель (гвардиан) францисканского монастыря в Вараде и послал текст буллы в воеводство. Буллу здесь объявил лишь настоятель францисканского монастыря в Сасвароше (рум. Орэшгье) 7 июня 1514 г.: с. 103, N 160; ср.: 175, с.18, N 19]. Официально булла в Трансильвании не была провозглашена, что, видимо, явилось результатом политики воеводы Яноша Запольяи, враждовавшего с придворной "партией" магнатов, к руководителям которой принадлежал Бакоц.

Несмотря на это, на части территории воеводства, где были расположены семь комитатов, управляемых представителями венгерского дворянства (Бельпё-Сольнок, Добока, Колож, Торда, Фейер, Кюкюлё, Хушьяд), происходили столкновения отдельных отрядов восставших крестоносцев с дворянами. Упоминания о них, сохранившиеся в документах 1514 - 1524 гг., не содержат указаний на более или менее точные даты событий. В руки восставших, возглавляемых Яношем Надем, на какое-то время попало местечко Деш (рум. Деж) - центр комитата Бельпё-Сольнок. В комитате Добока повстанцы разгромили усадьбу землевладельца в селе Палатка. Были уничтожены владельческие документы феодала Яноша Деш, имения которого располагались в комитатах Добока, Бельпё-Сольнок и Колож, а также семьи феодалов Эрдей. Сохранились свидетельства об убийстве восставшими в комитате Добока феодала Берната Бешпешен и о неудачном бегстве отсюда другого землевладельца. В восстании принимали участие жители местечка Торда (рум. Турда), центра одноименного комитата. В том же регионе были захвачены местечко Тороцко (рум. Траскэу) и замок Тороцкосентдёрдь, центр района горных промыслов. Власти принимали меры к усилению боеспособности гарнизона замка Гёргень: 29 июня вице-воевода призывал власти города Бестерце (рум. Бистрица) направить туда две телеги пороха для пушек.

Один из отрядов, отделившихся от армии Дожи, достиг горного местечка Абрудбанья в комитате Фехер. Восстания здесь отмечены также в районах горных промыслов около Залатны (рум. Златна) в деревне Галац. Восставшие разгромили дворянскую усадьбу в Чанаде, взяли королевский замок Кечкеш. Кроме того, известно о действиях в саксонском округе Бестерце отрядов под командованием воспачальников (капитана) Альберта и сапожника из деревни Винце, расположенной между городами Бестерце и Самошуйвар (рум. Герла). Участвовали в действиях против феодалов и жители здешнего горного города Радна (рум. Родна). Заметим, что все известные современной науке свидетельства [их сводка: 365, с. 183-188], не содержат данных о действиях в Трансильвании и в соседнем с ней комитате Марамарош в качестве участников восстания валахов (восточных ромашев - предков современных румын).

Как видим, документы свидетельствуют о разрозненных действиях мелких отрядов крестоносцев, сравнительно легко

ликвидированных феодалами. Наиболее значительные события развернулись у Коложвара (рум. Клуж-Напока). К этому богатому ремесленно-торговому поселению подошло соединение повстанцев. Крестьянским вожакам в сопровождении немногочисленной охраны удалось на основе мирного соглашения с городским советом войти в город. Воспользовавшись этим, городская беднота напала на бежавших в город дворян (их насчитывалось 6-7 человек) и отобрала их имущество. Но через несколько дней городскому совету удалось схватить руководителей отряда и выдать их воеводе (или гофмейстеру Яношу Торнальи). Сравнение описания битвы при Коложваре, составленного поэтом [7: 131, с.44-45] с данными современных им документов [10 июля, 12 июля 1514 г.: 174, с. 154, N 116; с.156, N 119] позволяет признать свидетельство Таурина о битве при Коложваре достоверным, а также датировать ее приблизительно 15 июля [365, с.189-190].

Данные источников о событиях у Коложвара проливают свет на судьбу королевского советника Иштвана Телегди. 15 мая (самое позднее в последних числах мая) Телегди отправился с посольством в Молдавское княжество, имея, скорее всего, целью обеспечить положительное отношение его главы к крестовому походу [сводка известий: 154, с. 237]. 9 июня он находился в замке Дьёлу (рум. Джалэу) комитата Колож в Трансильвании [174, с.106-107, N 64; ср. 175, с.18, N 19]. Документ от 3 июля отразил его пребывание в Дьюлафехерваре (рум. Алба Юлия) [365, с.190: изложение]. В памятной записке современника событий, достоверность свидетельств которого в данном случае не подвергается сомнению, запечатлен факт победы под Коложваром священника Лёринца (его идентифицируют с известным по другим памятникам Лёринцем из Бихара) над Иштваном Телегди, который победителем был убит [9: 133, с. 276]. Так что, видимо, Телегди погиб в битве под Коложваром примерно 15 июля.

Поэтому недостоверна версия о гибели Телегди, содержащаяся в сочинении историка начала XVII в. в качестве продолжения его рассказа о казнях по приказу Дьёрдя Дожи после битвы, которую этот историк локализует у Чанада, епископа Чаки и других феодалов. Крестьяне будто бы схватили направляющегося домой (в его бихарские имения?) Телегди и подвергли его на глазах Дожи жестокой казни [17: 147, с.70].

Время, в течение которого Дожа осаждал Темешвар, было использовано правителями Венгрии для мобилизации сил против восставших. 26 июня король направил приказ властям северных областей королевства. Сохранились его экземпляры, адресованные городам Капшпе, Бартфе и Эперьешу (словацк. Кошице, Бардеёв, Прешов) о присылке в Буду их военных контингентов [174, с.129 - 130, N 88; ср.: 175, с.23, N 27]. Этот приказ мог быть отправлен и другим городам, судя по тому факту, что был изготовлен датированный тем же числом образец его типового текста, который сохранился до наших дней [174, с.129, N 88А].

Королевская канцелярия подготовила пространное послание короля папе с просьбой о помощи [3 июля 1514 г.: с. 142-144, N 104; ср.: 175, с.25-26, N 33]. Вероятно, о том же шла речь во время пребывания в Буде наместника Чехии герцога Бартоломея Мюнстербергского, о чем записал его протодотарий Иероним из Градешина [под 14 июня 1514 г.: 174, с. 59, N 18].

Но войск у центральной власти, несмотря на все ее старания, было мало, поэтому магнаты и дворяне старались самостоятельно защищать свои имения. Ранее была потеряна королем и часть имевшихся сил, например, перешли на сторону восставших 400 наемников, направленных на юг королевства [с.124, N 83]. Известно лишь о прибытии в Буду 25 июня младшего брата трансильванского воеводы Дьёрдя Запольяи. Он привел с собой 5 тыс. воинов, выставленных оставшимися вне огня восстания северными и северо-восточными комитатами королевства, где находились имения семьи Запольяи, а также наемников, нанятых за собственные деньги этой семьей [29 июля 1514 г.: с. 135, N 93; ср.: 175, с.24, N 29]. В Буду прибыли также 126 конников, нанятых Тамашем Бакоцем [22-28 июня 1514 г.: 174, с.128-129, N 87]. Король назначил Дьёрдя Запольяи главой войск, направленных из Буды против восставших. В грамоте около 13 июля, где говорится об этом, содержится также свидетельство о том, что Дьёрдь Запольяи уже выступил против войска Дожи и что король написал палатину, чтобы они вместе руководили войсками короля и королевства [с.161 N 122]. Едва ли это означало, что король вручил Дьёрдью Запольяи судьбу страны, как полагает Габор Барта [365, с.164].

Реальной военной силой обладал воевода Трансильвании Янош Запольяи. Его положение было прочнее, нежели у других властителей, поскольку уже в первой половине июля стало ясно, что всеобщего восстания на территории воеводства не произошло. Уже 19

июня воевода ссылался на получение королевского приказа об истреблении и изгнании крестоносцев из воеводства Трансильвания [174, с.120, N 77; ср.: 175, с.22, N 25]. Впоследствии король дважды отмечал, что Янош Запольяи разбил восставших, действуя по его, короля, приказу [24 июля 1514 г.: б. д. (после 15 июля 1514 г.): 174, с.166, N 126; с.175, N 142; ср.: 175, с.30, N 40]. Исходя из этого можно признать, что утверждение автора начала XVII в. о посылке приказа короля и королевского совета воеводе Трансильвании достоверно [17: 147, с.68-69].

Еще в начале мая Янош Запольяи ушел в поход на занятые османами территории восточнее реки Моравы "в Болгарию" [243, т. 5, с. 48]. Возвратился он в начале июня и 3 июня был в Караншебсиге (комитат Темеш). Примерно 7 июня он перешел через перевал Железные ворота (венг. Вашкапу) в воеводство Трансильванию. 9 июня в городе Дева (комитат Хуньяд в Трансильвании) воевода издал грамоту с распоряжением о подготовке войска для борьбы с восставшими, которые к тому времени овладели Липшой на Мароше (в комитате Арад) и вошли в местечко Абрудбанью (в трансильванском комитате Фехер, рум. Абруд) и Кёрёшбанью (в комитате Заранд; рум. Байя-де-Криш). Приказ был разослан по всему воеводству, сохранились два его экземпляра, направленные соответственно властям и дворянству комитата Бёльше-Сольнок, а также города Брашшо (рум. Брашов) и земли Барца (рум. Цара Бырсей). Все дворянство должно было вооружиться и собраться в воскресенье после Троицына дня (т.е. после 18 июня) в Эньеде (рум. Аюд). Следовало выставить в войско десятую часть крестьян, вооружив их. Вице-ишпаны должны были следить за спокойствием в комитатах; им было приказано хватать и казнить участников возможных беспорядков [174, с.105-106, N 62, 63; ср.: 175, с.19, N 20].

Получив известие о выходе Дожи к Темешвару, воевода выступил в Сасварош (рум. Орэштие), откуда 14 июня отправил приказ совету города Надьсебена (рум. Сибиу) послать сюда порох и военное снаряжение [с.111, N 69]. В тот же день он повелел властям города Брашшо направить отряд в Сасварош [с.111,112, N 70]. К 19 июня воевода был в Эньеде и в тот же день отдал распоряжение, адресованное всем жителям воеводства Трансильвания, о мерах по предотвращению восстания на его территории: власти города Бестерпе (рум. Бистрица) обязывались задерживать и подвергать самой жестокой казни людей, называвших

себя крестоносцами или желавших ими стать [с.120, N 77; ср.: 175, с.22, N 25]. 27 июня Янош Запольяи находился уже, вероятно, с войском в Дьюлафехерваре (рум. Алба Юлия), откуда он обратился с письмом к властям и жителям города Бестерце. Приказывая им принимать в свои стены просящих убежища женщин и детей дворян, воевода отмечал, что эти дворяне "заняты защитой страны" [174, с. 133, N 90; ср.: 175, с.24, N 28]. К 29 июня воевода прибыл в Сасварош, где издал строгий приказ властям Надьсебена обеспечить снабжение войска продовольствием [174, с.135, N 94]. К 10 июля войско воеводы находилось в местечке Дева [с.154, N 116]; оно медленно продвигалось по долине Мароша (рум. Мурешул), направляясь навстречу армии Дожи.

О действиях других феодалов можно судить по немногим сохранившимся свидетельствам. Известно послание от 9 июля епископа трансильванского Ференца Вардаи городу Надьсебену с известием о приказе воеводы дворянам Трансильвании о выставлении войска [с.106-107, N 64; ср.: 175 с.19, N 21]. Он отдал распоряжение своему управляющему о взимании с крестьян церковных имений по возможности наибольшего количества денег, о формировании из них отряда для борьбы против восставших [12 июля 1514 г.: 174, с.156, N 119].

Город Брапшо дважды взимал военный поголовный налог, часть которого была внесена в казну воеводы, а из другой были оплачены конные и пешие наемники [215, т. 1, с. 201, 203, 204]. За счет доходов с имений замка Хуньяд его начальник (кастеллан) Петер Паточи припаял па службу 600 наемников. С ними, а также с дворянами комитата Хуньяд он присоединился, вероятно, около 10 июля к войску воеводы в Деве [1514 г., 6. дня и месяца (между 10 и 15 июля): 174, с.155, N 117; 6. д. (около 19 ноября 1514 г.):с. 286, N 205; 365, с.192]

Сто километров от Девы до Темешвара войско Яноша Запольяи преодолело за четыре дня: вечером 14 июля оно прибыло на Уличское поле под Темешваром [17: 147, с.72]. Документально засвидетельствована стоянка воеводы лагерем в Ирегде [174, с. 155, N 117], вероятнее всего это было имение кастеллана замка Хуньяд Петера Паточи к северо-востоку от Темешвара в долине Мароша. Следовательно, на равнину, где расположен Темешвар, войско Яноша Запольяи вышло кратчайшим от Девы путем - по долине Мароша (через Марошские ворота). Указания документов, таким образом, опровергают версию автора начала XVII в. о продвижении

войска Яноша Заполяни к Темешвару непосредственно от перевала Железные ворота [17: 147, с.71]. Известно утверждение автора XVI в. о том, что воевода шел навстречу восставшим, "не останавливаясь ни днем, ни ночью" [16: 146, т. 1, с.364].

10 июля до воеводы в Деву дошла весть о нападении на Коложвар, расположенный, как известно, на территории воеводства. Янош Заполяни не двинул войско на Коложвар, а поручил отбить город своему гофмейстеру Яношу Торнальи и главе секеев Андрашу Лазару [174, с. 154, N 116]. Сам же воевода повел войско за пределы воеводства на Темешвар. Этот его шаг пытались объяснить еще авторы XVI - XVII вв. И современники событий [15: 141, т. 2, с. 10; 14: 142, с. 63-64], и первые их историки [16: 146, т. 1, с. 363-364; 17: 147, с.71; 33: 283, с.333] говорят об обращении Иштвана Батори с письмом к воеводе, содержащем просьбу о помощи. У некоторых авторов этот факт связывается с враждебными отношениями, в которых к 1514 г. якобы находились Иштван Батори и Янош Заполяни [16: 146, т. 1, с.363; 28: 147, с. 7].

Я уже отмечал, что это не соответствует действительности. Документальных данных о письме Иштвана Батори нет, но факт его обращения за помощью представляется вполне вероятным, если принять во внимание сообщение автора XVI в. об отправлении письма Иштваном Батори сразу после битвы при Надьякс [146, т. 1, с.363].

Один из современников событий, пытаясь объяснить приход Яноша Заполяни к Темешвару, воспроизвел в качестве достоверного известия циркулировавший в то время слух о том, что, прося о помощи, осажденные в Темешваре господа якобы обещали в будущем короновать Яноша Заполяни [14: 142, с.64]. Это же мнение записали и авторы второй половины XV в. - Гапшар Хелтаи [около 1515-1574] и Иштван Бенцеди Секей [воспроизведение их свидетельств: 489, с. 462]. В основательность такого рода утверждений трудно поверить. Невозможно установить, циркулировали ли они во время крестьянской войны или в более позднее время, когда развернулась борьба за венгерскую корону (1526-1541 гг.). Известны, далее, слова историка начала XVII в. о том, что в описываемое время Иштван Вербеци находился в Трансильвании и что его слова сыграли решающую роль в проведении похода на Темешвар [17: 147, с.71]. Шандора Марки в достоверности этого убедила королевская грамота от 2 марта 1516 г. относительно денежного долга Иштвана Вербеци "на

предприятия" во время крестьянской войны, сделанного у одного трансильванского землевладельца [174, с.386, N 286; 489, с.421]. Однако собранные и проанализированные Габором Бартой свидетельства источников (в том числе и неопубликованных) о деятельности Йштвана Вербёци до 1526 г. говорят о том, что последний, вероятнее всего, пережил крестьянскую войну в Буде [365, с.193, 324]. Во всяком случае, вопрос о его пребывании в лагере Яноша Запольяи остается проблематичным.

Поэт Таурин, объясняя причины похода воеводы на Темешвар, приписывает это решение влиянию речи, которую якобы произнес перед Яношем Запольяи трансильванский епископ Ференц Вардаи, принявший участие в войне вместе с набранными им "бесчисленными" воинами [7: 131, с.38]. И это утверждение, и текст речи [131, с.38-39] в основном сочинены самим Таурином; здесь выявлены лишь незначительные заимствования из античных поэтов [378, с.32]. Но ставшие недавно известными документы говорят о том, что Ференц Вардаи со своим отрядом не присоединился к войску воеводы и поэтому не мог произнести перед ним речь, ибо 12 июля он с отрядом стоял у Мужины в комитате Фехер, недалеко от Эньеда, а 20 июля был в Сёди [174, с. 156, N 119; с. 171, N 133].

Как уже отмечалось, позже король указывал, что марш воеводы на Темешвар, проходил по его, короля, приказу. Сам же Запольяи ссылаясь на приказ короля воспрепятствовать возникновению восстания лишь в Трансильвании [19 июня 1514 г.: 404, с.120, N 77]. Несомненно, что его действиями руководило понимание, как важно быстрее подавить восстание и для судеб венгерского феодального государства, и в его, Яноша Запольяи интересах.

Современник событий Дьёрдь Сереме воспроизвел слух о том, что Янош Запольяи, якобы, обратился с письмом к Доже, обещая крестьянам свою защиту [14 142, с.64]. Это может быть лишь свидетельством о примененной воеводой военной хитрости. Однако нет ни прямых, ни косвенных подтверждений достоверности этого свидетельства.

По мнению итальянца - современника событий, Запольяи привел к Темешвару армию, насчитывавшую 22 тыс. воинов [11 августа 1514 г.: 174, с. 193, N 160; ср. 175, с.32, N 45]. Сопоставление совокупности известных по источникам фактов привело Габора Барту к выводу о том, что Дожа смог противопоставить ей по

меньшей мере 20 тыс. более или менее боеспособных воинов [365, с. 199].

В сочинениях авторов XVI - начала XVII в. содержатся утверждения о том, что войско воеводы неожиданно появилось перед лагерем Дожи [16: 146, с.365], что весть о приближении воеводы застала руководителей восставших на пиру [7:131, с.39], что сам Дожа был пьян [17: 147, с.72] и что он нацепил на себя чужие доспехи и оружие [16: 146, с.371]. Однако общая картина столкновения войск воеводы и повстанцев под Темешваром, воссоздаваемая современными историками, не позволяет говорить о достоверности этих утверждений. Одно из немногих документальных свидетельств о событиях указывает на то, что Дожа, готовясь к битве, как и его противник, построил войско в боевой порядок ['б. д. (после 15 июля 1514 г.): 174, с.167, N 126]. Римский историк сохранил известие о том, что разведчики Дожи предупредили крестьян о приближении войска воеводы [39: 220, л. 127 об.].

События под Темешваром воссоздаются на основе сопоставления свидетельств документов, воспоминаний современников и описаний авторов XVI - XVII вв. Первое по времени составления свидетельство о событиях [в грамоте от 24 июля 1514 г.: 174, с.175, N 142; ср. 175, с.30, N 40] характеризует их так: в день разделения апостолов (15 июля) воевода Трансильвании по приказу короля с большим войском, собранным в Трансильвании, прибыл под Темешвар и до того, как туда смогли подоспеть направленные королем против Дьёрдя Дожи венгерские и иностранные войска, захватили Дожу, который вел осаду крепости Темешвар. Затем Дожа был подвергнут казни. "И таким образом масса крестьян под Темешваром без кровопролития была рассеяна и бунт подавлен". Главная суть отраженных здесь событий - захват Дожи, повлекший за собой бескровный разгон крестьян. Известно, что король Уласло II возвел во дворянство крестьянина Матьяша Бруза за его подвиг под Темешваром. Правда, королевская грамота не сохранилась до нашего времени, а из изложения видевшего ее в свое время историка не ясно, как именно в ней освещены факты [489, с.469].

В другой королевской грамоте содержится описание событий под Темешваром, согласно которому воевода прибыл туда сразиться с врагами короля. Дьёрдь Дожа, узнав об этом, начал готовить себя и своих людей к бою; противники построились в боевой порядок и

ожидали столкновения. Захваченный восставшими упомянутый выше магнат Янош Сакойи бежал перед столкновением [б. д. (после 15 июля 1514 г.): 174, с.167, N 126]. Но самое большее, о чем свидетельствует данный документ, это о подготовке к бою.

Автор одной из памятных записок трагедию под Темешваром изображает в такой последовательности: прибытие туда воеводы, разгром и казнь Дьёрдя Дожи и его брата [15: 141, т. 2, с.10-11]. В другой, более ранней, записке современника читаем более подробное описание. Янош Запольяи, передает очевидец, написал Дьёрдю Доже письмо о том, чтобы тот не боялся его, воеводу, так как он стоит на стороне Дожи. Воевода обещал прибыть к Темешвару на 16-й день после отправления письма, причем восставшие (крестоносцы) убеждали Дожу не верить ему. Войско воеводы Яноша пришло к Темешвару на пятый день, и сразу же он приказал объявить крестоносцам, чтобы они, бедные крестьяне, принужденные Дожей к восстанию, разошлись по домам, к своим детям заготавливать на зиму продовольствие. Среди повстанцев был отряд сербов под командованием Радослава ("Разав"), который сразу же перешел на сторону воеводы. Сам Радослав напал на Дожу, навязав ему поединок, но Дожа вскочил на коня и убил Радослава в завязавшейся схватке. Это вселило в души восставших стремление сразиться с войском воеводы, а Дожа решил сам разведать силы противника. Запольяи же второй раз приказал объявить призыв к мятежникам о переходе на его сторону. Воины воеводы узнали выезжавшего разведать их силы Дожу и погнались за ним. Петер Петрович нагнал его, ударом копья сбросил его на землю и привел к воеводе. Там Дожа просил у него помилования. После этого восставшие, имевшие коней, ускакали, а пешие, струдившись вместе, приняли бой. "Воевода Янош, увидев их самоотверженность, снова, уже в третий раз, приказал объявить, чтобы каждый из них ушел бы домой запасать продовольствие на зиму". Когда крестьяне послушались, дворяне начали их рубить мечами и обезглавливать. Многих связанными приволокли к воеводе. На остатки крестьянского войска обрушились воины, вырвавшиеся из Темешвара [14: 142, с.64-65].

По этому описанию Дьёрдя Сереме можно судить о том, какого рода молва и устная традиция о поражении крестьянской армии существовали в первые десятилетия после крестьянской войны. Отметим в ней прежде всего один явно сомнительный момент - заявление о наличии письма Яноша Запольяи к Доже и об

обсуждении его крестьянами. Впрочем, не исключен и эпизод с письмом как применение военной хитрости Яношем Запольяи.

Но многие другие моменты, сохраненные устной традицией, согласуются с данными документов, а также с деталями событий, запечатленными в воспоминаниях венгерских и зарубежных современников [9: 133, с.275; 28: 289, л. 53; 40: 291, с.1055; 39: 290, л. 127-128; 27: 286, с. 229; 174, с. 245, N 200]. Это относится прежде всего к отсутствию указаний на то, что имела место битва между двумя построеными в боевой порядок армиями. Напротив, отмечается, что отчаянное сопротивление оказали остатки крестьянского войска, которые были истреблены и пленены после того, как послушались третьего призыва воеводы разойтись по домам. Подобное совпадение данных всех видов источников позволяет считать достоверными следующие моменты событий под Темешваром. Во-первых, крестьяне приготовились к встрече с врагом; во-вторых, воевода обращался с призывами сложить оружие [9: 133, с.275], и в ответ на это часть крестьян или даже многие [133, с.275] рассеялись или перешли на сторону воеводы. Далее, отметим, что Дьёрдь Дожа был ранен и захвачен в плен Петером Петровичем вскоре после изготовления противников к бою, а не в разгар битвы. Кстати, в рассказе Дьёрдя Серемя [14: 142, с.65] содержатся первые сведения о приближенном воеводы Петере Петровиче (1485? -1557), который в 1514 г., видимо, только начинал свою карьеру; известность Петрович получил после 1526 г., в 1540 г. он стал одним из опекунов сына Яноша Запольяи - Яноша Жигмонда, а в 1556 г.- заместником Трансильвании; не исключено, что устная традиция подчеркнула роль Петровича в 1514 г., чтобы объяснить истоки его возвышения в более позднее время. Наконец, достоверен и тот факт, что после захвата в плен Дьёрдя Дожи (именно это выделяет зарубежный современник, говоря о событиях у Темешвара [28: 289, с.53]) распад крестьянской армии, начавшийся после первых призывов воеводы, по существу привел к ее ликвидации - остались лишь сгрудившиеся пехотинцы, которые и оказали ожесточенное сопротивление, но они сложили оружие. Отметим, что римский историк сохранил известие о том, что сдавшиеся получили пощаду [39: 290, л. 128], устная же традиция говорит об их уничтожении [14: 142, с.66].

В первом по времени составлении описании событий историком Людовико Туберо их характер и последовательность выглядят так же: Дожа приготовился к борьбе; его ранил и захватил в плен

Петер Петрович, сын Михаила Петровича, происходивший из междуречья Дравы и Савы - комитата Пожега; потерявшие вождя крестьяне при появлении войска воевода бежали или просили прощения, а часть их была так утрашена, что не могла помышлять ни о битве, ни о бегстве, ни о том, чтобы просить пощады, - большую их часть воевода убил [33: 283, с.333].

Поэт Таурип составил описание событий под Темешваром [7: 131, с.39-40], скомпилировав строки из стихов античных поэтов [378, с.31-34]. Эта компиляция представляет картину разгрома крестьянского лагеря и победы над героически сражавшимся Дьёрдем Дожей. В изображении Брута, писавшего в 80-е годы XVI в., решающим моментом действий под Темешваром явился захват Петером Петровичем раненого Дьёрдя Дожи, который перед этим произносил речь, воодушевляя крестьян на битву. После этого прибыл со всем войском воевода, и его победа стала несомненной. Крестьяне, потерявшие своего вождя, были утрашены и начали просить пощады. Воевода отдал приказ всех их убить [16: 146, с. 372]. И здесь речь идет не о битве двух армий, а об избешии деморализованных потерей предводителя крестьян.

Описание битвы двух построенных в боевые порядки армий впервые было составлено Миклошем Иштванфи в начале XVII в. [17: 147, с.72]. Только этот автор пишет о том, что: 1) Дьёрдь Дожа привел в порядок ряды конников и пехотинцев, взяв на себя командование центром и поручив фланги своему младшему брату Гергею и священнику Лёришцу; 2) Янош Запольян, как и Дьёрдь Дожа (речь последнего излагают и Брут, и Иштванфи), обратился с речью к своему войску, а затем поручил командование правым флангом Якобу Банффи Линдваи, а левым - Лукачу Кишмарьяи, сам оставшись в центре; 3) войска и воеводы, и крестьян располагались в боевых порядках в одну линию, "чтобы и центр и фланги могли сразу напасть на противника"; 4) построенные в боевые порядки армии столкнулись друг с другом; 5) крестьяне стойко сражались, и в течение длительного времени нельзя было определить, на чьей стороне будет победа; 6) только введенные в бой воеводой гвардия, секеи и пограничная конница обратили в бегство крестьян; 7) бежавших напрасно пытался удерживать Дьёрдь Дожа; 8) малой части крестьян, знавшей окрестности и дороги, удалось бежать; 9) среди последних был священник Лёришц, направившийся в комитат Бач; 10) победители взяли богатую добычу в лагере крестьян, где находились жены и дети,

павшие жертвами оружия и голода. Кроме этих моментов, имеющих только в труде Миклоша Иштванфи, у него содержатся и детали, известные по описаниям других авторов: эпизод захвата Дьёрдя и Гергея Дожей Петером Петровичем, который, по словам автора, получил за это высокий сан; картина избиения воинами воеводы бегущих крестьян. В целом же благодаря введению множества неизвестных ни по документальным, ни по более ранним нарративным памятникам элементов Иштванфи создал картину, отличную от более ранних известий о трагедии под Темешваром. Нет основания поэтому говорить о традиции описания сражения, якобы сохраненной в сочинениях Брута и Иштванфи [365, с.202].

Новые элементы, введенные в повествование Миклошем Иштванфи, представляются плодом его литературного вымысла. Таковым же является, по существу, и в целом его изображение битвы у Темешвара. Более адекватным воспроизведением действительности можно считать изложение событий устной традицией, запечатленной в сочинении Дьёрдя Серема. У других авторов читаем описание таких деталей, как произведенная одним из отрядов Яноша Запольяи разведка крестьянского лагеря [33: 283, с.333]; значительная продолжительность битвы [7: 131, с.40] и выход из Темешвара Иштвана Батори [14: 148, с.66].

После ликвидации Яношем Запольяи крестьянской армии и захвата Дьёрдя Дожи под Темешваром феодалам пришлось затратить немало сил для разгрома других крестьянских отрядов. Современник, описавший казнь Дожи, говорил о том, что неизвестен исход борьбы [так называемое второе продолжение письма горожанина Буды: 174, с. 322, N 227].

Только в конце июля были разгромлены крестьяне под предводительством священника Лёринца в комитате Бихар. Его отряд, как предполагает Габор Барга на основе свидетельств современников, примерно к 23-24 июля возвратился от Коложвара в комитат Бихар, где предпринял осаду местечка Бихар (севернее Варада) [365, с.207]. Против Лёринца Янош Запольяи направил войско во главе с Палом Томори. Тот призвал крестьян разойтись по домам и ночью многие сделали это. Остатки отряда Лёринца были разбиты в битве у Бихара, а сам он бежал в Зилах (рум. Зилэу) в комитате Кёзеп-Сольнок, где был схвачен теми крестьянами, которые хотели заслужить милость воеводы. Лёринца отвезли в Коложвар, где он был казнен [14: 142, с. 68-70].

Р битве у Бихара восставшие потеряли 2 [27: 286, с.300; 174, с.245, N 200] или 3 тыс. убитыми [28: 289, л. 53]. Современник-итальянец полагал, что у Лёринца в отряде было 16 тыс. человек [11 авг. 1514 г.: 174, с.193, N 160; ср. 175, с.32, N 45].

Войска феодалов расправились и с отрядами восставших, действовавшими на юге королевства - в комитате Бач. Согласно версии Миклоша Иштванфи, Лёринц примкнул к войску Антала Надя, стоявшему лагерем у Калочи; около местечка Апати (Апатин) произошла битва отряда восставших с войском Якоба Банффи, направленным сюда Яношем Запольяи. Раненый Антал Надь был взят в плен, увезен в Буду, где его четвертовали; судьба же Лёринца никому не была известна [17: 147, с.74]. Опоры в документальном материале у этой версии нет. Видимо, здесь мы имеем дело с литературным вымыслом историка начала XVII в. Больше доверия вызывает свидетельство современника, запечатлевшего циркулировавший в Вене слух о том, что на юге королевства последним потерпел поражение отряд Михая [28: 289, л. 53].

Заключительным актом крестьянской войны был разгром отряда крестоносцев Домокоша Шоша. Он действовал в лесах горного массива Баконь - между Веспремом и Секешфехерваром (на территории комитатов Веспрем и Фейер). Содержит данные о нем рассказ историка начала XVII в. [17: 147, с.75], который признается достоверным: имеются документальные свидетельства о том, что в комитате Веспрем во второй половине июля действовали крестоносцы. О фигурирующем здесь Готгарде Шиткен - начальнике замков Папа и Шомло - говорят известные современному исследователю неизданные документы [365, с.325]. Говоря о времени после ликвидации армии Дожи, поэт Таурин сообщает о борьбе в Кёрме-бабье (словацк. Кремница) [7: 131, с.28-29]. Однако участие в движении горнорабочих этого и других районов не засвидетельствовано какими-либо достоверными источниками. Хотя еще 8 июня король опасался этого [174, с.101-102, N 58; ср.: 175, с.17-18, N 18]. Историкам были известны данные авторов XVI - XVII вв. о численности погибших в сражениях и казненных после поражения восстания крестьян - 40 или 70 тыс. [сводка данных: 489, с. 508]. Однако изучение документальных свидетельств о судьбах воинов армии Дожи, в частности о том, что часть их была отпущена домой, а часть пленных выкупалась феодалами, позволяет

усомниться в факте массовых казней участников восстания [365, с.217-218].

Дьёрдь Дожа и его брат были казнены, причем Дьёрдя подвергли особенно мучительной пытке (сожжение живьем на раскаленном троне, коронование раскаленной железной короной). Таковую казнь применяли обычно к воинам пограничных крепостей, оказавшимся изменниками. Казнь Дожи предположительно датируется 20 июля [сводка свидетельств источников: 365, с.215-216]. Нельзя не принять во внимание признание современниками силы духа, мужества крестьянского вождя [сводка известий: 365, с.216].

Динамику крестьянской войны более или менее определенно можно установить главным образом на основе свидетельств, характеризующих действия армии Дьёрдя Дожи. Известия источников о событиях в различных районах королевства, не связанных в основном непосредственно с историей этой армии, отражают лишь в самых общих чертах ход восстания или позволяют судить только о том, что сбор крестоносцев, а затем крестьянские волнения имели место в той или иной области. До сих пор я старался излагать их историю в связи с армией Дожи. По-ольку в действиях местных отрядов невозможно выделить отдельные этапы, я кратко резюмирую сведения о них на основе работы Габора Барты ! 365, с.107-119, 124-130, 146-191, 206-213, 314-315, 318-325].

После ухода армии Дожи из лагеря под Пештом там остался отряд численностью 5 тыс. человек. Судя по имеющимся данным, командование его придерживалось выжидательной тактики, хотя и имело возможность захватить Буду. Видимо, эту возможность отразил изложенный в одном из писем современника событий, но не подтвержденный ни одним другим источником слух о захвате города.

Совокупность сведений о ситуации в Буде и Пеште в начале июня убеждает в правомерности предположения о том, что тогда же феодалам удалось, не доведя дела до военного столкновения, убедить крестоносцев из-под Пешта разойтись по домам.

Источники зафиксировали наличие отрядов крестоносцев на севере Альфёльда и в южных отрогах Карпат: их командиры происходили из деревень Асало, Медьясо, Тольчва, Генц и местечка Шарошпатак. Вероятно из-за угрозы с их стороны было организовано войско дворянами кохитата Боршод и объединены военные силы дворян комитатов Хэвеш, Ноград, Пешт и Хонт. Предположительно

5-9 июня отряд священника Мартова разбил войско дворян около Эгера. Но затем дворянам удалось победить один из отрядов восставших у села Пасто на границе комитатов Нюград и Хевеш (между 10 и 16 июня). Примерно в этот же промежуток времени был разгромлен семитысячный крестьянский отряд в Дебрё, также под Эгером. Источники сохранили и упоминание о битве под Пешгом у Губача (между 21 и 25 июня). Видимо, здесь потерпел поражение отряд под командованием брата Дьёрдя Дожи - Гергея Дожи.

В середине июня в комитат Хэвеш прибыли два соединения восставших из Затисья. Видимо, в последнюю неделю июня в этом комитате феодалам удалось разбить их. О волнениях крестьян в комитатах Абауй, Земшлен и Шарош исследователи судят по известиям о сборе ополчения дворян и их бегстве под защиту городских стен.

Местные волнения происходили в отдельных деревнях комитатов Нитра, Сепеш, Унг, Берег, Угоча, Марамарош (на терр. совр. Словакии и Закарпатской обл. Украины). Здесь, на севере и северо-востоке королевства, граничили друг с другом этнические территории венгров, словаков, русин-украинцев, имелись зоны, заселенные смешанно всеми этими народами, а также влахами (старовосточнороманская общность) и немцами. Источники не содержат прямых указаний на этническую принадлежность участников местных волнений. Ответ на вопросы о том, влились ли в ряды восставших крестьяне - представители всех народностей или же локальные бунты были движением каких-то определенных этнических общностей, следует искать путем сопоставления данных об особенностях положения крестьян различных народов и о требованиях и стремлениях участников восстания.

Венгерское крестьянство северного Затисья - области Ньиршег, расположенной в комитатах Сабольч и Сатмар, образовало отряды, действовавшие самостоятельно. Известно, что во главе одного из них, воевавшего около Батора (Ньирбатора), стоял священник Матэ. Другой отряд осаждал замок Эрдед (рум. Ардуд).

Районом активных действий восставших крестьян с самого начала крестового похода стал восточный, граничивший с воеводством Трансильвании комитат Бихар, неоднократно упоминаемый выше. Сбор крестоносцев и их столкновения с феодалами происходили главным образом в равнинной западной и северо-западной частях комитата. Восставшие безуспешно осаждали замок Кёрёшсег (рум. Кересиг), овладели

сначала замком Секейхид (рум. Сэкуэни), а затем (предположительно в середине июня) местом пребывания епископа Варадом. Судя по некоторым косвенным данным, восставшие недолго владели Варадом (Орадя), видимо, уже в начале июля феодалам удалось вновь занять его. Восстание в Бихаре было подавлено к концу июля, когда крестьянское войско было разбито в битве при г. Бихаре (рум. Бихаря).

Гражданская и церковная администрации воеводства Трансильвании во главе с воеводой Яношем Запольяи, возглавлявшим, как отмечалось уже, "партию" феодалов королевства, боровшуюся с "партией" двора, к руководству которой принадлежал Тамаш Бакоц, постарались не допустить официального провозглашения буллы о крестовом походе в воеводстве. Затем воевода принял энергичные меры по организации дворянского ополчения, которое сыграло решающую роль в разгроме армии Дожи. Но огонь восстания проник и в само воеводство. Сюда совершали рейды отряды из армии Дожи и восставшие крестьяне из восточных комитатов. К ним обычно присоединялись местные крестьяне и горнорабочие. Так было в районах Кёрешбаньи и Абрудбаньи, Бестерце, Деша (рум. Деж), Тороцко (рум. Траскэу) и Торды (рум. Турда). Повстанцам удалось взять важный экономический и политический центр воеводства Трансильвании город Коложвар. В качестве основной их военной силы выступает прибывший из-под Варада отряд священника Лёринца. Не исключено, что их поддержала городская беднота этого города, населенного венграми и немцами. Лишь несколько дней восставшие удерживали город; 15 июля отряд Лёринца потерпел поражение в битве недалеко от него и ушел обратно в Бихар.

В литературе читатель может встретиться с утверждением, что крестьянское восстание 1514 г. оказало влияние на классовую борьбу в соседнем с королевством Вешприей Молдавском княжестве, граничившим непосредственно с воеводством Трансильванией. Однако это мнение основывается на неверном переводе известия славяноязычной летописи Молдавского княжества, согласно которому в 1514 г. некий Трефиль, выдавший себя за "царева сына", появился в этом княжестве: "вскочи из Загорския" [302, с.78]. Сторонники этой версии перевели выражение "из Загорския" как "из Трансильвании" [326, с. 124; 333, с.211]. В действительности в этом и в других известиях данной летописи [302, с.78, 79] термином "Загорские" обозначена

Валахия, а Трансильвания фигурирует под именем "Ардельской земли" [302, с.88]. Поэтому верен перевод этого известия, сделанный румынским ученым П.П.Папангеску [302, с.92], а критика в адрес этого ученого со стороны авторов, которые неверно перевели известие [333, с.211], не имеет оснований.

Восточные комитаты королевства Венгрия и воеводство Трансильвания, входившее в его состав, включали в себя этнические территории венгров (в том числе одной из их этнических групп - секеев), а также немцев и зоны смешанного расселения венгров, влахов и немцев. Источники не выделяют этнические группы, участвовавшие в восстании. На основе анализа совокупности их известий можно заключить, что основную массу восставших составляли венгерские крестьяне. Но в районах, населенных разными народами, нельзя исключать возможности присоединения к ним представителей других народностей, а в Трансильвании ими могли быть и вlahи. Высказанное в конце прошлого столетия мнение о том, что "румыны" составляли главную часть войска Дожи, основывалось на признании румынами ... секеев [532, с.125-153]. Это положение отвергнуто ныне даже теми историками, которые придерживаются положения об участии старовосточнороманской народности ("румын", по их терминологии) в крестьянской войне [473в, с. 254; 510, с. 122; 511; 512, с. 603; 513, 515; 516; 517; 377]. Однако приводимые ими доказательства состоят лишь из косвенных свидетельств. Я склонен поэтому присоединиться к мнению Габора Барты о том, что участие трансильванских влахов в ней "пока остается недоказуемой (хотя и кажущейся очевидной) гипотезой" [365, с. 268].

Крестовый поход перерос в крестьянскую войну и в южных комитатах королевства. К середине июня здесь уже действовали три значительные группы, имевшие свои лагеря. Наиболее крупным и активным был отряд во главе с Анталом Длинным (Надем). Изпод крепости Бач он продвинулся на юг и овладел наиболее важными крепостями комитата Серем (сербскохорв. Срем). К нему присоединились 400 наемников, направленных сюда королем в начале июня. Осаду замка Бач вели крестьяне под руководством Бенедек Погана. Третий отряд возглавлял серб по происхождению Радослав Надь. Видимо, на пути к войску Дожи им был взят замок Бечкерек (Надьбечкерек, Бечей). Двигался он по территории, находившейся под контролем восставших. Она охватывала область от впадения Дравы в Дунай до среднего течения Мароша.

Известно также о походе войск священника Борбаша из Серема (Срема) в комитат Бодрог, где он потерпел поражение у Хайсенглеррица (предположительно в начале июля). Несколько ранее эта же участь постигла отряд Бенедика Поганя около Держа, недалеко от замка Бач. Этими скудными данными и ограничиваются наши знания по истории отрядов Бенедика Поганя и Борбаша. Больше подробностей передают источники об отряде Антала Надя. Так, известно, что к нему присоединились жители значительного по своей экономической роли в этом районе местечка Каманца (Камонца; сербскохорв. Каменец). Местные феодалы призвали против восставших отряд из Нандорфехервара (Белграда), но в битве при Каманце приблизительно в середине июня Антал Надь одержал над ними победу. Затем, видимо, стремясь соединиться с войском Дожи или согласовать с ним свои действия, Антал Надь передвинулся к Перлеку, расположенному на левом берегу Тисы напротив Бече, который был одним из оплотов частей войска Дожи. Здесь отряд Надь подвергся нападению войска из Нандорфехервара (Белграда) с юга и королевского отряда во главе с Яношем Борнемиссой с севера. Восставшие были разгромлены, Надь взяли в плен, отправили сначала в Нандорфехервар, а затем в Буду, где он был четвергован. Сражение у Перлека предположительно датируется серединой июля. Некоторые известия авторов XVI в. о поражении восставших в южных комитатах королевства [о бегстве туда после темешварской битвы священника Лёрища, о действиях отряда некоего монаха Михаила, о битве у села Апати (Апатин)] признаются исследователями маловероятными.

Ко времени начала крестового похода в южных комитатах королевства сложилась специфическая этнодемографическая ситуация, в оценке которой единодушны современные венгерские и югославянские историки. В эти заселенные с X-XI вв. венграми области еще в первой половине XV в. началось переселение сербов, бежавших из областей, которым грозило османское завоевание. Во второй половине XV в. оно стало массовым, в то же время наблюдался уход части венгерского населения на север [322, с.443-446; 365, с.268]. Сербы составляли большинство в отрядах стоявшей на границах королевства легковооруженной конницы. Поэтому данный род войск называли по венгерскому этнику сербов "рацами". Под этим именем фигурируют также и воины, примкнувшие к отрядам восставших, и воины, участвовавшие в подавлении восстания в составе войск из Нандорфехервара. Так что

не вызывает сомнения участие части сербского населения южных комитатов королевства Венгрия (нынешняя Воеводина) в восстании венгерского крестьянства.

Отряд Антала Надя еще в начале мая покинул лагерь под Калочей. Но там, видимо, остались более мелкие группы, действия которых наблюдаются и на правом, и на левом берегу Дуная. Известно, в частности, о переходе на сторону восставших жителей местечка Тольна. Замок Апьвар в комитате Тольна был осажден большим количеством крестьян (не менее 7 тыс. человек), но магнату Ференцу Хедервари удалось заключить с ними соглашение, согласно которому крестьяне сложили оружие и разошлись по домам. Об опасности, которую чувствовали дворяне западного Задунавья, можно судить по тому факту, что дворяне комитатов Зала, Ваш и Шопрон поспешили объединиться для борьбы против крестоносцев. Волнения в Задунавье начались в июне-начале июля. На второй неделе июля борьба там обострилась: крестьяне нападали на владения пробства в Ханте, на севере комитата Веспрем. Во второй половине июля феодалам удалось разбить отряд Домонкопа Шоша, скрывавшийся в лесах между Веспремом и Секешфехерваром; так прекратил существование последний крупный отряд восставших.

В последних числах июля 1514 г. крестьянская война закончилась, хотя действия отдельных групп крестьян проявлялись до конца этого года (в комитатах Заграб, Темеш, в воеводстве Трансильвания).

Документальный материал позволяет подтвердить высказанный выше тезис о том, что дворянство не пыталось отомстить крестьянам массовыми казнями. 18 августа 1514 г. король признавал в одной из грамот, что полное истребление восставших или их "окончательное угнетение" "нанесли бы ущерб как землевладельцам, так и всему королевству" [174, с.196, N 164]. Землевладельцы в течение длительного времени после восстания старались взыскать с сел и деревень "компенсацию" за ущерб, причиненный бунтовщиками [сводка данных: 365, с.231-257].

Собравшееся 18 октября - 19 ноября Государственное собрание приняло закон, утвержденный 19 ноября королем, который определил наказание предводителей и "злодеев", а также способы возмещения ущерба: здесь фигурировало лишение всех крестьян права быть отпущенными и выведенными из имений [174, с.262, N 202]. Государственному собранию было предоставлено

составленное идеологом "дворянской партии" магнатов Иштваном Вербёци уложение "Трипартиум" - обобщение действовавших к тому времени в королевстве правовых норм. Оно, как и закон, отразило результаты закрепощения крестьянства - длительного процесса, прослеживаемого с середины XV в. Поражение крестьянского восстания 1514 г. в известной степени ускорило кодификацию этих норм.

Таковы основные события крестьянской войны 1514 г., воссоздаваемые на основе современных событиям документов. Их сравнительное изучение помогает точнее оценить степень достоверности и тех сведений, которые сообщают авторы литературных и исторических сочинений XVI-XVII вв., и, как выявляет анализ, в большинстве случаев эти сведения оказываются недостоверными.

3. Духовная сторона движения

Но эти сочинения являются источниками, отразившими духовную сторону истории крестьянской войны. При этом не может быть и речи об идеологии крестьянской войны, поскольку под идеологией наука понимает "систему взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг другу, социальные проблемы и конфликты, а также содержат цели (программы) социальной деятельности, направленной на закрепление и изменение (развитие) данных общественных отношений. В классовом обществе идеология всегда носит классовый характер, отражая положение данного класса, классовые интересы" [330, с. 39], систему взглядов и идей: политических, правовых, нравственных, эстетических, религиозных, философских. Важно учесть, что "признание классowego характера идеологии не может означать, что класс в целом творит свою идеологию. Как теоретически разработанное сознание класса идеология создается теми его представителями, идеологами, которые, по выражению Маркса, теоретически приходят к тем же выводам, к которым класс в целом приходит практически. Из условий жизни класса

возникает не идеология, а общественная психология данного класса, создающая определенную почву для распространения и усвоения его идеологии" [с. 40].

Все это полностью относится и к крестьянству средних веков. Следует иметь в виду, что крестьяне в эпоху феодализма уже в силу своего задавленного, приниженного положения, прикрепления к личности помещика не могли видеть сущности тогдашних порядков и путей их ликвидации. В эпоху социальных взрывов выплескивалась их ненависть к господам. Но она выражалась в стихийных действиях, а не в формулировании взглядов. Эмоции же - подсознательное выражение массовой психологии. Так что для воссоздания истории крестьянской войны в возможно более полном объеме представляется необходимым выяснить основные черты социальной психологии как массы восставших, так и отдельных их представителей. По мнению части специалистов-психологов общественная (социальная) психология - это особый слой общественного сознания, связанный главным образом с непосредственным социальным опытом индивида или группы [329, с.78]. Поскольку же социальная психология (при социологическом подходе к изучению сознания) является одной из форм, совокупность которых составляет духовную жизнь общества (т.е. сознания в его социологическом понимании) [338, с.43], то задача выявления социальной психологии участников крестьянской войны и является, в общем, задачей воссоздания духовной стороны этого восстания. В нашем случае это цель установления основных черт общественного обыденного сознания, так как в общности восставших практически отсутствовали другие формы этого сознания (наука, философия, искусство).

Для классификации информации источников, отразивших социальную психологию участников войны как особого слоя их общественного сознания, важно учитывать прежде всего, что, «когда имеют в виду общественное сознание, то отвлекаются от всего индивидуального, личного и берут взгляды, идеи, характерные для данного общества в целом или для определенной социальной группы. Подобно тому как общество не есть "сумма" составляющих его людей, так и общественное сознание есть не "сумма" сознаний отдельных личностей, а качественно особая духовная система, которая живет своей относительно самостоятельной жизнью и оказывает влияние на каждого человека, заставляет его считаться с исторически сложившимися нормами общественного сознания как с

чем-то реальным, хотя и нематериальным>> [338, с. 48]. Следовательно, по социальной психологии личностей нельзя судить об этом слое общественного сознания всей совокупности восставших и распространять на него данные, содержащиеся в свидетельствах о самовыражении отдельных личностей и в сведениях, характеризующих сами эти личности. Такого рода информацию я выделяю в отдельную категорию. Вторую категорию составляют известия о социальной психологии массы восставших. Все интересующие меня свидетельства рассмотрены в той или иной степени в работах, авторы которых априорно считают их отражением отдельных черт идеологии восставших [562; 581; с.601-667; 365, с.271-287].

Такой характер источников диктует необходимость рассмотрения в первую очередь данных о социальной психологии (как слоя общественного сознания) массы восставших. Содержатся они в памятниках историографии и литературы авторов XVI в. Таурина, Туберо и Брута, в сочинениях которых применен один и тот же литературный прием - собственные мнения об основных чертах социальной психологии восставших венгерских крестьян (о восприятии, оценке восставшими своего положения; об их чаяниях и поставленных целях) эти три автора изложили в форме "речи Дожи". При ее изучении следует иметь в виду, что Дожа в данных сочинениях выступает как не реальное лицо, а литературный герой. В действительности, конечно, речи он не произносил, и вообще никто из восставших не формулировал положений о причинах и целях движения - это сделали авторы XVI в. на основе осмысления общей картины движения и положения венгерского крестьянства в то время. При этом они с полным основанием предполагали, что и ко времени восстания существовали факторы, делавшие условия жизни крестьян невыносимыми и вызывавшие ту ненависть их к господам, которую эти авторы наблюдали в свое время. Таким образом, можно сказать, что требования, вложенные ими в уста Дожи, были на самом деле соображениями самих историков об устремлениях восставшего крестьянства; но соображениями, основанными на наблюдении результатов того процесса, который вызвал восстание. Поэтому их можно считать адекватным выражением действительных чаяний восставших, среди которых основными были уничтожение крепостной зависимости ("рабства"), неограниченной власти землевладельцев ("преступлений дворян") и

связанной с ними тяжести повинностей (денежной ренты и отработок).

Исходным моментом "речи" Дожи является указание на бедственное положение, в котором находилось крестьянство королевства Венгрия. Таурин передает это место "речи" крестьянского вождя следующим образом: "Алчные дворяне стремятся словами и делами обмануть своих бедных крепостных. Скорее сосчитаешь цветы летом, плоды урожая осенью, тучи зимой, звезды на ясном небе и песок в Ливии, чем преступление дворян. К этому прибавляется то, что мы поставлены в положение более тяжелое, чем рабы, и страдаем, изнуренные подьяремным трудом" [7: 131; ср.: 175, с. 53].

В этом отрывке находим указание на два фактора, делавших жизнь крепостного крестьянина особенно невыносимой: это, во-первых, произвол феодалов (преступление дворян), в чем находят выражение невыносимость личной зависимости крепостного крестьянина, и, во-вторых, связанная с этим тяжесть повинностей. Бросается в глаза выдвигание на первый план барщины (подьяремного труда) как основного зла.

У Туберо данное место из "речи" Дожи находим в более подробной редакции, где эти общие положения развиваются, создавая конкретное представление о положении крепостного крестьянина перед восстанием: "Нет более тяжелого преступления для человека, чем то преступление, когда люди, злоупотребляя собственной властью, держат в суровом и жестоком рабстве людей своего народа. Одинакова ведь судьба как тех, кто продан за деньги, так и тех, кто захвачен на войне; и те и другие являются рабами и принуждаются к выполнению повинностей раба, хотя и называются по-разному. Венгерское дворянство рассматривает вас, его крепостных, не как своих соотечественников, а владеет вами, как своей собственностью, обращаясь с вами как с врагами, по законам войны. Хорошо еще, что оно считает вас достойными солнечного света, которым пользуются одинаково и люди и скот. Все остальное, что у вас должно быть общим с дворянством, оно присвоило незаконным образом себе. Эти высокомерные люди не оставили бы вам и бедных душ ваших, если бы не могли извлекать выгоду из самого вашего существования. Ибо все, что приносят поля, обработанные вашим трудом и усердием, все, что дает ваш скот, - все это достается дворянству в качестве добычи. Для них возделывается земля, для них обрабатываются виноградники, для

них вскармливается различный скот, вам же вместе с рабством достается еще нужда, нехватка многих вещей. Тяжелее всего переносить такое положение, когда те, кто создают богатства, больше всего чувствуют нужду, - настолько неисчерпаема алчность дворянства. Никто в Венгрии не сомневается в том, о чем я говорю, вы все это знаете, убеждаясь ежедневно в своей беде. Что бы ни делал дворянин, будь это большое или малое дело, оно не обходится без нашего труда и расходов: если дворянин строит дом, если он женится, если он выдает дочь замуж, если он принимает гостя, если он родится, если он умирает, если он едет к королю по своим делам - он облагает повинностями вас. Что бы он ни делал, ничто не обходится без ущерба для вас. Неужели во всем этом есть что-либо от человеческого рассудка? Что бы ни случилось с дворянином, удача или несчастье, для вас то и другое приносит беду. Если дворяне справляют праздник, то вам они приносят печаль, требуя взноса денег, которыми они оплачивают свою роскошь. Если они сами в трауре, хороня своих близких, то похороны совершаются за ваш счет и у вас вызывают неподдельные слезы. Эти преступники не проявляют ни щедрости, ни великодушия, ни доблести без того, чтобы не подвергнуть вас опасности. Стремясь получить как можно больше денег, до которых все смертные очень жадны, они грабят вас, чтобы наполнить сундуки отнятым у вас добром; они хвалят тех из своей среды, кто более всего угнетает своих крепостных" [33: 283,с.331; ср.: 175, с.56-57].

Подчеркивая, прежде всего тяжесть крепостной зависимости, которую он именуется "рабством", автор устами Дожи говорит о стремлении господ получить как можно больше денег с крестьян. Сопоставление этого свидетельства с данными рассмотренных мною памятников, отразивших ту же тенденцию, а также с фактом узости внутреннего рынка позволяет понять причины крестьянской войны. Она была вызвана в основном требованиями дворянами денег, которых крестьянину неоткуда было взять ввиду невозможности реализовать продукты своего труда на рынке. Это место "речи" крестьянского вождя также свидетельствует о тяжести крепостной зависимости. Именно против нее, требований денег, против неограниченной власти помещика над его крепостными направляют свои главные удары восставшие крестьяне.

Далее перечисляются те повинности, которые принужден выполнять в королевстве крепостной крестьянин. Здесь на первом месте стоит барщина (обработка полей и виноградников), а затем различные денежные платежи. Автор показывает, что основой жестокой эксплуатации крепостных являлось стремление феодалов получить как можно больше денег.

Итак, крепостное состояние и связанная с ним непосильная ноша повинностей, прежде всего денежных, - вот те два зла, против которых в первую очередь направлены удары восставших крестьян.

Посмотрим теперь, какую положительную программу выдвигают повстанцы, каковы их конкретные предложения о ликвидации этих зол. В качестве основного общего требования выдвигается установление равенства "... мы полагаем, говорит Дожа в сочинениях Тауринна и Туберо, что не должно быть никаких господ" [7: 131, с. 18]. "Нет ничего более противного Богу, создателю и господину всего сущего, чем деспотическое господство одних людей над другими людьми" [33: 283, с.331].

Требование равенства (под которым, как увидим далее, автор подразумевал равенство имущественное) связано с необходимостью силой уничтожить дворянство. В "речи" мы встречаемся с аргументацией в виде ссылок на наличие равенства со времени "сотворения мира". Вот как обосновывает это Дожа в изложении Тауринна: "Вы знаете, насколько преступно отродье дворян, радующихся ложному титулу старших. Ибо не герб, полученный от предков, а славная доблесть делает благородным, и чванливая власть не соединяется с доблестью. Ясна и мудра истина: кто хочет быть благочестивым, тот должен покинуть дворцы, жить в бедности, лишившись яростной зависти, и в таком состоянии обращать свои взоры лишь к звездному небу. В древности, когда грубый хаос лежал бесформенной массой под безобразным небом без ясного света, когда по воле Бога все приняло устойчивость и свои формы, сразу же после того, как творец создал Адама, а из его ребра - его супругу Еву, кто тогда был императором? Кто был королем? Кем были тогда рыцари-дворяне? Кем были знатные? Кем были магнаты? Если у всех у нас один отец, то мы полагаем, что не должно быть никаких господ"[7:131, с.18].

Продолжая обосновывать требование установления равенства, Тауринн устами Дожи ссылается на примеры из античной истории. "Наковец, римляне, говорит он, которым повиновался

огромный мир, были богатыми патрициями, но прославились в веках своей умеренностью" [7: 131, с.20].

В "речи", помещенной в хронике Губеро, Дожа обосновывает необходимость уничтожения рабства (так он называет крепостное состояние крестьян) и установления равенства ссылками на Священное писание. Он говорит: "Сыны Венгрии! Сказано в Священном писании, что господь Бог сжалился некогда над евреями, находившимися под игом ужасного рабства, и не только вырвал этот народ, из которого он решил создать свое государство, из-под власти египетского тирана и освободил его от тяжелого бремени, не только даровал ему свободу, но и сделал его победителем над соседями и господином над его врагами. И справедливо поступил, ибо нет ничего более противного Богу, создателю и господину всего сущего, чем деспотическая власть одних людей над другими людьми, ибо рабство создано не природой, но несправедливостью судьбы и человеческой жадностью...".

В этой же редакции мы находим ссылку на те времена, когда в венгерском обществе не было имущественного неравенства, не было классов: "Разве затем привел вас с далеких гор севера Аттила, знаменитый король и покоритель Европы, чтобы вы были игрушкой в руках немногих гордецов? Чтобы от вашего рабства и от вашего тяжелого труда другие люди получали богатства и благородство? Чтобы преступнейшим из ваших соотечественников досталась бы гражданская, военная и духовная власть? А вам же не осталось бы и надежды на свободу, не говоря уже о почетных должностях!" [33: 283, с.331-332]. Отметив прежде всего, что предводитель гуннов Аттила никакого отношения к венграм-кочевникам не имел, укажем, что ссылка на времена первобытно-общинного строя служит одной цели - обосновать необходимость уничтожения крепостной зависимости и дворянства и установления равенства между людьми.

Важное место в аргументации автора "речи Дожи" занимает ссылка на излишества дворян, которые противопоставляются идеалам времен "сотворения мира" и Римской республики, где, по мнению автора, господствовали отношения равенства. Указав, что римские патриции сами занимались земледелием, литературный герой продолжает: "А несчастное дворянское отродье безудержно расточает деньги или старается получить выгоду от жертв другого, или свой ущерб возмещает гибелью ближнего. Дворяне холят свое тело, умащая его благовониями и мирром и, подобно девушкам,

скрепляют свои пурпурные одежды золотыми застежками... Они расточают в пирах богатство, собранное их предками, не довольствуясь малым в роскоши. За одну ночь они расточают в пирах собранное в течение длительного времени на суше и на море богатство. Они не пьют чистую воду. Они пьют чужеземные вина из драгоценных кубков; их обед и закуску составляют редкие кушанья, привезенные из-за моря. Для них важно умение обращаться с кушаньями, уметь резать пищу красивыми движениями, на особых столиках, маленькими ножами. Они считают добродетелью бездельничать в королевском дворце, а болтовню - остроумием. Они безудержно болтают о своих преступлениях, о которых простонародье говорит на перекрестках дорог. Для них нет ни божьего, ни людского закона, они продают за деньги правосудие и справедливость, считая правым того, кто больше заплатит. Они ничего не стыдятся, имея в своих руках власть; они привыкли делать все, как им угодно, оправдывая все свои дурные поступки. Они воздают хвалу доблести, восхищаются ею, как дети павлином, а в действительности только кажется, что они добрые, так как им не стыдно опозорить не честную вдову, ни целомудренную девушку, ни обесчестить невесту, ни совершить насилие над брачными узами; на все это их толкает позорная похоть. Они многое общают, но никогда не хотят добровольно выполнять обещания" [7: 131, с.18-19].

Характерно обоснование необходимости выступления против дворянства "божьей волей". Герой призывал собравшихся в крестовые отряды крестьян: "Так следуйте же за Богом, за творцом вашей свободы, который, сковав ваших врагов, собрал нас в одно место и дал нам в руки оружие. Ведь вы собрались, вооруженные, без сопротивления со стороны дворян - по воле Бога" [33: 283, с. 332].

Основной психологической установкой крестьянства было стремление установления равенства. Источники позволяют проследить, какое содержание вкладывали руководители восстания в это общее положение, какие конкретные шаги они думали предпринять для его осуществления.

Считая основным злом крепостное состояние крестьянства ("рабство") и тяжесть феодальных повинностей, Дожа, по словам Таурина, выдвигал на первый план при изложении своей положительной программы уничтожение крепостничества ("рабства") и установление свободы. Мысль о свободе, противопоставляемой

крепостному состоянию, красной нитью проходит в уставовках восставших. "Нам нужно повсюду уничтожить повелителей и пользоваться свободой; мы должны уничтожить старые привилегии и новые права дворян" [7: 131, с.20]. "Не смогут жить в роскоши эти злодеи (дворяне), если у вас окажется достаточно мужества сбросить иго рабства... Не упускайте случая восстановить свою свободу..." [33: 283, с.332]. Брут, говоря о речах "возмутителей" в самом начале восстания, отмечает, что "они возбуждали в угнетенных надежду па восстановление свободы". "Они думали не только о завоевании свободы, но и о мести своим угнетателям (людям, лишившим их свободы)" [16: 146, т. 1, с.279, 280]. Это свидетельство повторяется несколько раз [с.296, 307, 315, 370]. Эту цель восставших ясно видели и их враги. Король в письме к папе от 3 июля 1514 г. пишет о том, что целью восставших крестьян является "выйти из рабства на свободу" [174, с.142, N 104: ср.: 175, с.26, N 34]. Бетин 15 июня 1514 г. писал, что крестьяне хотят уничтожить "иго" и провозгласить, завоевать "свободу" [174, с.114, N 72; ср.: 175, с.20, N 22]. Непременным условием восстановления свободы и ликвидации крепостничества руководители восстания считали, как уже сказано, уничтожение дворянства. Истребление дворян вооруженной силой - вот тот шаг, который должны были сделать восставшие, если они хотели освободиться от крепостничества,- к этому и призывал герой поэмы Таурина, указывая, что только вооруженная борьба является единственно верным путем к достижению свободы, что только своей смертью дворяне могут заплатить за все то горе, которое они причинили крепостным.

Он говорил "Сейчас, когда пришел удобный момент, сбросьте иго тиранов! Ведь так повелевает справедливость, давая нам право восстать против них. Нужно повсюду уничтожить повелителей и пользоваться свободой. Мы должны уничтожить старые привилегии и новые права дворян! Слушайте внимательно мои полезные указания... Когда вам представится случай, пусть ваше сердце не дрогнет, если вы даже увидите в стане противника своих родителей или братьев. Сейчас не надо думать ни о чем, кроме своей судьбы, чтобы снова не впасть в порабощение. Думайте о себе, и победа будет обеспечена!... Сейчас нужно думать о будущем. Писатели напишут о наших деяниях книги, которые наши потомки сохранят в веках. И уж если позволено доверять бумаге сочинения поэтов, то верьте мне, останется память и о моей войне. Пусть они

(дворяне) расплатятся за все и никто из них не уйдет от смерти! Нападайте с яростью на знатных, и пусть никто из них не уйдет" [7: 131, с.20, 65; ср.: 175, с.53].

Говоря о борьбе с дворянством, герой подчеркивал необходимость доведения ее до конца, до полного его истребления. Только при таком условии, указывал он, можно завоевать свободу. Он призывал крестьян отбросить страх и сомнения - только смелость и решительность могут обеспечить победу: "Итак, пока враги скованы страхом, нападайте на них, убивая всех и обращая в бегство!... Научите этих высокомерных извергов жить одинаково со своими крепостными и горожанами, чтобы не господствовали они с невыносимой спесью и необузданным деспотизмом. Не упускайте возможность восстановить свою свободу: удобный случай больше не представится, если вы немедленно не выгустите с оружием в руках. Благоразумно будет... с теми, кто добровольно явился сюда, исполнить это намерение. Поэтому будьте осторожны, чтобы не прогневать Бога, упустив эту возможность. Пусть никакой безрассудный страх не уменьшит нашей смелости, пусть не обманывает вас тщетная надежда на то, что вы сможете получить помилование. Не надейтесь на то, что если вы раскаетесь, враг окажется милостивей. Если ваши намерения и создание войска окажутся напрасными, то вы будете обмануты в расчете на помилование. Дворянство оценит то, что вы долго в душе носили это намерение и по божьему внушению создали этот заговор, и вы понесете наказание в равной степени, если вы будете только вынашивать замыслы... Поэтому нельзя останавливаться на полпути: нужно уничтожить дворянство, иначе вы должны будете своей кровью и вечным суровым рабством искупать вину перед надменными врагами. Вы не смогли терпеть деспотизм дворянства, когда были ни в чем не виноваты и исполняли свои повинности, по-умайте, сможете ли вы его терпеть после того, как провинились, если можно назвать виновными тех, кто требует возвращения своей свободы и прав" [33: 283, с.332]. Добавим, что Куспиниан, говоря о замыслах восставших, так же указывает, что "их намерением было уничтожить дворянство всего королевства ..." [29: 288, с.281; ср.: 175, с.37, N 61].

Требование ликвидации дворянства, как можно было убедиться при рассмотрении хода восстания, осуществлялось крестьянами в ходе их революционной борьбы. Излагая свою программу, руководители восстания не ограничивались указанием на

необходимость уничтожения дворян. Некоторые из них шли дальше и требовали в своих выступлениях, кроме этого, также упразднения и сословных различий, раздела имущества (доходов) высшего духовенства, а также раздела земли между крестьянами. Вот что говорит Брут о проповедях Лёринца и Мартона: "Их советы сводились к тому, чтобы, уничтожив огнем и мечом дворянство в королевстве Венгрии, установить единое сословие равных между собой людей, по обычаю почти такому же, какой существует у народов, живущих от Трансильвании до Черного моря. Нужно уничтожить коллегия прелатов (епископов), которая всегда имела по обычаям и установлениям предков наибольшее влияние в королевском совете, оставив лишь одного епископа, который имел бы лишь духовную власть, решал бы только церковные дела. Доходы же священников нужно разделить между теми, кто более всего отличился в этой войне". Здесь речь идет об упразднении епископства (установление дешевой церкви - требование бюргерской среды) и о разделе доходов духовенства (очевидно, высшего) между наиболее отличившимися "в этой войне". Можно предполагать, что ими являются представители низшего духовенства, от кого и исходит это требование. Если эти руководители восстания ограничивались требованием раздела доходов священников, то были среди крестьянских вожаков и более решительные люди, которые провозглашали необходимость раздела земли между крестьянами, выступая таким образом против основы феодализма - феодальной собственности на землю. О наличии таких требований в восстании 1514 г. свидетельствует Брут. С началом восстания, говорит он, крестьяне уже не думали о награде за крестовый поход, а "...предсказывали себе... славу свободы и внутренней войны, освобождение от налогов, приобретения из имений магнатов, раздел земель, богатую добычу и все в этом роде, что обычно предвещают народу во время внутренних раздоров для возбуждения его усердия" [16: 146, т. 1, с. 307-308]. В другом месте, ссылаясь на Куспиннапа, Брут утверждает, что намерением восставших было уничтожение дворянства и раздел его земельных владений по душам, поголовно [с.385].

Социальная психология восставших отразилась и в документах, составленных во время восстания и вскоре после него. Но это отражение неоднозначно: при изучении документального материала с целью воссоздания основных моментов общественного сознания следует учитывать характер документов, цели их составления, их время

и обстоятельства. Важно иметь в виду, единичное или массовое явление отражает документ, т.е. огуразилась ли в нем психология, установки личности или массы восставших. Естественно, что первые нельзя безоговорочно считать проявлением общественного сознания. В этом исследователь убеждается практически, встречаясь со свидетельствами о поведении, взглядах, устремлениях отдельных групп или личностей, обнаруживающими иногда диаметрально противоположные подходы к решению одних и тех же поставленных ходом событий вопросов. Начну с наиболее наглядного примера. Вся масса источников говорит об участии в восстании общности крестьян. Но известны два пассажа о борьбе названных поименно крестьян на стороне дворян [30 нояб. 1514 г.: 174, с.292-293, N 212; с.496-497, N 378]. Ясно, однако, что на основе этого нельзя делать заключения об ориентации всего крестьянства.

Отмечу свидетельства единичного характера, необоснованно используемые историками в качестве доказательства отдельных моментов общественного сознания восставших крестьян. Они содержатся прежде всего в документах, созданных в среде крестоносцев и восставших крестьян. Представление предводителей крестоносных отрядов - анонима и Ференца Баго о "желании всего королевства (страны)", папы и архиепископа Бакоца, по которому собрались крестоносцы, несомненно, характерны для двух выразителей этих идей. Эти единичные свидетельства не могут говорить о воззрениях всех крестоносцев, о чем пишут Дьёрдь Секей, Енё Сюч и Габор Барта [562, с.475; 581, с.639; 365, с. 283]. Понятие "королевства" ("страны") как совокупности слоев и представителей господствующего класса, против которых восстали крестьяне,- характерная черта феодальной идеологии, а не социальной психологии крестьян [около 25 апр., 3 июня 1514 г.: 174, с. 67, N 24; с. 98, N 55].

Вне рамок проблематики общественного сознания восставших крестьян находятся единичные свидетельства о покупке крестоносцами продовольствия [май 1514 г., 29 июня, перед 25 мая 1514 г.: с. 95, N 49; с.137, N 97; с.318, N 227]. Наряду с этим имеется ряд известий об ограблении жителей (не землевладельцев) отдельных имений восставшими [25 авг. 1514 г., 17 авг. 1517 г., 2 сент. 1514 г.: с. 206-207, N 178; с.434, N 327; с.224, N 185]. Ясно, что единой для всей массы восставших установки относительно снабжения своих отрядов и отношения к имуществу обывателей не было.

Использование Дьёрдем Секеем одних лишь данных о покупке в отдельных случаях продовольствия для далеко идущих выводов об одной из составных "идеологии" восстания 1514 г. мне представляется неправомерным [562, с.483].

Едва ли можно делать и заключение о "растерянности" масс крестьян во время перерастания крестового похода в восстание (это наблюдение о характере массового сознания) на основе отрывочных сведений, например, о бегстве крестьян из армии Дожи, о вступлении одного из крестьян в войско без желания [174, с. 103, N 60; с.481, N366; ср.: 365, с.285].

Более всего выводов общего характера (об "идеологии", а фактически относительно социальной психологии, общественного сознания восставших крестьян) историки делают на основе текста приказа Дожи [174, с.121-122, N 79], составленного предположительно перед 21 июня 1514 г. [562, с.487, 488, 489, 490, 502, 503; 581, с.645-661; 365, с. 283, 284]. В его изучении венгерскими историками достигнуты большие успехи, суть которых состоит в сопоставлении отдельных положений данного ценного памятника со свидетельствами других документов. Но при рассмотрении последних выясняется, что сведения о призывах Дожи, выраженных в его приказе, сопоставляются с известиями о явлениях единичных [май 1514 г., 3 июня 1514 г., 16 июня 1514 г., 11 и 25 авг., около 25 авг. 1514 г., 13-30 нояб. 1514 г., перед 25 мая 1514 г., 15 мая 1515 г., 1 июля 1520 г.: 174, с.95, N 49; с.98, N 55; с.116-117, N 73; с.193, N 160; с.211, N 179; с.213-220, N 180; с.243, N 200; с.319, N 227; с.339, N 243; с. 507, N 385]. Естественно, что невозможно признать обоснованным вывод о том, будто рассматриваемый приказ Дожи является программой и идеологией полного развертывания крестьянской войны, "обобщением сформировавшейся идеологии крестьянской войны"[581, с.624, 674](воспроизведение этих выводов без дополнительного обоснования: [365, с.285; 557, с. 150]). Но информацию о некоторых сторонах социальной психологии личности (Дожи) или отдельных групп восставших, почерпнутую из приказа, можно использовать для проверки достоверности свидетельств о явлениях массового характера.

Отдельные их категории составляют данные об отношении восставших к дворянству, феодалам вообще. К ним относится фиксация конкретных случаев присвоения восставшими имущества отдельных феодалов, разгрома имений. В двух документах отражены угроза опустошения имений и предположение о

возможности таких акций [май 1514 г, 7 июня 1514 г.: 174, с. 96, N 50; с. 103, N 60], речь идет о владениях феодалов, действовавших против крестьянских отрядов. Зафиксированы также случаи угона скота одного из дворян и другие подобные факты как характерное для одной из областей севера королевства явление [1 и 25 июня 1514 г.: с.98, N 54; с.137, N 97]. О распространенности угона скота восставшими можно судить по случаю, когда власти проявили подозрительность по отношению к владельцам партий скота - не узнали ли он во время восстания [1 авг. 1514 г.: с. 183, N 152]. Составленные в основном после подавления восстания 18 документов с различной степенью подробности отразили случаи нанесения ущерба поименованным в этих актах землевладельцам: перед 9 июля 1514 г. [разграбление серемской церкви: с. 153, N 114]; от 22 августа 1514 г.[опись похищенной домашней утвари: с. 201-202, N 173]; от 25 августа 1514 г. [опись взятого зерна и сева: с.207, N 178];от около 25 августа 1514 г.[разграбление замка Липпы при сохранении богатого местечка: с. 219, N 180]; от 4 октября 1514 г. [утрата имущества и владельческих документов Яношем Банффи: с. 234, N 194]; от 4 декабря 1514 г. [взятие восставшими замка Валко, похищенные ими документов: с.294, N 213]; от 4 декабря 1514 г. [утрата имущества и документов Иштваном Томори: с. 295, N 214]; после 25 мая 1514 г. [разгром и сожжение дома дворянина в 5 милях от Буды: с. 316, N 227]; от 22 февраля 1515 г. [отняты деньги у поименованного землевладельца: с. 328, N 235]; от 5 марта 1515 г. [ущерб феодалу Яношу Драгфи от жителей города Родны в 28 флоринов: с. 329, N 236];от 27 марта 1515 г. [разграбление дома и (хозяйственного) двора, раздел имущества и уничтожение документов восставшими: с. 331, N 239]; от 14 мая 1515 г. [разграбление и раздел имущества феодалов, бежавших в Коложвар в страхе перед восстанием при сохранении имущества горожан: с.335, N 242]; от 25 ноября 1515 г. [получение предводителем местного отряда восставших в Араде 300 флоринов у капитула в качестве выкупа: с. 374, N 272]; от 5 марта 1516 г. [разрушение дома и повреждение замка Габора Перенья: с.388, N 288]; от 12 ноября 1516 г. [опись и оценка изъятого восставшими продовольствия и имущества двух феодалов: с.418-419, N 308]; перед 15 марта и 15 марта 1514 г. [перечень и оценка ущерба, причиненного крестьянами Ференца Варцаи 35 дворянам: с.429-432, N 323, 324]; от 1 июля 1520 г. [осада замка Моноштор его крестьянами, нанесение ущерба в 1 тыс. флоринов: с. 507, N 385]; от 23 марта 1526 г. [разграбление и

сожжение дома и (хозяйственного) двора в местечке Батмоноштор: с. 537, N 410].

Данная категория обширна, но составляющие ее известия ввиду их многочисленности убеждают лишь в том, что описанные в них случаи присвоения имущества и разгрома имений были частыми. Ввиду единичности каждого из фактов нельзя принимать их совокупность за аргумент в пользу заключения о всеобщности этого явления. Это ясно также при сопоставлении данной категории свидетельств с другой, включающей в себя известия об уничтожении и похищении восставшими владельческих документов. Таких известий я насчитал 19. И лишь 5 из них отразили случаи, когда уничтожение или похищение владельческих документов произошло в ходе разграбления имущества феодалов [404, с.234, N 194; с.294, N 213; с.295, N 214; с. 331, N 239; с. 47, N 340 : разграбление и убийство землевладельца]. В 15 других свидетельствах говорится только о похищении и уничтожении документов [с.285, N 204; с.289, N 209, с.363, N 257; с.367, N 265; с.378, N 275; с.400, N 295; с.403, N 298; с.409, N 303; с.410, N 304; с.415 N 306; с.467, N 358; с.536, N 409; с. 539, N 413; с.530, N 403; с. 542, N 416].

Таким образом, социально-психологические устремления различных групп действовавших против дворян крестьян были различными: одни стремились к присвоению имущества феодалов, другие ограничивались ликвидацией их владельческих документов, не посягая на само имущество. Впрочем следует иметь в виду, что какая-то часть свидетельств об уничтожении документов, исходящая от землевладельцев, недостоверна, поскольку вызвана была их стремлением получить новые документы, расширяющие привилегии феодалов [один такой случай: 365, с. 282].

Документы отразили и неодинаковое отношение различных групп восставших к личностям феодалов. Известны имена феодалов, убитых в начале крестьянской войны (епископ Миклош Чаки, землевладельцы Петер Равазди, Андраш Оррош, Дьёрдь Доци, Миклош Торпальяи, некий Лукаш) и несколько позже (Иштван Телегди, братья Зойоми) [365, с.85, 86, 111, 190-191]. Из данных общего характера следует выделить зафиксированную в книге формулу Миклоша Олаха формулу королевской грамоты относительно наследования имущества дворян, убитых во время восстания и не оставивших мужчину-наследника [174, с.322, N 228]. Ясно, что изготовление образца грамоты было вызвано тем, что обращение за решением вопроса было достаточно частым. Закон

1514 г.(ст.8, 9, 35) предусматривал выплату выкупа (вергельда, оммажа, "хомагиума") за убитых дворян [с.257-258, 267, N 202]. Восстанавливаются отдельные случаи убийства дворян по свидетельствам документов: убийство 22-х дворян 19 мая [перед 25 мая: 404, с. 316, N 222]; посажены на кол каноники серемского (сремского) капитула [перед 9 июля 1514 г.: с. 152, N 114]; убийство дворянина 27 окт. 1514 г. [с. 369, N 268]; 5 нояб. 1516 г. [с.411,, N 305-341]; убийство двух дворян 15 и 16 марта 1517 г. [с.429-432, N 323,324]; убийство дворянина после пыток [31 мая 1519 г.: с. 462,N 352; 22 декабря 1524 г.: с. 530, N 430].

Но это скорее набор частных случаев, не позволяющий судить о всеобщем принципе убийства дворян. К тому же этот перечень имеет антитезу - ряд свидетельств об оставлении в живых восставшими дворян, захваченных в плен. Так, магнат Явош Сакойи, сдавший замок мятежникам, в течение двух недель находился в лагере Дожи [выводы на основе грам. от 13 и после 15 июля 1514 г.: 174, с. 158-160, N 121; с.165-168, N 126; 733, с.141-145]. Была сохранена жизнь Кюнишу и Прантнеру (капеллану и вице-кастеллану), открывшим ворота замка Шоймош войску Дьёрдя Дожи. После четырехдневного пребывания в плену их освободили по приказу предводителя [с.208-221, N 179-181; 365, с.101,-106]. Остался в живых также управляющий именем Задорлак, впустивший восставших в усадьбу магната Ференца Доци [15 сент. 1515 г.: 404, с.362, N 257]. Статья 33 закона 1514 г. освобождала от наказания дворян, которые, чтобы не быть убитыми, примкнули к восставшим, но вскоре бежали от них [с.267, N 202]. Судя по первым двум фактам, различные подходы крестьян к судьбе дворян проявлялись в одном и том же контингенте - армии Дьёрдя Дожи. Определенный свет на мотивы поведения восставших проливает сообщение об обещании дворянина, что если его убьют, то он в течение трех дней возьмет осаждаемый восставшими замок, и будет жить, как крестьянин [15 мая 1515 г.: с. 339, N 243; 960, с.493; 978, с.660].

Каждый из рассмотренных эпизодов говорит об отдельных случаях, в которых проявились социально-психологические установки, элементы сознания отдельных личностей или (главным образом) групп восставших. Ценность этих известий в конкретности. И это позволяет полнее оценить степень достоверности положений общего характера относительно стремлений восставших и их целей. Чуть ли не в самом начале крестьянской войны в письме

венгерской знати (прелатов, баронов, дворян, т.е. королевского совета) герцогу Бартоломею Мюнстербергскому с просьбой о помощи впервые была использована формула о том, что восставшие "готовятся уничтожить и искоренить полностью все дворянство вместе со всеми господами" [31 мая 1514 г.: 174, с.90, N 43; ср. 175, с.14, N 13]. Впоследствии тезис о том, что крестьяне восстали "для уничтожения всего дворянства", использовался королевской канцелярией для характеристики опасности, в которой оказалось господствующее сословие, при этом сама характеристика служит обоснованием распоряжения властей, например, от 11 июля 1514 г. об освобождении арестованных горнорабочих [с.108, N 66]; от 16 июня 1514 г. о помощи дворянам четырех комитатов [с.116, N 73], где также речь идет о стремлении двух отрядов восставших "уничтожить всех дворян"; от 3 июля 1514 г. [просьба папе Льву X о помощи: с.143, N 104] и от 7 июля 1514 г. [воспроизведение этой формулы венецианским послом в курии : с. 151, N 112]. Данная формула становится стереотипной в документах, содержащих повеления, связанные с последствиями восстания. Здесь концепция о восстании крестьян ради уничтожения всего дворянства королевства используется, по существу, в качестве первой попытки оценить историю крестьянской войны, ее цели и значение. Неудивительно, что она повторяется во множестве документов, составленных в 1514 г. и в течение нескольких лет после восстания [27 июля 1514 г.: 404, с. 180, N 147; 5 авг. 1514 г.: с. 185, N 15; 4 окт. 1514 г.: с.234, N 194; 19 нояб. 1514 г.: с. 285, N 204; 28 июня 1515 г.: с.349, N 249; 17 мая 1516 г.: с.400, N 295; 28 окт. 1516 г.: с.410, N 304; с.539, N 413].

Сопоставление этого утверждения с сообщениями о конкретных проявлениях отношения восставших к дворянам, таких, как отнятие документов, но сохранение имущества и жизни, отнятие имущества, убийства, а также учет служебной функции данной формулы, не позволяет считать ее свидетельством об одной из характерных черт их социальной психологии. Стереотипная оценка представителями господствующего класса целей повстанцев обусловила и возникновение в составленных ими документах обобщающего стереотипного описания их действий. Эта оценка появилась в документах, составленных во время восстания с целью мобилизации сил феодалов для его подавления. Перечислим их: 28 мая (военачальник Янош Бекек): крестоносцы - "убивающие", "убийцы" [404, с.83, N 38]; 28 мая (король комитату Валко):

восставшие "почти во всем нашем королевстве" "громят дома дворян, похищают их имущество и, где могут, безжалостно их убивают..." [с.88, N 41]; 1 июня (король комитату Шарош): повторение дословно этой формулы [с.97, N 52]; 1 июня (епископ Дьёрдь Сатмари городу Капшпе): "под видом и именем крестоносцев творят столько таких злодейств" [с.98, N 53]; 13 июня (король городам Бартфе и Эперьешу) (словацк. Бардеёв и Прешов): восставшие в королевстве "творят повсюду множество ужасных злодеяний и разбоев, грома дома дворян и похищая их имущество, а где могут, совершая их безобразнейшие убийства" [с.110, N 68]; 15 июня (король своему фамилиару и дворянам комитата Абауй): "речь идет не только о ваших имениях, но даже о вашей жизни" [с.112, N 71]; 16 июня (дворяне четырех комитатов дворянам комитата Абауй): "крестьянская жестокость... уничтожила почти всех дворян за Тисой от реки Марош до Варада и Дебрецена..." [с.116, N 73]; 26 июня (король трем городам): "силы врагов увеличиваются со дня на день, они творят несказанные злодеяния, угнетают и убивают дворян" [с.129-130, N 88]; 3 июля король напе Льву X): восставшие "против всего дворянства повсюду насильственно нападают на дворян, безжалостно опустошая их дома, деревни и все им принадлежащее железом и огнем" [с. 142, N 14]; 7 июля (чазминский пробст загребскому капитулу): "И такова ярость крестьян, что она не падит никого из людей любого положения, степени, сана, выдающихся достоинств, но всюду предает неслыханной мучительной смерти..." [с.149-150, N 110]; 9 июля (дворяне комитата Шопрон): восставшие совершили множество кровопролитий, убийств и т.д. [с.153, N 115]; перед 15 июля (король о действиях примкнувших к Доже жителей): они совершили множество гнусных злодеяний, убийств и грабежей [с.163, N 124]; после 15 июля (король о действиях Яноша Сакои): Дожа убил знатных и дворян "этих наших областей" [с. 166, N 126].

Такого рода оценки действий восставших содержатся в документах и частного характера, отразивших социально-психологическое состояние представителей господствующих слоев: 28 мая [404, с.86, N 39]; 31 мая [с.94, N 47]; 27 июня [с.131, N 89]; 21 июня [с.138, N 97]. Но все они свидетельствуют не о действиях повстанцев и не об их общественном сознании, а об оценке восстания господствующим классом и о состоянии его представителей во время восстания.

В документах отразилось и их представление о том, против кого выступали крестьяне - оно двузначно: 3 июня 1514 г. (король): "против нас и королевства" восстал Дьёрдь Секей (Дожа): [с.98, N 55]; 9 июля 1514 г. (дворяне комитата Шопрон): крестоносцы "восстали против королевского величества и баронов, прелатов и других знатных и дворян королевства Венгрия" (почти неизменно повторяется еще раз) [с.153, N 115]; 13 июля 1514 г. (король): крестоносцы восстали "против нас и всего королевства" [с.159, N 125]; 4 декабря 1514 г. (король): "против нас и королевства нашего" [с.294, N 213]; 28 июня 1515 г. (палатин): " против королевского величества и королевства Венгрия [с.349, N 249]. Вторая часть этой формулы указывает на общность знати или перечислением ее слоев, или термином "королевство". Согласно этому представлению, восстание было направлено как против короля, так и против остальных феодалов.

В других случаях отмечается, что крестоносцы восстали только против дворян (без упоминания короля): 6 июня 1514 г. (король): крестьяне и простонародье "восстали против их господ и дворянства " [с.101, N 58]; 27 марта 1515 г., 5 марта, 5 ноября, 9 ноября, 12 ноября 1516 г. (короли и должностные лица): "против всего дворянства", "против дворянства всего королевства", "против всего дворянства королевства Венгрия и областей, ей подвластных", "против всего дворянства и наших жителей" [с.331, N 239; с.369, N 268; с.388, N 288; с.411, N 305; с.415, N 306; с.418, N 308].

Сопоставление второй части первой формулировки и второй формулы с конкретными свидетельствами о действиях восставших крестьян убеждает в том, что рассматриваемое представление господствующего класса являлось обобщенным выражением характера и направленности отношения восставших к господствующему классу. Конкретные действия крестьян были многообразны, но в них имелась объединяющая и определяющая их характер антидворянская направленность. Следовательно, утверждение документов о том, что восстание было направлено против господствующего класса, свидетельствует и об общественном сознании его участников, об их социально-психологических установках.

Особого рассмотрения требует вопрос о том, воплотилась ли в общественном сознании идея, отрицающая власть правившего в 1514 г. короля Венгрии. На основе утверждения Дожи в его приказе ("Дьёрдь Секей, ревностный рыцарь, князь благословенного народа

крестоносцев и верховный военачальник, подданный только короля Венгрии, но не господ...") принято считать, что восставшие оставались верны королю [562, с.488; 581, с.638; 365, с.283]. Однако все приводимые в пользу этого вывода сообщения источников характеризуют воззрения отнюдь не широких масс участников восстания, а лишь отдельных вождей. Это касается прежде всего приведенного только что заявления Дожи [перед 21 июня 1514 г.: 174, с. 121, с. 79]. Мотив верности королю можно отметить в письме предводителя крестоносного отряда Ференца Багоя: "... крестоносцам, собравшимся по желанию всего королевства (страны) и по желанию его святейшества папы, а также почтеннейшего архиепископа эстергомского Тамаша... хочу со всей верностью защищать это королевство [эту страну]". Предводители другого формирования начали свою прокламацию словами: "По божественному соизволению. Папа..., а также яснейший князь, божьей милостью король и ... господин Тамаш, архиепископ эстергомский ..." [май 1514 г.: 174, с.95, N 49]. По свидетельству письма из Буды от 16 июня, Дожа ("король крестоносцев") "написал королевскому величеству Венгрии: он хочет сделать так: чтобы был только один король, один епископ и два господина, которые бы служили королю, а остальных, если они долго не будут подчиняться, следует истребить" [с.320-321, N 227]. Два экземпляра листовки с письмом из Буды перед 25 мая 1514 г. сохранили заметку: "Титул короля крестоносцев : Мельхиор Баннкур, король благословенного народа крестоносцев, но подданный короля Венгрии, а не епископа и главных (великих) господ" [174, с.315, N 227]. (Эта рукописная заметка сделана позже издания письма; первые три слова читаются только на одном экземпляре; вся заметка воспроизводит слова Дожи из его приказа.) При осаде замка Шоймош 10 июня представитель Дожи, требовавший его сдачи, заявил, что замок и имение при нем "по воле короля" получены Дьёрдем Дожей [26 авг. 1514 г.: с.211, N 179]. Описание событий современником-итальянцем воспроизводит, несомненно, на основе приказа Дожи его титул: "Мельхиор, божьей милостью король благословенного народа крестоносцев, друг и подданный короля Венгрии, Чехии и т.д. Ладислава и избранник святого отца кардинала святого Мартина на Горах (Паннонхальмы?) и враг прелатов и всех возглавляющих королевство Паннонии" [27: 174, с.234, N 200]. Еще один парративный памятник содержит ссылку на слова предводителя одного из отрядов на юге королевства Антала

Надя << Он провозгласил в своем лагере: "В Венгрии нет других господ, [есть] лишь король Ласлов, его сын Лайош и Дьёрдь Секей, а потом он, Антал Надь">> [140, т. 2, с. 8].

Свидетельств верности королю сравнительно много, но, как уже неоднократно подчеркивалось, все они отражали (известно, с какой степенью убедительности, так как целый ряд их генетически связан с приказом Дожи) комплекс воззрений отдельных личностей - Дожи, предводителей крестоносных частей до их превращения в отряды восставших. С другой стороны, борьба крестьян с феодалами в целом не могла не быть направлена и против правящего короля, что и отражено прямо в первой части формулы, о которой речь шла выше. В объективности этого факта не приходится сомневаться, что, в свою очередь, позволяет утверждать, что верность королю не была присуща социальной психологии восставших. Наличие этого элемента в личностных декларациях предводителей отрядов и даже самого большого из них не меняет этого факта. Вспомним, что общественное сознание не может быть суммой сознаний отдельных личностей.

О справедливости такого предположения можно судить и по факту выдвижения повстанцами собственного короля в лице Дьёрдя Дожи, о чем сообщает ряд источников. Первое свидетельство об этом содержится в письме очевидца-чеха из Буды, который передает, что восставшие "идут от города к городу, от деревни к деревне, жгут, грабят, убивают, сажают на кол, призывают к себе народ, выбрали ("эволили") себе короля, выбрали себе епископа..." [заметим дату: 31 мая 1514 г.: 174, с.94, N 47]. 15 июня 1514 г. другой иностранец - итальянец Бетин писал, что "крестьяне... избрали своим королем или герцогом (князем) некоего Дьёрдя (Георгия), происходящего из дворянской семьи и ревностного рыцаря..." [с.115, N 72]. В письмах из Буды от 16 и 17 июня 1514 г. говорится о том, что крестоносцы "выдвинули одного воспачальника ("хаубтмана"), которого они называли королем", "...крестоносцы выдвинули над собой одного короля и он хочет назначить казначея. Их король таким образом написал: Мельхиор Башкур, король благословенного народа крестоносцев, но подданный короля Венгрии, а не епископов и великих господ [вариант: друг и подданный венгерского короля, а не господ прелатов, господ, имеющих военные отряды - бандерии, и рыцарей]..." [с.320, N 227]. Из Рима 12 июля посол Венеции Пьетро Квирин со ссылкой на полученные из Германии письма воспроизводил титул

Дожи: " Я, Мельхиор Вапсар, избранный король благословенного народа крестоносцев, друг короля Венгрии и враг прелатов, баронов и дворян" [с.157, N 120]. О Доже как "созданном" крестоносцами короле писал 29 июля 1514 г. посол Венеции в Буде Антонио Суриано [20: 285, т. 2, с.261]. Другой итальянец тоже без воспроизведения приказа (или послания) Дожи сообщал о Дьёрде Секее как о главе крестоносцев, названном ими королем [11 авг. 1514 г.: 174, с.192, N 160]. В приведенном уже свидетельстве итальянца отсутствует указание на избрание восставшими короля: "Мельхиор, божьей милостью король..." [27: 174, с.243, N 200].

Все эти сообщения принадлежат иностранцам, причем проследится связь большинства известий с приказом Дьёрдя Дожи. Генетически не связан с ними лишь пассаж анонима о том, что "Дьёрдь Секей собрал у Темешвара огромное множество крестьян и хайдуков, которых он назвал крестоносцами; со всех областей королевства к нему добровольно стекались хайдуки и другие ничтожные люди и провозгласили Дьёрдя Секея королем..." [9: 133, с.274]. Это единственное свидетельство венгра, пережившего восстание в стране.

В первом иностранном нарративном памятнике, у Рикардо Бартолина, содержащем описание восстания, сообщается, что крестоносцы избрали Дожу предводителем (может быть, князем - "дуксом"), а восставшие затем "дука" Дожу "сделали королем", "сделав" других предводителей - священника Лёринца и монаха Михая - "дуками" [28: 289, л. 52]. Основание традиции об избрании крестьянского короля было заложено в 20-е годы XVI в. в Дубровнике [33: 283 с. 330]. Предполагают, что сведения об избрании Дожи королем дошли сюда через Венецию, где были известны по сообщениям из других стран Европы [365, с. 278]. Из сочинения итальянца - современника событий Януса Виталиса (55) предположительно почерпнул данную информацию другой итальянский автор Паоло Джовио [39: 290, л. 126 об.]. Из этого сочинения, а также из труда Людовико Туберо сведения о крестьянском короле попали в исторический труд XVI в. [16: 146, т. 16 с.301,308, 347; 154, с.241].

Исследователи отрицают достоверность известий об избрании крестьянами короля, усматривая в них противоречие сведениям об их верности королю. Но пересмотр всех известий побуждает меня признать ссылки на избрание короля достоверными. Напомню, что, судя по приказу Дожи, верность правившему королю - это элемент

общественного сознания личности. Информация же об избрании короля освещает иную особенность уже общественного сознания и социальной психологии масс восставших. Авторы, отрицающие факт избрания короля, дают такое объяснение возникновению сведений о крестьянском короле в немецких и итальянских памятниках ранее фиксации этого известия в источнике, составленном анонимом венгром в Буде [9: 141, с.274]: термин "король" зарубежных источников явился результатом неточного понимания переводчиками и переписчиками слова "принцпе" приказа Дожи - "предводитель крестоносцев" [581, с.659-660; 365, с.278]. Но как возникли сведения о короле в письме чеха от 31 мая 1514 г. и в сочинении анонима-венгра [9]? Обращает на себя внимание то обстоятельство, что 31 мая, когда было написано в Буде письмо чеха, еще не существовало приказа Дожи, а описание венгра [9] не связано ни с этим приказом, ни с зарубежными данными. Таким образом, два источника, которые независимо друг от друга и от других письменных памятников возникли в Венгрии, свидетельствуют об избрании крестьянского короля. Уже одно это заставляет признать их сведения достоверными в достаточной степени для того, чтобы видеть в них отражение как факта выдвижения крестьянского короля, так и наличия в общественном сознании восставших ориентации на противопоставление королю феодалов короля крестьянского.

Возникновению этой ориентации, реализованной в факте выдвижения короля, предводителя основных сил восставших, могла способствовать существовавшая и до 1514 г. у венгерского крестьянства традиция выдвигать собственных королей. Известно, что в 1437/1438 гг. " в королевстве Венгрия вихрем пронеслись, хоть не в одно и то же время, две крестьянские войны, причем их зачинщиками были некие крестьяне, один по имени Антал (Антоний), другой же - Мартон (Мартин). Один из них, Антал,- в трансильванских областях королевства, другой, Мартон,- в земле Ньир и Самопкез, собрав большую силу крестьян, присвоив себе королевский титул и подняв знамена, выступили с огромной мощью... Наконец, многими войсками знати (восставшие) были перебиты, побеждены и понесли заслуженное наказание... эти короли были наказаны смертью..." [3: 117, с.229; 112, гл. 217]. Наличие предшествующей традиции, кстати, является дополнительным аргументом в пользу вероятности выдвижения восставшими крестьянского короля.

Все это свидетельствует о том, что крестьянская война была направлена как против королевской власти (о чем говорит более странная формула документов), так и всех слоев феодалов.

По утверждению автора 20-х годов XVI в., использовавшего, вероятно, устную традицию [581, с.663], Дожа рассматривал избрание себя "королем" с точки зрения необходимости установления должного воинского порядка в крестьянской армии. Сразу же после присвоения Доже королевского титула он стал приводить в порядок крестьянские толпы, разделяя их на воинские отряды [33: 283, с.332]. В другом варианте "речи" Дожа подтверждает, что он является для восставших крестьян не королем в обычном смысле этого слова, а лишь старшим товарищем, руководителем, служащим интересам народа и подчиняющимся народу (конечно, это понимание сочинившего речь писателя): "Я разделю со всеми вами то, что благосклонная судьба предоставит мне. Я буду не повелителем, не королем, но вашим спутником, товарищем. Обо всем, что нужно делать, буду просить решения народа. Я уступлю корону другому, если вы этого пожелаете и не буду считать недостойной участь подчиниться новому королю" [7: 131, с.20]. "И не думайте, что я избежну опасности, когда она будет угрожать вам, я обещаю быть вождем в деле завоевания вашей свободы и, не боясь ни трудов, ни опасностей, я буду мужественным и верным вам. Ту власть вашего защитника, которую вы мне доверили, я употреблю для вашей защиты и для нападения на врага [33: 283, с.332].

До сих пор рассматривались свидетельства об общественном сознании, имеющие мнимую антитезу в известиях о сознании личном. Однако важнейшие свидетельства о социальной психологии восставших - об их отношении к феодальным повинностям такой антитезы не имеют. Уже 15 мая 1514 г., когда еще дело не дошло до запрещения похода, ? Бакоц отменил лишь дальнейший сбор крестоносцев, он писал о "некомпетентных", которые используют поход для того, "чтобы отказаться от уплаты обычной подати, которой они обязаны светским господам, а также от уплаты налога, которым они обязаны его королевскому величеству и стоящим над ними, вместе с внесением остальных законных и обычных повинностей, чтобы заставить и других отказаться от их внесения, чтобы говорить и утверждать, что эти повинности должны быть уничтожены и уже уничтожены. Для тех же, кто осмеливается собирать или просит упомянутую обычную подать и королевский налог, они требуют

смерти, а тому, кто бросает камень... в сборщика налога и подати, они даруют (говоря об этом фальшиво) стодневное отпущение грехов". Такое же сообщение содержится в распоряжении о запрещении похода [24 мая 1514 г.: 174, с.78, N 34]; здесь речь идет еще не о массе крестьян, а о выдвижении требований ликвидации денежной ренты "многими мнимыми вредными и фальшивыми проповедниками".

Обобщающий характер имеет утверждение очевидца событий итальянца Бетина, связавшего восстание крестьян с тем, что после смерти короля Матьяша "бароны и другие благородные [нобилы] королевства", "чтобы собрать сокровища, под предлогом защиты пограничных крепостей, чтобы их не захватили турки, и под другими предложениями отяготили своих крестьян различными налогами [поборами] и причинили им другие невыносимые потери [убытки] и тяжелые обиды. По такой причине эти люди, возмущенные этим, не ожидали ничего другого, чтобы сбросить и отстранить иго и потребовать свободу, кроме как возможности или случая безнаказанно и не вызывая никаких подозрений, собраться и сплотиться" [15 июня 1514 г.: с. 114, N 72]. Для очевидца само собой разумеющимся фактом было социально-психологическое устремление всей массы восставших (для него это все крестьяне королевства Венгрии) на ликвидацию "ига" денежных поборов, на достижение "свободы" от них.

Эта общая черта социальной психологии проявилась и в высказываниях лиц, о которых сохранились свидетельства источников. Самочинные организаторы крестоносного отряда Тамаш Кечкеш и Лёринц Месарош еще во время перерастания похода в крестьянскую войну в репительной форме выразили возмущение "игом" денежных повинностей и желание освободиться от них: "Те, кто бедны и желают такого радостного отпущения [грехов] в соответствии со своими силами, пусть будут полностью освобождены от грехов и наказания. И если придут какие-либо сборщики [денег] и захотят взыскать или получить с них деньги несправедливо и попеременно [периодически], то их [бедных] все собрание [вся общность] пусть поднимется против них [сборщиков денег] и если их убьют, то пусть [убийцы] не понесут никакого наказания. И если кто повезет вслед за [бедными] продовольствие или что-либо другое, то не должен нигде платить пошлину и брать что-либо хотя бы стоимостью в одно яйцо силой или бесплатно, но за все должны платить" [май 1514 г.: 174, с.95 N 49].

По свидетельству современника событий, Дожа в Туре (совр. Мезётур) еще до получения распоряжения о прекращении сбора крестоносцев (предположительно 16 мая) собственноручно убил сборщика поземельного взноса (ценза) и взял у него 5 марок [14: 142, с.59]. Известны отдельные случаи отказа от уплаты денежных поборов (ценза, таксы) крестьянами двух имений [11 июня, 1 июля 1520 г.: 174, с.498, N 379; с.507, N 385].

Можно констатировать, таким образом, отсутствие противоречий в свидетельствах об осознании тяжести денежных повинностей как отдельными личностями, так и массой крестьян - осознании, которое и привело к вооруженному выступлению. Оно было направлено против этих повинностей объективно - цели их уничтожения осознавались крестьянами. Решающим аргументом в пользу этого вывода являются рассмотренные в предыдущей главе многочисленные и многосторонние свидетельства памятников, позволившие установить тот факт, что наибольшую тяжесть для венгерского крестьянина во второй половине XV - первой четверти XVI в. представляла в условиях натурализации экономики обязанность вносить деньги господину, государству и церкви. Данные об общественном сознании восставших крестьян не только позволяют установить определенные черты их социальной психологии, но и служат дополнительным доводом в пользу только что приведенного вывода о тяжести денежных повинностей.

Сопоставление документальных, современных событиям крестьянской войны данных с результатами изучения социально-экономических процессов в предшествующее время убеждает в том, что мнения и о событиях войны и о положении венгерского крестьянина перед войной, сфокусированные в тех разделах сочинений авторов XVI в., которые посвящены изложению чаяний восставших, можно считать достоверными. Это относится к утверждениям о тяжести денежных повинностей [7: 131, с.18-19, 23; 33: 283, с.331; 16: 146, с.335, 357], а также о протесте против полиц [7: 131, с.14; интерпретация: 562, с.484; 365, с.283]. Нет оснований, следовательно, исключать так называемую "речь" Дожи из числа источников по истории духовной стороны восстания, как это делает Енё Сюч [581, с.661-664]. Это мое убеждение не может поколебать и то обстоятельство, что, в частности Таурин использует при изложении "речи" обороты, заимствованные из античной поэзии. Но у него они используются в качестве средства передачи определенных концепций, и при их подборе автор, как и

многие другие писатели, исходил из пригодности их для выражения собственного мнения. Ограничение Енё Сючем круга источников свидетельствами о деятельности "вероотступников" из числа францисканцев-обсервантов и приказом Дожи [перед 21 июня 1514 г.: 174, с.121-122, N 79] привело этого выдающегося исследователя к выводам о наличии в "идеологии венгерской крестьянской войны двух основных слоев": народных идей крестоносного движения и "светского" слоя - модели отношений, существовавших в обществе секеев [581, с.664-666]. Второй вывод основывается только на словах приказа Дожи, а первый - в основном на шести документах, недавно введенных в научный оборот [154, с.257-260, излож содержания 4 док. на рус. яз.: 340, прим. 20, 22, 23, 34; тексты и регесты некоторых из этих памятников: 174, с.66, N 23; с.67-68, N 24; с.68, N 25]. При этом не учитывается, что последние освещают лишь отдельные стороны взглядов и деятельности "вероотступников" из числа францисканцев-обсервантов. Идентифицировать их с массой крестьян я не вижу оснований.

Немногие, но весьма ценные свидетельства документов говорят о том, что осознание своего зависимого, крепостного, "рабского" положения было характерно для социальной психологии восставших крестьян. Очевидец событий итальянец Бетин признавал, что крестьяне были угнетены денежными повинностями и возмущены этим, в чем отразилась характерная черта социальной психологии восставших, а поэтому требовали свободы от этого "ига" [15 июня 1514 г.: 174, с.114-115, N 72]. Слова же короля Уласло II в послании папе Льву X о том, что восставшие (крестьяне и пастухи) "требуют [выхода] из рабства на свободу", не оставляют сомнения в том, что "рабство" - это крепостная зависимость [7 июня 1514 г.: с.142, N 104].

Ценность второго свидетельства я вижу в том, что "рабское" состояние венгерских крестьян признано главой общности феодалов (королевства). Впрочем, наверняка и Бетин выразил общераспространенное среди феодалов Венгрии, в обществе которых он жил, мнение о "рабском" положении крестьян. Эти два пассажа содержат доводы в пользу заключения об усилении крепостной зависимости крестьянства перед 1514 г., сделанные на основе изучения всей совокупности свидетельств в предыдущей главе. Они подтверждают также достоверность утверждения авторов XVI в. о стремлении крестьян из "рабства" на "свободу" [7: 131, с.18-19; 33: 283, с.331-332; 16: 146, т. 1, с.358].

Важно, что признания принадлежат феодалам. Они могли появиться как результат воздействия социально-психологического давления восставшего крестьянства, реализованного в борьбе и, таким образом, говорят о длительном существовании этих воззрений, их прочности и распространенности.

Стремление к уничтожению денежных повинностей само по себе является позитивным, если не считать, что желание уничтожить наибольшее и сравнительно "новое" зло как будто бы совмещалось с молчаливым признанием "обычных" повинностей. Стремление же выйти из "рабства" на "свободу", по моему мнению, в социальной психологии восставших так и осталось на уровне отрицания "рабства". О секейской модели будущего общества в общественном сознании повстанцев нельзя судить по приказу Дожа. Да его слова и касаются не будущего устройства общества, а санкции за невыполнение приказа: "... поручаем и строго приказываем вам под страхом отлучения от церкви и вечного проклятия и даже под угрозой лишения всего имущества и жизней... вы подвергнетесь указанной выше каре, но мы не удовлетворимся этим, а повесим вас и прикажем повесить вас перед вашими домами на столбах ваших ворот, а также прикажем посадить вас на колья, и мы присудим вас к лишению имущества, чтобы дома ваши были разрушены, ваши жены и дети были убиты" [174, с.122, N 79]. Древним обычаем секеев из перечисленных санкций являлось только разрушение домов тех, кто выступил против воли общины [581, с.657].

Если даже Дожа, говоря о своем желании "обновить королевство Венгрии", о чем пишет итальянец из Буды 11 августа 1514 г. [174, с.193, N 160], имел в виду лишь введение этой санкции, то намерение такого "обновления" нельзя принимать даже за мечту вождя о будущем устройстве венгерского общества. Знание жителями одного местечка этого секейского обычая и стремление его использовать [1 июля 1520 г.: с.507-508, N 385] невозможно признать аргументом в пользу вывода о "секейской модели" как черте социальной психологии массы восставших. Этот вывод необоснован. Вероятнее всего, в общественном сознании восставших вообще отсутствовали представления о будущем устройстве общества. Причина этого заключается в самом положении крестьян в феодальном обществе.

Крестьянская война 1514 г. явилась следствием ухудшения жизни крестьянства в течение XV - начале XVI в. Этот процесс, а

также само восстание явились одним из факторов, определивших судьбы всех слоев феодальной общности венгров в рассматриваемую эпоху, которая составляет определенный этап развитого, зрелого феодализма в королевстве Венгрия.

ГЛАВА 3

От 1514 года к 29 августа 1526 года

Крестьянская война показала относительность противоречий между отдельными группировками магнатов. Их силы объединились против восставших крестьян. Когда же общая для класса опасность миновала, продолжилась борьба между его группами.

Дворянство сыграло решающую роль в разгроме крестьянских отрядов. Оно не преминуло воспользоваться этим для укрепления своих позиций по отношению к магнатам. Идеолог дворян Иштван Вербеци в составленном им "Трипартиуме" зафиксировал в качестве нормы права не только крепостное состояние крестьян, но и равноправие дворян с магнатами, их участие в государственной власти (так называемая теория святой короны) [11: 134, ч. 1, тит. 3], Едва ли это было программным требованием, как полагает Дьёрдь Секей [564, с.416]. История дворянства и его роль в венгерской государственности в XV - начале XVI в. убеждают в существовании в указанное время такой нормы. Обстановка после крестьянской войны способствовала ее развитию и обоснованию.

Согласно закону 1514 г. (ст.1), "за множество выдающихся заслуг перед королем и королевством", в частности за взятие Темешвара (рум. Тимишоара) и за победу над священником Лёринцем Янош Запольяи должен был получить 50 тыс. золотых (1/10 двухгодичной суммы военного налога) [174, с.253, N 202; подсчет. 365, с.244]. Это еще одно проявление борьбы за денежную ренту. Сторонники Яноша высказывали намерение сделать его правителем после смерти Лайоша II Ягеллона. 11 августа 1516 г.

идеолог дворян магнат Иштван Вербёци стал председателем одной из высших судебных коллегий.

Усилению позиции Яноша Запольяи король и его "партия" баронов противопоставили укрепление связей с Габсбургами.

Во второй половине марта 1515 г. в Пожони (словацк. Братислава) состоялась встреча Уласло II, короля Польши Сигизмунда I Старого (1506-1548) с представителями императора Максимилиана I (1493-1540) [не "съезд трех монархов": 325, с. 140]. Там были подготовлены решения, принятые на съезде императора, Уласло II и Сигизмунда I в Вене 18-22 июля [переговоры проходили 20-21 июля: 29: 197, с.280, 296]. Заключенные здесь соглашения были зафиксированы в пяти документах от 20 и 22 июля. Император "усыновил" наследника венгерской короны Лайоша, объявив его "викарием Священной Римской империи", своим преемником на престоле римского (т.е. германского) короля. Предусматривался брак Лайоша и внучки императора Марии, а также императора и сестры Лайоша Анны или Фердинанда (1503-1564) и Анны. Был заключен договор о мире и дружбе между императором и Сигизмундом и предусмотрен отказ первого от поддержки Немецкого ордена [исследование внутривенгерских аспектов данных соглашений: 426; исследования вне такого контекста: 358, с.624-629].Замечу, что оценка соглашений как "удара" по "планам польско-венгерско-чешской унии" [325,с.141] требует обоснования.

После смерти Уласло II (13 марта 1516 г.) королем стал десятилетний Лайош II (1516-29 авг. 1526 г.). Властью стали распоряжаться его воспитатели, магнаты Тамаш Бакоц, Георг Гогенцоллерн и Янош Борнемисса. В противовес им дворяне добились на Государственном собрании 24 апреля 1516 г. участия в королевском совете 16 своих представителей при 6 баронах и 6 прелатах [сводка свидетельств о гос. собраниях при Лайоше II: 541].

Собравшиеся 29 сентября - около 29 октября 1518 г. в Баче вооруженные магнаты и дворяне провели здесь Государственное собрание, которое постановило поручить сбор палого двум дворянам-казначаям, а не королевскому казначею, как было ранее (статьи 1, 3) [384, с.752-754]. В 1518 г. Бакоц был выведен из королевского совета. Так одной из борющихся фракций феодалов был сделан шаг к созданию собственных органов государственной власти наряду с прежними учреждениями, в которых осуществляли

свое влияние ее противники. Вместе с этим происходил процесс укрепления и совершенствования государственного аппарата (казначейства, канцелярии). Появились постоянные кадры чиновников, в частности юристов. Все это способствовало лучшему выполнению государственной властью ее социальных, внутри- и внешнеполитических функций.

Но обострение внутриполитической борьбы, перенесение ее в сферу государственного управления не могли не нарушить нормального хода государственных дел и повели к ослаблению функционирования центральной власти в области внутренней и внешней политики. После разгрома восставших крестьян и оформления их закрепощения в 1514 г. дворянская "партия" магнатов перестала в известной степени считаться с государственной властью, у кормила которой стояли представители баронской придворной "партии". На государственные собрания Янош Заполяя приводил вооруженных дворян, принуждая своих противников к принятию подготовленных руководителями его "партии" постановлений. Так, декрет 1518 г. был составлен Иштваном Вербёди. От названия Ракошского поля, где собирались Государственные собрания, ведет свое происхождение польское слово "рокош" - феодальная война, мятеж дворян. В таком значении оно было известно и в Германии [435].

Венгерские феодалы стали самостоятельно осуществлять и внешнеполитические сношения. Например, в 1519 г. дворянские послы с инструкцией, составленной Иштваном Вербёди, отправились к королю Польши, а сам Вербёди возглавил посольство в Венецию к папе (март-июнь) [сводка данных: 597].

Однако в ходе борьбы за власть "партия" Яноша Заполяя терпела и поражения. Так, 27 мая 1519 г. баронам удалось разогнать отряды вооруженных дворян, явившихся под стены Буды, чтобы избрать его папатином. В результате 28 мая этот пост достался его сопернику Иштвану Батори. В 1521-1522 гг. двор укрепил связи с Габсбургами: Лайош II женился на внучке Максимилиана Марии (13 янв. 1522 г.), которая была коронована как королева Венгрии 11 декабря 1521 г. Сестра Лайоша Анна вышла 26 мая 1521 г. замуж за австрийского эрцгерцога Фердинанда (король Венгрии и Чехии с 1526 г., германский король с 1531 г., германский император с 1556 по 1564 г.).

Последующие пять лет характерны особым обострением борьбы между сторонниками Яноша Запольяи и магнатами придворной "партии" - борьбы, расшатывающей государственную власть. Во второй половине октября 1521 г. Государственное собрание ликвидировало обязанность магнатов содержать бандерии, а дворян участвовать в ополчении. По решению Государственного собрания 1522 г., король был обязан расследовать распоряжения прелатов [текст и исследование памятника: 312]. 24 апреля 1523 г. по требованию сторонников Запольяи король отстранил Иштвана Батори от должности палатина. Накануне 6 августа 1524 г. Иштван Батори снова занял ее, а его противники, дворяне, выведены из королевского совета. 22 мая 1525 г. "партия" двора заключила союз с Яношем Запольяи "для защиты авторитета короля", а фактически для противодействия стремлениям дворян. Тогда Иштван Вербёци призвал дворян на Государственное собрание в Хатван, где в присутствии короля 5 июля подверглись нападкам руководители баронской "партии", занимавшие высшие государственные посты. 6 июля Государственное собрание известило короля об их смещении и избрании новых лиц на их места. Палатином был избран Иштван Вербёци. Георг Гёгенцоллерн покинул страну [описания современников: 264, с. 208; 393, ч. 2, с. 43-49; см. также: 469, с. 206-207]. Но торжество Запольяи было недолгим. На государственном собрании 24 апреля - 8 мая 1526 г. вновь победила "партия" двора и Иштван Батори снова стал палатином, Иштван Вербёци королем 5 мая объявлен вне закона, а решения хатванского собрания отменены [384, с.844]. Но выполнить постановление о конфискации его имений не удалось.

Характерно, что государственные собрания в 20-е годы XVI в. как органы классового господства принимали постановления о преследовании сторонников Реформации, о возвращении бежавших или насильно вывезенных во время крестьянской войны крестьян (например, перед 20 мая 1523 г.).

Борьба магнатских групп не смогла парализовать социальных действий венгерского феодального государства, но она свела на нет столь необходимые в условиях османской опасности его внешнеполитические функции. После того, как в сентябре 1492 г., как уже отмечалось, прекратило существование постоянное войско наемников [556, с.321; 557, с.136], судьба королевства Венгрия стала зависеть в основном от позиции этого государства в сложной системе международных отношений. До 1521 г. эта позиция

определялась тем, что султаны Селим I (1512-1520) и Сулейман I Кануни (1520-1566) были заняты военными действиями на Востоке: походом против основателя Сефевидского государства шаха Исмаила I (1502-1524) в 1514 г. [335, с.37-38], завоеванием Сирии в 1516 г., присоединением к Османской империи Курдистана и подчинением Египта в 1517 г., присоединением восточной Анатолии в 1518 г., подавлением восстания Газали в 1521 г., захватом Аджира в 1520 г. И после 1521 г. (начала генерального наступления на Венгрию) османы использовали часть сил для взятия о-ва Родос в 1522-1523 гг. и подавления восстания в Египте в 1524 г. [335, с.37-38].

1 апреля 1519 г. представители султана и короля в Буде подписали мир на три года, закрепивший потерю Венгрией баната Сребреник (утвержден султаном 30 мая) [463, с.122; 556, с.340]. В декабре 1520 г. османский посол, прибывший в Буду для продления мира, был заключен в тюрьму, где находился до 1526 г. [453, с.50-53; 556, с.340]. В 1521-1526 гг. дипломатических отношений с Портой у королевства Венгрии уже не было. Посредничество представителей Польши, просивших Порту о заключении мира и с Венгрией в 1525 г., оказалось безуспешным [35: 184, с. 184].

Состояние отношений между государствами Западной и Центральной Европы создавало для султанов благоприятные условия для борьбы с наиболее слабыми из них, к которым после ликвидации постоянного наемного войска стала принадлежать и Венгрия. Государства Запада, обладавшие значительными ресурсами, были втянуты в длительный конфликт друг с другом: Франция (15 млн. человек) с 1494 г. вела войны за богатые территории Италии, которые переросли в борьбу между Францией и Габсбургами за гегемонию в Европе.

С избранием на трон "Священной Римской империи" в 1519 г. испанского и неаполитанского (с 1516 г.) короля Карла I (император Карл V в 1519-1556) возник конгломерат владений Габсбургов ("империя Габсбургов"), в распоряжении которых кроме власти (весьма ограниченной) над территориальными княжествами Германии, находились Бургундия, Нидерланды, эрцгерцогство Австрия, Тироль, Испания с ее колониями в Новом Свете, Неаполитанское королевство и Сицилия. Власть императора на востоке его владений представлял его младший брат - эрцгерцог Нижней и Верхней Австрии, Штирии, Каринтии и Крайны (с 1521-1522 гг.) Фердинанд. Карл V был сильным противником султана, но главной

своей задачей он считал сокрушение Франции, затем приостановку османской экспансии в Средиземноморье (оборону Испании и южной Италии), и только третьестепенной - защиту восточных владений от османов [453, с.17, 60, 169] (в 1521-1526 гг.).

При выполнении последней задачи самым важным для Габсбургов было овладение коронами Венгрии и Чехии. Но при всей сложности этих устремлений Габсбургов господствующий класс Венгрии мог надеяться на получение от них помощи, поскольку османы угрожали и им. Размеры этой помощи зависели от представленных в рейхстагах сословий Германии, противопоставлявших себя власти императора.

При оценке* внешнеполитического положения королевства Венгрия в 1490-1526 гг. следует принимать во внимание основные события, характеризующие его отношения с Габсбургами и с сословиями Германской империи, а также с государствами Италии, с папами, с Чехией и с Польшей [обзор этих отношений: 346, с. 113-114; датировка и краткая характеристика: 555, с. 99-102; 556, с. 318-350]. Их внутри- и внешнеполитическое положение не позволяло создать антиосманскую коалицию и предоставить действительную помощь Венгрии.

В частности, поддержка со стороны господствующего класса Польши исключалась не только из-за отсутствия внутренних денежных ресурсов, что не позволяло ему иметь наемное войско и предоставлять деньги, но и в силу занятости военными действиями на севере против Тевтонского Ордена и на востоке против Российского государства. Это обусловило успех османской дипломатии, устранившей Польшу из антиосманской борьбы благодаря миру, заключенному между Сигизмундом I и Сулейманом I 15 ноября 1525 г. Тяжелая внутри- и внешнеполитическая ситуация в Польше способствовала усилению влияния Габсбургов в Венгрии, подготовившего установление здесь их власти в последующий исторический период: по соглашению между Уласло II, Максимилианом I и Сигизмундом I от 19 июля 1515 г. в Вене, Максимилиан ценой отказа от поддержки Москвы и Ордена получил согласие на браки детей Уласло II с представителями династии Габсбургов.

Такое развитие событий создавало предпосылки для сохранения в последующем части этнической территории венгров вне Османской империи в форме королевства Венгрия во главе с королями из

династии Габсбургов, что представляло собой более прогрессивное явление по сравнению с османским господством.

Однако лишившаяся постоянного войска и не имеющая помощи извне Венгрия была сокрушена Сулейманом I в результате военных действий 1521-1526 гг. О подготовке османами похода с целью занятия Буды в Венгрии стало известно от сербского воеводы Павла Бакича, переселившегося туда в конце 1525 г. [35; 18 января 1526 г.: 184, с. 181]. Международное положение Венгрии было весьма невыгодным: 22 мая 1526 г. Коньякская лига объединила союзника султана короля Франции, папу Римского и Венецию; лига выступила против Габсбургов - союзников Венгрии [453, с.163]. Остались безрезультатными обращения Лайоша II за помощью к императору Карлу V, к королям Англии и Португалии, к папе, к Венеции и эрцгерцогу Фердинанду [556, с.349; указаны публикации: 345, с. 238].

Ход дальнейших событий, переданный источниками, свидетельствовал о том, что военное поражение было неизбежно не только из-за превосходства османов в военном отношении, но и вследствие слабости военной организации и военного командования королевства. Хорошо знавший ситуацию очевидец констатировал 10 июля 1526 г.: "Положение Венгрии совершенно безнадежно..." [35: 184,с.221]. И как следствие этого 29 августа 1526 г. двадцатитысячное войско королевства Венгрия было разгромлено у Мохача армией султана (60 тыс. воинов в регулярном войске; не считая вспомогательных и тыловых частей) - в сражении погиб король, ряд церковных и светских магнатов. Среди 10 - 20 тыс. наемников-пехотинцев, входивших в войско королевства, сражались 3 тыс. чехов (почти все чехотинцы погибли) [527, с. 331]. Всего же в войске королевства участвовало 8 тыс. иностранцев-наемников и добровольцев (поляки, чехи, немцы, итальянцы и выходцы из других народов) [525, с.669].

Военные действия на территории королевства Венгрия продолжались в течение сентября-начале октября. Правда, они ограничивались борьбой защитников некоторых крепостей, сумевших отстоять Тату, Комаром, Вишеград, город Секешфехервар, опустошениями османскими отрядами значительной части Задунавья и областей между Пешгом и Эгером, а также (и главным образом) сопротивлением крестьянских отрядов отдельных местностей, отстаивавших свои родные деревни и местечки от захвата османами. Известны крупные боевые операции османов

про в крестьянского лагеря у Пилишмарота (25 тыс. крестьян) 13-14 сентября, в Матре (28 сентября), у Бача (30 сентября), в болотах между Бачем и Петерварадом (2 октября). В этих сражениях, по оценкам военных историков, с обеих сторон погибло больше людей, чем в битве у Мохача [357, с.163]. В результате событий августа-сентября 1526 г. королевство Венгрия лишилось 200 тыс. человек. Султан взял и разорил Буду и Пешт 11-25 сентября 1526 г.; его войско ушло из страны, лишенной центральной власти. Не принявший участия в битве при Мохаче Янош Заполяя сохранил в своем распоряжении и собранное им войско в 10-15 тыс., и не затронутые османскими набегами области восточной части теперь уже бывшего, * домохачского королевства; очевидным было намерение Яноша Заполяя продолжать борьбу за трон.

Эти события отражены различными источниками [венг. переводы свидетельств: 184]. Известны результаты археологических раскопок на поле битвы [184, с.432-470]. Изучением различных аспектов битвы при Мохаче занимались многие поколения историков [библиогр. работ. 371]. Общепризнанными являются исследования совокупности источников с учетом результатов предшествующего изучения и с привлечением новых материалов [555, с. 22-38; 557, с.157-163; 525, с.666-672; 520; 421; 466].

Ослабленной в результате внутренних катаклизмов центральной власти военное поражение привнесло гибель - начался интенсивный распад королевства Венгрии, ускоренный османской экспансией. При Мохаче была разгромлена армия, которая включала в себя добровольцев и наемников из соседних стран. Но господствующие классы этих стран остались вне борьбы с османами.

Утверждение господства турецких султанов над частью территории Среднего Подунавья открыло новую эпоху в истории веттерского народа, а также и всей Центральной Европы.

События 1514-1526 гг. явились закономерным результатом всего развития королевства Венгрия со второй половины XV в., а не только подавления крестьянской войны 1514 г. Не в состоянии оказалось противостоять внешней опасности государство с закрепощенным и неподготовленным к военной службе по защите

страны крестьянством, с демилитаризованным дворянством, которое били в ходе восстания крестьяне своим главным оружием - ненавистью к угнетателям. Тогда ясно обнаружилась внутренняя слабость центральной власти, лишенной к тому же столь необходимых для содержания военных сил финансовых средств. Подводя итог, можно утверждать: что возникновение крестьянской войны и военный крах Венгрии в битве при Мохаче в 1526 г. были порождены одними и теми же причинами.

Заключение

В громадном количестве источников по истории венгерского народа XV - XVI вв., составляющих их различные категории (законодательные акты, хозяйственные документы, нарративные памятники, грамоты различных видов) нет таких, которые бы содержали прямые ответы о взаимозависимости развития социально-экономической, внутри- и внешнеполитической сфер венгерского социального организма. Выводы об этом может дать только исследование источников, отразивших развитие каждой из сфер.

При этом я вынужден констатировать практическое отсутствие исследований механизма взаимодействия трех рассматриваемых в работе сфер развития венгерского народа-этноса в XV-XVI вв. Это, естественно, предопределило отсутствие обзора историографии по основной проблеме работы.

Но исследовать эту проблему без учета результатов работы историков невозможно. Изучение источников создает основания и для их оценки. Речь идет прежде всего об авторах общих курсов по истории Венгрии в средние века и конкретно по истории XV-XVI вв. Не найдя в них постановки указанной проблемы, я обратил внимание на характер систематизации материала, на обоснования оценок отдельных явлений, событий и даже периодов истории венгерского народа-этноса. После установления степени их обоснованности в результате изучения источников сделалось возможным принять некоторые из них и предложить исследовательское решение других. К первым относятся выводы о

слабости развития и об упадке города, о ходе крестьянской войны 1514 г., о притяжениях и тенденциях внутриполитической борьбы, об основных событиях внешнеполитической истории. Ко вторым - мои выводы и наблюдения относительно роли упадка города в натурализации экономики (в частности ренты), об отсутствии влияния внешней опасности на обострение внутриполитической борьбы и о социально-экономических причинах последней. В моем изложении внешнеполитической истории особое внимание уделено раскрытию взаимной связи факторов: денежные доходы феодалов (в особенности королей) - их военные ресурсы - направленность внешней политики, а также соотношение ее субъективных целей и объективных последствий.

Изучение всей совокупности свидетельств источников на методологических основах, требующих учета контекста позитивных и негативных конкретных результатов в их исследовании, приводит к новым для всей проблематики выводам и наблюдениям относительно причинно-следственных связей между изменениями в социально-экономической области и в сфере внутриполитического развития и внешнего положения. Натурализация ренты, установление крепостной зависимости крестьянства, демилитаризация основных классов феодальной Венгрии служили причиной обострения внутренней борьбы за денежные доходы, ослабления королевской власти, распада королевского домена и значительного уменьшения денежных доходов королей, невозможности содержания наемного войска. А все это приводило к отказу от политики удержания вассальных государств на Балканах, к захвату источников денежных доходов на западе, к зависимости сопротивления османской экспансии от денежной помощи государств, уже находящихся на стадии раннего капитализма, к военному поражению 1526 г. и к распаду королевства.

Изучение указанных причинно-следственных связей потребовало новых методических подходов к источникам. Для выяснения эволюции феодальной ренты и ответа на вопрос о том, какие результаты этой эволюции более всего ухудшали положение крестьянства, потребовалось определить области интересов феодалов, степень исполнения их требований крестьянами и причины их невыполнения в полной мере. Для реализации этой исследовательской задачи оказалась непригодной методика изучения источников (в особенности урбарчев), используемая предшествующими авторами

[504, с.45-55, 76-85, 133-141, 166-170], выбравшими из урбариев и других источников свидетельства об отдельных видах ренты, а также не учитывавших, какие возможности имели крестьяне для выполнения требований повышенной денежной ренты (уменьшение возможностей сбыта продуктов вследствие упадка города). Такая методика оказалась неплототворной для выяснения эволюции ренты, для раскрытия процессов, приведших к обострению классовой борьбы (в частности, к крестьянской войне 1514 г.) и определивших в конечном счете основные черты внутри- и внешнеполитической истории венгерского народа-этноса.

Применив методику комплексного прочтения текстов памятников, я обратил особое внимание на отражение в них субъективных и объективных сторон изменений характера и размера ренты. Первые заключаются в изменениях требований феодалов и в реагировании крестьян на эти претензии, вторые - в свидетельствах о фактическом исполнении "обычных" и "сверхобычных" платежей. Учет характера эволюции города и торговли позволил понять причины того, что наиболее трудным для исполнения явилось повышение денежной ренты. Исследование большого количества свидетельств законодательных памятников и дипломов позволило проследить эволюцию рент в пользу государства (налоги) и церкви (десятины), чего не делали авторы предыдущих работ по истории феодальной ренты в Венгрии.

При изложении хода внутри- и внешнеполитической истории основная задача работы (выяснение его причинно-следственной связи с социально-экономическим развитием) заставила обратить внимание прежде всего на данные о целях различных групп феодалов. Благодаря этому была заполнена лакуна в историографии, ограничивающейся изложением только хода событий [564; 565]. Формулирования этих целей источники не сохранили. О них можно судить по результатам действий отдельных групп феодалов, а во внешнеполитической области - государства (королевской власти).

В результате изучения источников с применением указанных выше методик, обусловленных задачами исследования и характером памятников, раскрывается прежде всего эволюция хозяйственного и правового положения венгерского крестьянства в XV -первой четверти XVI в. Для первого аспекта главное - эволюция феодальной ренты. Этот объективный процесс являлся результатом действия двух противоположных факторов субъективного характера:

стремлений землевладельцев увеличить денежный доход и ответа, реакции крестьян на это требование. Противодействие устремлениям феодалов было, в свою очередь, обусловлено объективными возможностями крестьянского хозяйства. В целом сравнение данных о ренте, содержащихся в документах XV - первой четверти XVI в., позволяет сделать вывод об уменьшении удельного веса денежной ренты в общей ее массе. Это объективный процесс. Но памятники отразили и стремление феодалов увеличивать денежную ренту за счет введения дополнительных ее форм и коммутации части натурального оброка.

Тенденция натурализации ренты, получившая дальнейшее развитие во второй половине XV в., прослеживается и по данным урбариев об увеличении ренты натурой и о появлении домена и барщины. Медленный, но постоянный рост роли отработок засвидетельствован локальными документами и (что главное) законом 1522 г., отразившим характерную для всего королевства ситуацию, когда зависимые крестьяне на землевладельцев "пашут и жгут, косят сено и наполняют их амбары, от чего эти дворяне получают ежегодно немало денег" [162, с.794]. Законы конца XV - начала XVI в. подтверждали обязательность внесения девятины зерна и вина. Субъективное же стремление частных феодалов к увеличению денежных доходов проявлялось, в частности, в увеличении размеров поштин и численности мыт в их имениях.

Натурализация ренты была характерна и для ее централизованных форм. Во второй половине XV в. значительно усилилось стремление государства увеличивать собственные доходы в деньгах за счет крестьян (введение новых денежных поборов, ликвидации налогового иммунитета множества имений, фактическое увеличение налога с 20 до 100 денариев). Но претензии королевской казны удовлетворялись едва ли наполовину из-за неспособности крестьян вносить денежные оброки. В отдельных случаях должностные лица заменяли их натурой, реализацию которой были вынуждены брать на себя, а также вводили дополнительные натуральные поборы.

Объективный процесс натурализации церковных десятин, отраженный законодательством, проходил в условиях, когда феодалы стремились к увеличению именно денежных доходов, но совокупная масса денежной ренты не могла вырасти. Своеобразной формой ренты натурой являлись поставки продовольствия и фуража войскам. Тяжесть эксплуатации

усугублялась грабежами воинов-наемников и враждовавших друг с другом феодалов. Наиболее ярким показателем разорения крестьянства был рост количества пустующих наделов.

Натурализация ренты являлась частью общей натурализации экономики королевства. Она наглядно проявлялась в упадке города к началу XVI в. В конечном счете незначительный удельный вес городского ремесленного населения (слабое развитие товарного производства) явился причиной неспособности крестьян вносить денежные платежи и натурализации ренты. В этом же нельзя не увидеть причины обращения феодалов к внешнему рынку. К началу XVI в. из королевства Венгрия выгонялись крупные партии скота в Италию, австрийские земли, в княжества Германии. За границу продавалось и вино. Феодалное государство использовало экспорт скота частными феодалами для пополнения казны за счет пошлин: закон 1498 г. запретил освобождение магнатов и дворян от уплаты пошлин со своих товаров, "которые дают им прибыль" [162, с.614]. Таким образом, часть феодалов к концу XV - началу XVI в. переходила к реализации доли ренты натурой для увеличения своих денежных доходов. Несомненно связь этого перехода с незначительным развитием товарного производства (слабым развитием городов).

Без учета всех этих моментов сформулирован вывод о том, будто "в Венгрии ко второй половине XV в. развитие феодальных аграрных отношений достигло приблизительно уровня, характерного для Западной Европы, ступени, соответствующей, в сущности, в качественном отношении западноевропейскому развитию"[504, с.74], будто для конца XV - начала XVI в. была характерна "линия прогрессивного развития венгерской истории" [с.138, 167]. Нельзя также согласиться с утверждением, что реализация на рынке произведенных зависимым крестьянством продуктов землевладельцами является их "включением в товарное производство", которое якобы "распространялось все шире" в Венгрии второй половины XV в.[391, с.318, 314].

Хозяйственный нажим на крестьянство "обеспечивался" ухудшением его правового положения, усилением его зависимости от землевладельцев. Со второй половины XV в. перераспределение крестьян между отдельными феодалами осуществлялось в форме не выхода их из имений, а как вывод (вывоз) землевладельцами крестьян. Это был шаг на пути к закрепощению, хотя наличие вывоза в известной степени сдерживало феодальный гнет.

Для эволюции вывода крестьян характерна тенденция к его ограничению. Степень зависимости крестьянина стала определяться условиями частнопроводного соглашения между двумя феодалами. Важным шагом на пути дальнейшего закрепощения крестьян явилось регулярное прекращение на определенные сроки их вывода для всего королевства, что соответствовало "заповедным годам" в России, во второй половине XV в. Это было связано с военными походами, в которых участвовала масса средне- и мелкопоместного дворянства. Издавались законы о возвращении прежним владельцам крестьян, выведенных без согласия этих владельцев - установление так называемых "урочных лет". С течением времени условия вывода были ужесточены, и этот акт превращался в покупку крестьянина. Известный закон 1514 г. [ст.25: 174, с.262, N 202], принятый после подавления крестьянской войны, запретил вывод крестьян королевства. Однако до 1492 г. (включительно) издавались и декреты, признававшие его в качестве средства перемещения крестьян из имений одних феодалов во владения других. Признание или запрещение вывода было связано с борьбой между магнатами и дворянством по крестьянскому вопросу: в существовании этой процедуры были заинтересованы магнаты, в прекращении - дворянство.

Ухудшение правового положения крестьянства было результатом расширения также судебной власти феодалов. Магнаты пользовались высшей юрисдикцией ("правом меча"). Начиная со второй половины XV в. учащаются свидетельства о перемещении крестьян отдельно от их наделов. Неудивительно, что современники оценивали положение крестьян отдельных местностей и всего королевства как "рабство". Данные о правовом положении крестьянства не позволяют признать основательность утверждения о "смягчении непосредственной личной зависимости" его в конце XV в. [469, с.22], как и тезиса об отсутствии снижения жизненного уровня и о благосостоянии выше прожиточного минимума [с.124], о неожиданном обострении социальных противоречий в начале 10-х годов XVI в. [с.125-126].

Крестьянская война 1514 г. как кульминационный пункт классовой борьбы вспыхнула в особых внутри- и внешнеполитических условиях в результате протеста крестьян на процесс ухудшения их жизни, развивающийся в течение XV - начала XVI в. Ей предшествовали локальные выступления крестьян отдельных общин, например, сексев - этнической группы

(субэтноса) венгров, сохранявших особый социальный статус. Изучение истории крестьянской войны вступило в новую фазу с выходом в свет издания современных ей документов [174], в свете свидетельств которых критически оцениваются сообщения авторов нарративных памятников XVI-XVII вв. Первая категория памятников позволяет воссоздать динамику крестьянской войны. Анализ тех же источников не позволил мне согласиться с версией об "идеологии" восставших [581, с.601-667]. Для их действий и устремлений характерны социально-психологические устремления, выражавшие их общественное сознание на обыденном уровне. Они были отражены в соответствующих разделах сочинений авторов XVI в. в обобщенном виде. Документальный же материал зафиксировал действия отдельных личностей и групп восставших - действия, в которых реализовывались их (иногда противоречащие друг другу) установки. Конкретные мероприятия восставших были многообразны, но и в них имелась объединяющая, определяющая их характер антидворянская направленность. Утверждение документов о том, что восстание было направлено против господствующего класса, является и свидетельством об их социально-психологических установках. В частности, в них имелась направленность и против правящего короля, и против "ига" денежных поборов, на достижение "свободы" от них. Цели уничтожения денежных повинностей и "рабского" (крепостного) положения осознавались массой восставших. Вероятнее всего, в общественном сознании восставших отсутствовали представления о будущем устройстве общества. Эти мои наблюдения относительно духовной стороны движения основаны на разграничении свидетельств документов о личном и общественном сознаниях, чего не делали мои предшественники, априорно принимая выражение взглядов личностей (или их действия) за выражение сознания ("идеологии" по их терминологии) массы [562, 564; с.396-399; 581, с.601-667; 365, с.271-287].

Обострение классовой борьбы, связанное с объективным процессом натурализации экономики, определяли судьбы всех слоев и классов венгерской феодальной народности.

Сведения об источниках

Нарративные памятники

Королевство Венгрия

1. Франческо Фонтано, врач, посол короля Венгрии в Павии. Сведения о доходах короля Матьяша в 1475 г., изложенные 10 мая 1476 г. Венг. пер. записи сведений в дневнике служащего миланской канцелярии Чикко Симонетто, изданного в 1961 г.: 413, с. 485; 414, с. 10.
2. Петр Ранзан (Пьетро Ранзано) (1420-1492 гг., с 1488 г. в Венгрии). Краткая история венгров (Краткая венгерская история с древнейших времен до 1485 г.) Лат. текст: 166, т. 1, с. 326-406; 152, т. 4, с. 116-276; 124. Рум. пер. отрывка: 297, с. 437-439. Сведения об авторе и его сочинении с библиографией изданий и исследований: 452, т. 1, с. 166-167; 297, с. 435-436; 352, т. 61; 328, с. 144-145.
3. Янош Туроци (около 1435-1488/1489 гг.). Хроника венгров, часть 4 (события 1386-1487 гг.). Лат. текст по изданиям, осуществленным 20 марта 1488 г. в Брно и 3 июня 1488 г. в Аугсбурге: 166, т. 1, с. 213-291; 117, с. 204-293. Венг. пер.: 118, с. 66-185; 119, с. 320-455. Рус. пер.: 112, гл. 195-262. Сведения о памятнике: 345, с. 281; 484, с. 81-199; 118, с. 7-37; 119, с. 457-473.
Коммент.: 485, т. 2, с. 223-435.
4. Антонио Бонфини (1434-1503 гг.). Четыре с половиной декады венгерской истории (написано после 1486 г.) (с древнейших

- времен до 1495 г.). Лат. текст: 121, с.529-750 (о 1458-1495 г.); 122, т.3, с.206-247; т.4, с.1-275 (о тех же годах). Венг.пер.части: 123; 172, с.99-290; Сведения о памятнике : 452, т.1, с.149-150; 123, с.7-64; 468. Рум. пер. отрывка : 297, с.482-483.
5. Иштван Чех. Завещание. Венг. текст: 127, с.186-187.
6. Валентин Цибелий (Балинт Хадьмаши) (около 1490 - после 1517 г.). Сочинения (Песни; Сочиненьице; 1509, 1517 гт.). Лат. тексты: 130 (о 1514 г.:с.24-25). Сведения об авторе и его сочинениях: 452, т.1, с.192. Изложение свидетельств: 562, с.487, 490. Венг. пер. отрывков: 171, с.446-458.
7. Стефан (Иштван) Таурин (Штирѳхсель) (около 1485 - 11 июля 1519 г.). Стауромахия, т.е. война крепостных крестоносцев (1514 г.) (с алфавитным указателем) (написано в 1517 г., впервые издано в Вене в 1519 г.). Лат. текст: 167, с.113-184; 131, с.1-48 (указатель: с.53-68). Венг. пер. отрывков: 205, с.121-141; 171, с.459-469. Рум. пер. фрагментов указателя: 297, с.158-161. Сведения об авторе и его сочинении: 452, т.1, с.191; т.2, с.79; 297, с.155-157; 378, 457, 458. Рус.пер.отрывков: 175, с.51-53.
8. Мартин из Нальсомбата (Трнавы), аббат-бенедиктинец. Сочиненьице для магнатов королевства Венгрии (первое изд.: Вена, 1523). Лат. текст: 132. Венг. пер. отрывков: 205, с.141-145; 171, с.499-528; 488. Библиография изданий и исследований: 452, т.1, с.194.
9. Аноним. О войне крестоносцев в королевстве Венгрия, 1514 г. (написано после ноября 1526 г.: 365, с.72). Лат. текст: 133. Краткая характеристика памятника: 442, с.371-372; 581, с. 611.
10. Иштван Бродарич (около 1470-1539 гт.), канцлер, епископ серемский. Речь посла короля Венгрии перед папой Адрианом VI и коллегией кардиналов, 4 сентября 1522 г. Лат. текст: 137, с.61-73.
11. Иштван Вербѳци (1458-1541 гт.), юрист, государственный деятель. Уложение (свод, труд) в трех частях об обычном праве королевства Венгрии (составл. в 1504-1514 гт., первое изд.: Вена, 1517). Сведения о памятнике: 452, т.1, с.192-194; 345, с.196; 380; 438; 594; 373, с.337-341; 263, с.132-142.
12. Аноним. Хроника или происхождение братьев-миновитов-обсервантов в провинции Боснии и Венгрии. Лат. текст: 180. Изложении свидетельств: 154, с.221, 225, 237; 977, с.417, прим.37.

13. Аноним-францисканец. Хроника (написана около 1535 г.). Отрывок: 175, с.340. Венг. пер. отрывка: 205, с.223.
14. Дьёрдь Сереме (около 1490 - около 1550 г.). Воспоминания о гибели королевства венгров (1484-1543) (написаны в 1546-1548 гг.). Лат. текст: 142, с.1-140. Венг. пер.: 143, с. 25-360. Сведения о памятнике: 345, с.198; 452, т.1, с.188-189, т.2, с.79; 595; 143, с.7-22; 396. Рус. пер. отрывков: 175, с.76-82.
15. Отрывок из бумаг Антала (Антон) Веранчича ("Анналы Веранчича") 1504-1566 гг. Венг. текст: 141, т.2, с.1-119; 145, с.7-125.
16. Иоанн Михаил Брут (Янош Михай Брут, Джанмикеле Бруто) (1517-1592 гг.). Венгерская история 1490-1552 гг. (написана после 1574 г.). Лат. текст: 146, т.1, 2, 3. Венг. пер. отрывков: 205, с.153-188; 170, с.1110-1111. Сведения о памятнике: 452, т.1, с.226-227; 345, с.199; 455; 590; 537; 406; 254. Рус. пер. отрывков: 175, с.59-61.
17. Миклош Иштванфи (1538-1615 гг.). Венгерская история, 1490-1606, 1606-1613 гг. Лат. текст: 147. Венг. пер.: 148, 149. Сведения о памятнике: 149, с.7-34; 452, т.1, с. 227-228; 402; 427. Рус. пер. отрывков: 175, с.61-76.

Другие страны

18. Донесение папского нунция о состоянии и доходах королевства Венгрии, без даты. Лат. текст: 157, т.2, с.13-32 (под 1463 г.) Ит. текст: 393, ч.2, с.6-17 (под 1480 г.). Обоснование датировки 1463 г. (началом 60-х годов XV в.): 465, с.515-516; 411, с.364-365.
19. Себастиано Будуарио, посол Венеции. Донесение о войске королевства Венгрия, 1479 (или 1475 г.). Ит. текст: 316, с. 762-764. Венг. пер.: 251, с.110-111. Изложение и анализ: 524, с.123-128; 527, с.315; 528, с.114.
20. Марино Сануто (Санудо) Младший (22 июня 1466 - 1536 гг.?), венецианский историк. Всемирная хроника, или Дневники (1 января 1494 - сентябрь 1533 гг.). Ит. текст: 591; свидетельства о Венгрии: 1494-1426 гг. - 285, т.1-3. Изложение свидетельств: 370.
21. Франческо де ля Зуэка, посол Венеции в Венгрии. Донесение,

- 1500 г. Ит. текст и венг. пер.: 299, с.1-11.
22. Пьер Шок де Бретань. Описание пути принцессы Анны Капдальской (будущей жены короля Уласло II) от Сеня до Буды, 1502 г. Фр. текст: 306, с.97-113. Изложение свидетельств: 388,
23. Иоганн Куспиниан (Шписсхаймер)(1473-1529). Дневник за 1502-1527 гг. Лат. текст: 287. Сведения об авторе и его сочинениях: 351; 452, т.1, с.195.
24. Себастиан Зустиньян, посол Венеции в Венгрии. Донесение, 1503 г. Ит. текст и венг. пер.: 299, с.X-XI. Перечень других публикаций: 299, с.21.
25. Зуан Бадоэр, посол Венеции в Венгрии. Донесение: 1504 г. Ит. текст и венг. пер.: 299, с.XII.
26. Антонио Суриано, посол Венеции в Венгрии. Донесение, 1504 г. Ит. текст и венг. пер.: 299, с.XIII-XXIII.
27. Янус Виталис Панормитанский. О крестовом походе венгров (составлено 13-30 ноября 1514 г. в Риме). Лат. текст: 174, с.242-245, N 200 (перечень публикаций: с.242); 286. Оценка: 365, с.71, 94; 581, с.611.
28. Рикардо Бартолини из Перуджи, секретарь гурьского кардинала Матвея. Описание путешествия... кардинала Матвея. Изд. в Вене в 1515 г. Лат. текст: 297, л.52-53. Венг. пер. отрывка: 205, с.108. Сведения о памятнике: 451, с.460-461.
29. Иоанн Куспиниан (Шписсхаймер), врач, дипломат, неоднократно посол императора Максимилиана в Венгрию. Дневник... о съезде императора Максимилиана I с королями Венгрии, Чехии и Польши. Лат. текст: 288; 197, с.280-302.
30. Алуизе Бон, посол Венеции в Венгрии. Донесение, 1519 г. Ит. текст и венг. пер.: 299, с. XXIV-XXXVI.
31. Франческо Массаро, секретарь посла Венеции в Венгрии. Донесение, 1 мая 1520 г. Ит. текст: 285, т.3. Рум. пер.: 297, с.166-169.
32. Франческо Массаро. Донесение: 5 октября 1525 г. Ит. текст: 285, т.3, с.278-298. Ит. текст и венг. пер.: 299, с. XLVII-LXVI. 297, с.169-170. Изложение свидетельств: 370, с.25-26. Сведения о памятнике: 297, с.162-165.
33. Людовико Туберо (Цервио) (1455-1527 г.), дубровчанин. Комментарии к событиям (деяниям) своего времени (1492-1522). Лат. текст: 283. Венг. пер. отрывков: 205, с.109-119. Изложение свидетельств: 577. Сведения о памятнике: 452, т.1, с.188;

- 416; 328, с.109-110, 153. Рус.пер.отрывков: 175, с.53-59.
34. Лоренцо Орио, посол Венеции в Венгрии. Донесение, 1523 г. Ит. текст и венг.пер.: 299, с. XXXVII-XLVI.
35. Антонио Бурджо, папский нунций в Венгрии. Донесения, 1523-1426 гг. Лат.текст: 257, с.3-24, 29, 31, 34-37, 55-60. Венг. пер. фрагментов: 173, с.9-124; 184, с.181-244.
36. Лоренцо да Кампеджо, кардинал. Донесения из королевства Венгрии, 1524-1525 гг. Ит. текст: 257, с.24-29, 31-33, 37-55. Венг.пер.донесения от 18 июня 1525 г.: 173, с.17-18.
37. Винченцо Гвидото, посол Венеции в Венгрии. Донесение, 1525 г. Ит.текст и венг.пер.: 299, с. LXXIX-LXXXV; 184, с.164-176. Текст и сведения о памятнике: 400.
38. Сигизмунд (Зигмунд), барон Герберштейн (фон Герберштейн) (1486-1566 гг.). Автобиография. Нем.текст: 281, 282. Венг. пер. свидетельств: 296. Изложение свидетельств: 530.
39. Паоло Джовио (Паулус Иовий) (1483-1552). Сорок пять книг историй своего времени (о событиях 1494-1547 гг.: опубликовано в 1550-1557 гг.) Лат. текст: 290, т.1-2. Изложение свидетельств: 374; 540.
40. Даниэле Барбаро (1514-1570 гг.), аквилейский патриарх (с 1550 г.). Венецианская история, 1512-1514 гг. (сведения о событиях в Венгрии на основе сообщений посла Венеции Антонио Суриано: 598, с.1053). Ит.текст: 291. Венг. изложение сведений о событиях 1514 г. в Венгрии: 175, с.338-339.
41. Махмуд Терджюман (Махмуд-переводчик). История венгров (с древнейших времен до 30-х годов XVI в.) - турецко-османский пер. неизвестной латиноязычной хроники королевства Венгрии, сделанный перед 1514 г. Венг.пер. памятника: 294; с. 31-375. Сведения о памятнике: с.5-29.
42. Здепек Лев из Рожмиталя и Блатны, главный бурграф Праги. Письма 1508-1532 гг. Чеш.текст: 307.

Документальные источники

Королевство Венгрия

43. Король Ласло V - Яношу Хуньяди, 30 января 1453 г. Лат.текст:

- 248, т.10, с.347-356. Венг.пер.: 251, с.88-92.
44. Грамота короля Уласло II, подтверждающая условия его избрания, 31 июля 1490 г. Лат. текст и венг. пер.: 162, с.473-481. Венг. пер.: 182, с. 146-149.
45. Договор между Уласло II и римским (немецким) королем Максимилианом, 7 ноября 1491 г. Лат. текст: 359, с. 154-157.
46. Жалоба общности секеев, конец 1492 г. Лат. текст: 393, ч.3, с.41-47.
47. Грамота с изложением условий договора от 20 марта 1506 г. между Уласло II и Максимилианом I. Лат. текст: 181, с.333-336.
48. Приходо-расходные книги Эстергомской архиепископии: расходы за 1487 г., 1489-1490 и 1497 гг., приход за 1487-1491, 1493-1495 гг. Описания лат. и ит. оригиналов: 499, 500. Изложение и анализ свидетельств за 1488-1490 гг.: 411, с.114-137, 478-493.
49. Опись доходов короля Уласло II, 1490 г. Лат. текст: 125, с. 168-169.
50. Счетная книга двора (хозяйства) эгерского епископа Тамаша Бакоца за 1493-96 гг. Лат. текст: 120. Изложение свидетельств: 448.
51. Опись королевских доходов, составленная печским епископом, казначеем Жигмондом Эрнустом, за 1494 и 1495 гг. Лат. текст: 393, ч.1, с. 20-39 (1494 г.), 130-149 (1495 г.). Изложение содержания: 349, с.10-39; 534; 394, т.4, 5; 547, с.380-383; 493, 494.
52. Счетные книги Дьёрского капитула, 1495-1528 гг. Изложение свидетельств: 211.
53. Письмо итальянского скототорговца о выгоне из Венгрии быков и о местах сбора пошлин, 10 февраля 1515 г. Ит. текст и комментарий: 584, с. 147, 144-149; 217, с.442. О датировке: 463, с.436.
54. Урбарий шести деревень при замке Сарвкё (Хорнштгейн), б.д. (1448 г.). Нем. текст: 116, с.211-215.
55. Урбарий старо- и новопоселенцев имения Моньорош монастыря св. Креста павликианцев на острове Бодрог в комитате Баранья, 16 сентября 1459 г. Лат. текст: 151, 15 416-153. Изложение: 320, с. 117. О 2 днях барщины в год: 504, с.48.
56. Урбарий восьми деревень в комитате Зала, 1460 г. Лат. текст:

- 113, с.129-138.
57. Урбарий четырех деревень в комитате Пожонь, 1465 г. Изложение содержания неопубликованного документа (нынешнее местонахождение которого неизвестно): 320, с. 117. О коммутации барщины: 508, с. 280.
58. Урбарий жителей местечка Кипварда (грамота землевладельца, изданная по жалобе местечка), 26 марта 1468 г. Лат. текст: 208, т.10, с.446-447. Венг. пер.:182, с.325-327.
59. Урбарий имений пяти замков в комитатах Баранья, Вересе и Серем (опись обычных и сверхобычных денежных платежей с указанием имен тысячи крестьян), 1469 г. Лат. текст: 115, с. 238-242, 360-363. *
60. Урбарий округа (провинции) и местечка Сисек (совр. Сисак, Хорватия) - грамота Загребского капитула, 1470 г. Лат. текст: 250, с.38-45.
61. Записи о доходах и расходах имения Кишварда, 1470-1471 гг. Лат. текст: 208, т. 11, с. 67-75, 75-79. Венг. пер.: 182, с.225-231. Сведения о 3 доменах: 504, с.47.
62. Урбарий 15 населенных пунктов Матьюша Мароти в комитатах Валко и Чоград, 1476 г. Лат. текст: 151, 36 993 - 153. Об отсутствии домена: 504, с.47. О памятнике как о первом урбарии: 477, с.120.
63. Урбарий имений Эгерской епископии вместе с Бельхаромкутским аббатством (1 местечко и 55 деревень), 1476 г. Лат. текст: 151, 37 008 - 153. Об отработках лишь в 3 деревнях: 504, с. 47, 48. О том, что это "первый урбарий лишь с указанием повинностей": 477, с.121.
64. Урбарий жителей местечка Сегед, 1477 г. Лат. текст: 241, с. 75-78. Изложение свидетельства о замене поставок вина деньгами: 508, с.280.
65. Урбарий деревни Эдед в комитате Хонт (грамота Бозокского пробрства и конвента), 21 октября 1478 г. Лат. текст: 151, 71 235 - 153.
66. Урбарий имений замка Шемпте (словацк. Шинтава) в комитате Пожонь (пять местечек и шестнадцать деревень), без даты (около 1480 г.). Лат. текст: 151, 36 995, л.1-7 -153. Изложение части свидетельства: 320, с.118. Об отработках лишь в двух имениях: 504, с.49.
67. Урбарий деревни Брестье загребского капитула (комитат Заграб), 31 августа 1481 г. Лат. текст: 250, с.55.

68. Урбарий деревни Карако павликианского монастыря в Надъважони, ок. 1483 г. Лат. текст: 151, 20 903 - 153. Изложение свидетельства о денежной ренте: 508, с.299.
69. Урбарий пяти сел в комитате Бодрог, без даты (около 1484 г.). Лат. текст: 208, т.12, с.315-317. Изложение свидетельства о замене "приношений" деньгами: 504, с.316, 317; 508, с.295, 320, примеч. 40. Об отсутствии домена: 504, с.47,49.
70. Урбарий пяти сел Миклоша Вардаи в комитате Бодрог, без даты (около 1484 г.) - общие суммы денег с села. Лат. текст: 208, т.12, с.318-319.
71. Урбарий шести имений замка (?) Кембли в комитате Тольна, 1484 г. Лат. текст: 151, 67 855a - 153.
72. Урбарий имений Яноша Вардаи (12 деревень в комитатах Хонт, Барш и Фейер), 1486 г. Лат. текст: 208, т.11, с.428-442. О барщине на пустоши одной деревни: 504, с.47.
73. Урбарий местечка Теке (рум.Тяка) в комитате Колож (грамота землевладельца, изданная по просьбе крестьян), 29 октября 1486 г. Лат. текст: 248, т.12, с.337.
74. Урбарий имений Дьёрдя Канижаи при замке Лека (одно местечко, 10 деревень в комитатах Шопрон и Ваш), 1492 г. Лат. текст: 151, 36 996, л.1-8, 1-6 (две копии) - 153. Ср.: 102.
75. Урбарий имений Дьёрдя Канижаи при замках Шарвар и Капувар (пять местечек и 34 деревни в комитатах Ваш и Шопрон), 1492 г. Лат. текст: 151, 36 992, л.1-16 - 153. Венг. пер.: 182, с. 234-268. Ср.: 93, 102.
76. Урбарий имений замка Канижа в комитатах Шомодь и Зала (35 деревень и три местечка), 1493 г. (две копии). Лат. текст: 151, 36 997 - 153.
77. Урбарий девяти населенных и девятнадцати пустующих наделов крестьян имения Эздеге в комитате Нитра, 1497 г. Лат. текст (с венг. словами): 151, 59 861 - 153.
78. Урбарий имений замка Торна, 1497 г. Лат. текст: 151, 37 169.
79. Урбарий семи деревень в комитатах Хонт и трех в комитатах Барш, без даты (начало XVI в.). Лат. текст: 151, 48 305 - 153.
80. Урбарий трех округов замка Хуньяд (рум.Хунедоара) в комитате Хуньяд, нач. XVI в. Лат. текст: 488, т.3, с.505-507; 233, с. 150-152; N 29.
81. Урбарий имений замка Хуньяд (рум. Хунедоара) в комитате

- Хуньяд, начало XVI в. Лат. текст: 237, т.3, с.507-511; 233, с.146-150, N 28.
82. Урбарий 14 деревень при замке Капувар, около 1500 г. Лат. текст: 151, 36 994, л.1-8 - 153.
83. Урбарий деревень в комитате Ваш, около 1500 г. Лат. текст: 151, 37 002.
84. Урбарий имения Шемпте (словацк. Шинтава), 1500 г. Лат. текст: 151. 37 002.
85. Урбарий имения Шемпте (словацк. Шинтава) 1501 г. Лат. текст, 151, 34 994.
86. Урбарий деревень Полгарди и Батьян, 1502 г. Лат. текст: 151, 104 125. *
87. Урбарий 9 деревень замка Терчвар (нем. Тердбург, рум. Бран) - опись доходов и расходов, 1504-1513 гг. Лат. текст: 215, т.1, с.32-173. Изложение свидетельств: 522, т.2, с.624-673.
88. Урбарий местечка Вагбестерце (словацк. Поважска Бистрица) в комитате Тренчен землевладельца Янопа Подманицки - грамота судьи и совета местечка, обращенная к землевладельцу, 9 января 1506 г. Лат. текст 151, 36 988 - 153.
89. Урбарий деревни Карако надъважонского капитула павликианцев - жалоба крестьян с перечнем повинностей, 4 июня 1506 г. Лат. текст: (два экземпляра): 151, 21 571/1-2. Изложение: 320, с.125. Ср.: 68.
90. Урбарий имения Сентдёрдь в комитате Керещ, 1506 г. Лат. текст: 151, 94 665 - 375.
91. Урбарий имений братьев Канижаи при замках Шарвар и Лека - решение судей об уточнении раздела крестьян между ними, 1506 г. Лат. текст: 151, 37 005 - 153 (жалоба крестьян деревни Кехалом о требовании землевладельцем денег за выпас свиней в лесу).
92. Урбарий (статут) владов замка Фогараш (рум. Фэгараш); 1508 г. Лат. текст: 225, с.243-248. Изложение: 522, т.2, с.1-6.
93. Урбарий имений замка Капувар, 1507 г. Лат. текст: 151, 36 983. Ср.: 75, 102.
94. Урбарий имений Ласло Канижаи в комитатах Зала и Шомодь, 1512 г. Лат. текст: 151, 36 998 - 153. Ср.: 76, 102.
95. Урбарий имений замка Шоймош (рум. Шоймуш) - подсчеты доходов за 1513 г., составленные в 1514 г. Изложение и анализ нем. текста: 522, т.2, с.24-28.

96. Подсчеты доходов с имений замка Хуньяд, 1516-1517 гг. (комитат Хуньяд). Лат. текст: 237, с.498-503 (ошибочно под 1514, 1516 гг.); 233, с.17-24, N 6; с.24-25, N 7. Изложение: 522, т.2, с.29-51.
97. Урбарий деревни Тотфалу павликианского монастыря Бойч: перечень повинностей с крестьянского падела, установленных по жалобе крестьян приором ордена павликианцев, 1515 г. Лат. текст: 151, 22 646 - 153.
98. Урбарий имений замка Хуньяд (рум.Хунедоара) - подсчеты 1516-1518 гг. Лат.текст: 233, с.35-41, N 8. Изложение: 522, т.2, с.29-51.
99. Урбарий: села влахов около местечка Бестерце (рум.Бистрица), 1518-1521 гг. Лат. текст: 418, с. 75-77.
100. Урбарий имения замка Онод в комитате Боршод (перечень девяти зерна), 1519 г. Лат.текст: 151, 26 202 - 153.
101. Урбарий имений замка Дьюла в комитате Бекеш - подсчет доходов и расходов, 24 апреля 1519 г. Лат. текст: 204, с.74-75. Изложение: 522, т.1, с.86-90.
102. Урбарий имений Ласло Канижаи: часть 1 - 1523 г., части 2-11 - 1519 г. Лат. текст: 151, 37 007, л.1-354 - 153.
103. Урбарий имений при замке Кипшварда, без даты (1521 г.). Лат. текст: 208, т.12, с.344-364.
104. Урбарий имений при замке Болондоц (словацк. Бецков) в комитате Тренчен, 1522 г. Лат. текст: 185, с.41-58.
105. Урбарий зависимых крестьян местечка Чеспрег в комитате Шопрон, не имеющих лошадей или быков, 1523 г. Лат.текст: 151, 26 304 - 153
106. Урбарий имений веспремского епископа (более 70 деревень и местечек), 27 июня - 22 июля 1524 г. Изложение: 428.
107. Урбарий имений при замке Сеньер в комитате Шомодь, 15 июня 1524 г. Лат. текст: 136, с.27-35.
108. Урбарий имений Ласло Банфи в Нижней Лендвэ, май 1524 г. Лат. текст: 151, 37 00, с.1-5, с. 1-288.
109. Урбарий имений замка Дьюла в комитате Бекеш - счетная книга за 1524-27 гг., составленная в конце 1527 г. Лат. и нем. тексты: 207, с.98-106. Изложение: 522, т.2, с 87-98.
110. Урбарий имений замка Вилагошвар (рум. Пиррия) в комитате Заранд, 1525 г. Лат.текст: 151, 37 000 - 153; 140, с.50-102. Сведения о памятнике, изложение содержания: 140,

с.37-40; 522, т.2, с.67-84.

111. Урбарий имения замка Дьюла в комитате Бекеш (3 местечка, 47 деревень), 2 февраля 1525 г. Нем. текст: 204, с.87-90.
Изложение свидетельств: 522, т.2, с.85-90; 506, с.11; 508, с.289-290, 307, 322, примеч. 89.

Библиография

I. Издания источников

1. Королевство Венгрия

Отдельные памятники

112. Янош Туроци. Хроника венгров: (Венгерская хроника) / Пер. Д.А.Дрбоглава. (Рукопись). М., б.г.
113. Homokkomár, Matéshaza... Zala megyei falvak tartozékai határjárása 1460-ban / Közli B. L. Kumorovitz // Ethnographia. Bp., 1958. N 1. 129-138. l.
114. Păclișanu Z. Un registru al quinquagesimei din 1461 // Fraților A. și I.I. Lăpedatu. Buc., 1936. P.595-603.
115. Ötszáz éves hiradás a szlavóniai magyarságról / Közli G. Török // Magyar Nyelv. Bp., 1961. N 2. 236-242. l.; N 3, 360-363. l.

116. Szarvkö várának bevételei és kiadásai 1448 / Közli K. Tagányi // Magyar Gazdaságtörténelmi Szemle. Bp., 1895. 211-215.l.
117. Johannes de Thurocz. Chronica Hungarorum. I. Textus / Ed. E. Galántai, J. Kristó. Bp., 1985.
118. Thuroczi Janos. Magyar krónika / Ford. es jegyz. ell (187-202.l.) L. Geréb. A szöveget átnézte es a bevezetést (7-37. l.) írta T. Kardos. Bp., 1957 (1382-1487: 41-185.l.).
119. Thuróczy János. A magyarok krónikája / Ford. J. Horváth (13-455.l.). Bp., 1978 (Horváth J. Utószó: 457-473.l.; Horváth J., Boronkai I. Jegyzetek: 475-564.l.).
120. Bakócz-codex vagy Bakócz Tamás egri püspök udvartartási számadáskönyve 1493-6. évekből... / Közli K. Kandra // Adatok az egri egyházmegye történelméhez. Eger, 1882. 2.k. 333-452.l.
121. Antonii Bonfinii Rerum ungaricarum decades quatuor cum dimidia. Basileae, 1568.
122. Antonius de Bonfinis. Rerum Ungaricarum Decades / Ed. I. Fogel, B. Iványi, L. Juhász. Lipsiae, 1936. T. 1-3; Bp., 1941. T. 4, pars 1; Bp., 1976. T. 4, pars 2 (Appendix: P. 11-102; Fontes: P. 107-152; Index: P. 161-285) / Ed. M. et P. Kulcsár.
123. Bonfini. Mátyás király. Tíz könyv a Magyar történetből [dec. III, lib. 9, 10 - dec. IV, lib. 8]. Latinból ford. L. Geréb. Bev. (7-64.l.) es jegyzeteket (347-354.l.) írta T. Kardos. Bp., 1959.
124. Ransanus Petrus. Epithoma Rerum Hungararum id est Annalium omnium temporum liber primus et sexagesimus. Curam gerebat P. Kulcsár. Bp., 1977.
125. II. Ulászló jövedelmeinek jegyzéke / Közli L. Fejérfataki // Történelmi Tár. Bp., 1880. 167-170.l. (Per dominum... super proventus...: 168-169.l.).
126. Szabó K. Egy adat Dózsa György életére // Századok. Bp., 1876. 18-21.l. (19.07.1507: 20-21.l.).
127. Jakó Zs. Rödi Cséh István végrendelete 1507-ből // Nyelves Irodalomtudományi Közlemények. Cluj, 1962. N 1 184-187. l.
128. Kemény L. Kassa város gabonatisztjének (Getreidherren) számadása az 1412-ik évről // Magyar Gazdaságtörténelmi Szemle. Bp., 1903. 454-455.l.

129. Gündisch G., Binder P. Frământări în Trasilvania în preajma războiul țărănesc din 1514. Răzvrătirea lui Ioan Secuial // Studii. Revista de istorie. Buc., 1967. N 2. P.289-305 (Documente, 1513: P. 303-305).
130. Cybeleius, Valentinus Varasdiensis. Opera. Carmina et opusculum de laudibus et vituperio vini et aquae / Ed. M.Révész. Bp., 1939.
131. Stephanus Taurinus Olomucensis. Stauromachia id est cruciatorum servile bellum (servilis belli Pannonici libri V) / Ed. L.Juhász. Bp., 1944.
132. Martini Tirnavinis Opusculum ad regni Hungariae proceres. (Vindobona, 1523).
133. Adalék az 1514-iki porlázadáshoz és az 1526-iki Mohács vészhez / Közli J.Kluch //Történelmi Tár. Bp., 1905. 272-278.l. (De bello cruciferorum in visceribus Regni Hungariae patrato et exorto: P. 272-275; De infelici conflictu Georgii Siculi... P. 275-276; De obsidione castris Nandoralbens...: P. 276-277; De primo introitu Thurcorum ...: P. 277-278).
134. Werbőczy István Hármaskönyve. Bp., 1897. (Corpus Iuris Hungarici).
135. Bács-Bodrog és Csongrád megye dézsmalajstromai 1522-ből / Közli I.Szabó. Bp., 1954.
136. A Szenyéri uradalom urbariuma, 1524 / Közli A.Fekete Nagy. // Agrártörténeti Szemle. Bp., 1957. 1.k. N 1/2. 26-36.l.
137. Stephanus Brodericus. De conflictu hungarorum cum Solymano turcarum imperatore ad Mohács historia verissima / Ed. P.Kulesár (p. 21-59). - Oratio ad Adrianum pontificem maximum / Ed. Cs.Csapodi (p. 61-73). Bp., 1985 (Kulesár P. Introductio: p.9-19).
138. Brodaries István. Igaz leírás a magyaroknak a törökökkel Mohácsnál vívott csatájáról / Ford. (9-58.l.) T.Kardos. Az előszót (3-7. l.) és a jegyzeteket (59-70.l.) írta G.Szigethy. Bp., 1983.
139. II. Lajos király szamadási könyve / Szerk. V.Fraknoi // Magyar Történelmi Tár. Bp., 1896. 19.K.
140. Prodan D. Domeniul cetății Șiria la 1525 // Anuarul Institutului de istorie din Cluj. 1960. T. 3. P.37-102.
141. Veranesics Antal Összes munkái / Kiadta L.Szalay. Pest, 1857. 2.k.; 1859. 4.k. (Monumenta Hungariae Historica.

- Scriptores; Vol. 3, 5).
142. Szerémi György Emlékfrata Magyarország romlásáról, 1484-1543 / Közli G.Wenzel. Pest, 1857. (Monumenta Hungariae Historica. Scriptores; Vol. 1).
143. Georgius Sirmiensis. De perditione regni Hungarorum.- Szerémi György. Magyarország romlásáról / L.Erdélyi fordítását átdolgozta L.Juhász. A bevezetést (7-22.l.) és a jegyzeteket (291-308.l.) írta Gy.Szekely. Bp., 1961; 2. Kiad.: Bp., 1979.
144. Heltai Gaspar. Krónika az magyaroknak dolgairól. Bp., 1981.
145. 1504-1566: Memoria rerum: A Magyarországon legutóbbi László király fának legutóbbi Lajos királynak születése óta esett dolgok emlékezet (Verancsics-évkönyv) // Sajtó alá rendezte, az utószót (127-148.l.) és a jegyzeteket (151-184.l.) írta J.Bessenyei. Bp., 1981 (Text: 7-125.l.).
146. Ioannis Michaelis Bruti Ungaricarum libri qui exstant.- Brutus János Mihály... Magyar historiájá, 1490-1552 / Közli F.Toldy. Pest, 1863. T.1 (1490-1516); 1867. T.2 (1516-1537). (Monumenta Hungariae Historica. Scriptores; Vol. 12, 13).
147. Nicolai Istvánfi Pannoni Historiarum de rebus Ungaricis libri XXXIV. Coloniae Agrippinae, 1622.
148. Istvánffi M. Magyarország története, 1490-1606 / Ford. Gy.Vidovich. Debrecen. 1867-1871. 1-2. K.
149. Istvánffi M. A magyarok történetéből / Ford. L.Juhász. Val.,bev. (7-34.l.), Jegyz. Gy.Szekely. Bp., 1962.
150. Benda K. Istvánffi Miklós levele 1605-ből // Irodalomtörténeti Közlemények. Bp., 1967. 187-190.l. (...literae: 188-9, 189-190.l.).

Собрания источников

151. Országos Levéltár (Budapest), Diplomatikai Osztály.
152. Egy 1526. előtti ismeretlen kéziratot formúlás könyv [OL. DI 39 101] / Közli B.Iványi // Történelmi Tár. Bp., 1904, 481-538.l. (Forme sub stylo quorumquunque capitulum, 491-538.l., N 1-97); 1905, 32-41.l. (N 198-217).
153. A magyarság kulturális élete a XV. században kéziratot adattára / Szerk. M.Belényessy.

154. Szűcs J. A ferences obszervancia és az 1514. évi parasztháború. Egy kodex tanúsága // Levéltári Közlemények. Bp., 1972. N 2. 213-261.l. (Függelék; 1514-1515: 257-260.l., N 1-6).
155. *Leges ecclesiasticae regni Hungariae et provinciarum adiacentium* / Ed. I. Batthyány. Albae Carolinae, 1785. Vol. 1; Claudiopoli, 1827. Vol. 2, 3.
156. *Vestigia comitorum apud Hungaros* / Ed. M.G. Kovachich. Budae, 1790.
157. *Supplementum ad vestigia comitorum apud Hungaros*. Budae, 1798-1800. Vol. 1-2.
158. *Monumenta veteris legislationis hungaricae* / Ed. I.N. Kovachich. Claudiopoli, 1815. Vol. 1; Zagrabiae, 1815. Vol. 2.
159. *Sylloge Decretorum Comitiorum incliyti Hungariae* / Ed. J.N. Kovachich. Pestini, 1818.
160. *Formulae solennis styli* / Ed. M.G. Kovachich. Pest, 1799.
161. *Sammlung kleiner, noch ungerückter Stücke* / Hrsg. M.G. Kovachich. Ofen, 1805.
162. *Corpus Iuris Hungarici: Magyar Törvénytar, 1000-1526. évi törvénycikkek*. Bp., 1899.
163. *Decreta Regni Hungariae. Gesetze und Verordnungen Ungarns, 1301-1457* / Coll. ms. Dory F., ad. auxerunt, comment. not. ill. G. Bónis, V. Baćskai. Bp., 1976.
164. Szerémi György. *A mohácsi vész kora* / Ford. L. Erdélyi, Szeged, 1941. (Erdélyi-Szerémi. Mohács, I) (1514-46-50, 51-55.l.).
165. *Das Ofner Stadtrecht: Eine deutschsprachige Rechtssammlung des 15. Jahrhunderts aus Ungarn* / Hrsg. K. Mollay. Bp., 1959. (Einleitung: S. 7-31; Text: S. 33-205, §§ 1-445; S. 204: 24.04. 1503).
166. *Scriptores Rerum Hungaricarum veteres as genuini* / Cura et studio J.G. Schwandtneri. Vincobonae, 1746. T. 1, 2; 1748. T. 3.
167. *Monumenta Ungrica* / Ed. I. Chr. Engel. Viennae, 1809.
168. *Comides-kodex: Hasonmás és kritikai szövegkiadás (1514-1519)* / Jegyz. és tanulm. (7-21, 787-818.l.) kísérve közzeteszi A. Bognar, F. Levardy. Bp., 1967 (660.l.: 10.06.1514).
169. *Magyar humanisták levelei, 15-16 század* / Válog., bev. (Humanisták levelek levélfő humanisták, kb. 1440-kb. 1540: 5-50.l.) és jegyz. Öll. S. V. Kovács. Bp., 1971.

170. Humanista történetírók / A vál., a szöv. és a jegyz. (1041-1048.1.), utószó (1155-1195.1.) P.Kulcsár munkája, M.Kulcsár. közrem. Bp., 1977.
171. A Renaissance Magyarországon / Vál. es jegyz. ell. T.Kardos. Bp., 1961. (Kardos T. Bevezetés: 5-92.1.).
172. A Hunyadiak kora / Vál., a szöv. (302-336.1.) összeáll. és utószót (291-301.1.) írta P.Kulcsár. Bp., 1981.
173. Mohács Magyarországa. Burgio pápai követ jelentései / Ford. E.Bartoniék. Bp., 1926.
174. Monumenta rusticorum in Hungaria rebellium anno 1514 / Maiorem partem coll. A.Fekete Nagy / Ed. V.Kenéz et L. Solymosi atque in vol.red. G.Érszegi. Bp., 1979 (Monumenta: P.25-588, N 1-426).
175. Гусарова Т.П. Венгерская деревня конца XV - середины XVI века и крестьянская война 1514 года. Источники и материалы: Учебно-методическое пособие. М., 1990.
176. Glück M., Kovách G., Dörner E. Contribuții noi la răscoala populară din 1514 // Studii și materiale de istorie medie. Buc., 1957. Vol. 2. P.431-448.
177. Dörner E., Kovách G. Documente ale fondului Brandenburg cu privire la campania lui Gh.Doja în valea Mureșului // Studii. Revistă de istorie. Buc., 1964. N 3. P.495-518 (Text: P. 501-518).
178. Pascu Șt. Contribuții noi privitoare la răscoala țaranilor din 1514 în Transilvania // Ibid. Buc., 1955. N 5/6. P. 91-112 (Documente, 1514: P. 98-107).
179. Érszegi G., Kenéz G., Solymosi L. Az 1514-es magyarországi parasztháborúra vonatkozó források a Zichy-család levéltárából // Századok. Bp., 1972. N 4/5. 1013-1042.1.
180. Analecta Monumentorum Hungariae // Ed. F.Toldy. S.I., S.a.
181. A Magyar Történet Kútjainak Kézikönyve / Szerk. H.Marczali. Bp., 1902.
182. Szöveggyűjtemény Magyarország történetének tanulmányozásához / Szerk. E.Lederer. Bp., 1964. 1.r. (1000-1526).
183. Iványi B. A tiszaluczi vám bevételei és azok felhasználása, 1516-1520-ig (Bevezetésül a tiszaluczi rév-és vámjog története // Magyar Gazdaságtörténelmi Szemle. Bp., 1906. 1-54. (Függelék, 1456-1518: 51-54. (N 1-4).
184. Mohács emlékezete: A mohácsi csatára vonatkozó legfonto-

- sabb magyar, nyugati es török források: A csatahely régészeti feltárasának eredményei. Bp., 1976.
185. Urbare feudálnych panstiev na Slovensku / Sast. R.Marsina, M.Kušik. Bp., 1959. D. 1 (16. st.).
186. Komáromvármegye levéltárának középkori oklevelei, 1276-1526 / Kiadja Gy.Alapi. Komárom, 1917.
187. Szilágyi Erzsébet oklevelei / Közli L.Anyos // Levéltári Közlemények, 1927. Bp., 1928. 59-82, 240-258.l.
188. A római szent birodalmi gróf Széki Teleki-család oklevéltára / Összeáll. S.Barabás. Bp., 1895. 1 k. (1206-1437). 2.k. (1438-1526).
189. Székely Oklevéltár, 1219-1776 / Közzéteszi S.Barabás. Bp., 1934 (Magyar Történelmi Társ., 28.k.).
190. Bártfai Szabó L. A sárvár felsővidéki gróf Széchenyi család története. Bp., 1911. 1.k. (Oklevéltár; 1252-1732: 485-742. l.).
191. Oklevéltár a gróf Csáky család történetéhez / Összegyűjt. L.Bártfai Szabó. Bp., 1919. 1.k. 1.r. (1229-1499); 2.r. (1500-1919).
192. Pest megye történetének okleveles emlékei, 1002-1599-ig / Szerk. L.Bártfai Szabó. Bp., 1938.
193. Az erdélyi káptalan levéltára Gyulafehérvárról / Kozli A.Beke // Történelmi Társ. Bp., 1890. 130-154. l. (1395-1493); 360-366. l. (1493-1503); 1891, 109-138.l. (1503-1819); 1892, 433-512.l. (1269-1360); 635-650.l. (1364-1481).
194. A kolosmonostori konvent levéltára / Közli A.Beke // Történelmi Társ.Bp., 1897, 339-360.(1417-1461); 496-512.l. (1461-1494); 733-743.l. (1494-1517); 1898, 151-166.l. (1517-1553); 343-356.l. (1554-1628).
195. Békefi R. A pilisi apátság története. Pecs., 1891. 1.k. (Oklevéltár, 1184-1541).
196. Békefi R. A pásztói apátság története. Bp., 1898. 1.k. (1190-1702: 251-679.l.).
197. Apparatus ad historiam Hungariae, sive collectio miscella / Conquisivit M. Bel. Posonii, 1735.
198. Wagner C. Petri de Warda...archiepiscopi Epistolae... (1490-1498). Posonii; Cassowiae, 1776.
199. Oklevéltár a Tomaj nemzetségbeli Losonczy Bánffy család történetéhez / Szerk. E.Varjú, B.Iványi. Bp., 1908. 1.k.

- (1214-1457); 1928. 2.k. (1458-1526).
200. Wenzel G. Okmányi kalaszat, 1102-1702 // Magyar Történelmi Tár. Pest, 1855. 2.k. 167-215. l.
201. Wenzel G. Budai Regesták // Magyar Történelmi Tár. Pest, 1855. 1.k. 71-124.l.; 1857. 4.k. 92-182.l.
202. Wenzel G. Diósgyőr egykori történelmi jelentősége. Bp., 1872 (Diósgyőri regesták, 1304-1550: 25-83.l.).
203. Acta et epistolae relationum Transylvaniae Hungariaeque cum Moldavia et Valachia / Coll. et ed. A. Veress. Kolozsvár; Bp., 1914. Vol. 1 (1463-1540) (Fontes Rerum Transylvanicarum. V.4).
204. Gyula város oklevéltára, 1313-1800 / Szerk. E. Veress. Bp., 1938. .
205. A magyar parasztháborúk irodalma, 1437-1514 / Összeáll., a jegyz. írta és az idegennyelvű szöveg ford. L. Geréb. Bp., 1950.
206. A nagykarolyi gróf Károlyi-család oklevéltára / Sajtó alá rend. K. Géresi. Bp., 1882. 1.k. (1253-1413); 1883. 2.k. (1414-1489); 3.k. (1491-1600).
207. Monumente pentru istoria teriei Fagaruşului, 1511-1807 / Culese şi adnotata de N. Densuşianu. Buc., 1885.
208. A zichi es vasónkeői gróf Zichy-család idősb-ágának családtára. Bp., 1899. 9.k. (1440-1457); 1907. 10.k. (1458-1468); 1915. 11.k. (1469-1490); 1931. 12.k. (1268-1524).
209. A Héderváry-család oklevéltára. Bp., 1909. 1.k. (1231-1526).
210. Adalékok nemzetközi érintkezéseink történetéhez a Jagéldkorban / Közli B. Iványi // Történelmi Tár. Bp., 1906. 139-151, 161-197, 321-367.l. (1498-1516: 167-197. N 1-22; 1516-1525: 321-367.l. N 23-47).
211. Iványi B. A Győri székéskaptalan régi számadáskönyvei. Bp., 1918.
212. Bártfa szabad királyi város levéltára / Szerk. B. Iványi. Bp., 1910. 1.k. (1319-1501).
213. Eperjes szabad királyi város levéltára, 1245-1519 / Írta és összeáll. B. Iványi. Szeged, 1921.
214. A római szent birodalmi Széki gróf Teleki család győmrői levéltára / Írta és összeáll. B. Iványi. Szeged, 1937.
215. Quellen zur Geschichte der Stadt Brassó. Kronstadt; Brassó, 1886. Bd. 1 (Rechnungen, 1503-1526).
216. A Pannonhalmi Szent Benedek-rend története. Bp., 1905. 3.

- k.(1405-1535); 1902. 7.k. (1019-1891); 1903. 8.k. (1023-1548); 1908. 10.k. (1055-1701); 1912. 12.k.(1252-1910).
217. Kardos T. Velencei vonatkozású gazdaságtörténeti adatok a Jagello-korból, 1502-1518 //Századok. Bp.,1951. 434-442.l.
218. Kassa város levéltárából, 1431-1453, 1499-1678 / Közli L. Kemény ifj. // Történelmi Tár. Bp., 1893, 182-190, 726-736. l.
219. Kovács I. A borsmonostori apátság története. Sopron,1910 (Oklevelek, 1194-1736: 217-334.l.).
220. Kristó Gy. Békés megye a honfoglalástól a törökvilág végéig. Nyolczszáz esztendő a források tüskében. Békéscsaba, 1981 (-1694, N 1-144).
221. A podmanini Podmaniczky-család oklevéltára / Közzétette I.Lukinich. Bp., 1937. 1.k. (1351-1510). 1939. 2.k. (1510-1537).
222. Mályusz E. II.Lajos király levelei a herceg Batthyány család körmendi levéltárában // Levéltári Közlemények. Bp., 1926. N 1. 80-93.l.
223. A szlavóniai és horvátországi középkori pálos kolostorok oklevelei az Országos Levéltárban / Közli E.Mályusz // Levéltári Közlemények. Bp., 1934. 111-154.l. N 309-402 (1453-1469).
224. Mesić M. Gradja,mojih razprava u "Radu", 1387-1526 // Starine. Zagreb, 1873. Kn. 5. S. 109-280.
225. Metes Șt. Viața agrară, economică a românilor din Ardeal și Ungaria. Documente contemporane. Buc.,1921. Vol. 1 (1508-1820).
226. Máramarosi diplomák a 14. es 15. századból, 1300-1593 / Egybegyűjte és jegyzetekkel kísérve kiadta apsaí J.Mihályi. Máramaros-Sziget, 1900.
227. A nagymihályi és sztárai gróf Sztáray család oklevéltára / Szerk. Gy.Nagy. Bp., 1887. 1.k. (1234-1396); 1889. 2.k. (1397-1457).
228. Hazai Oklevéltár,1234-1536 / Szerk. I.Nagy, F.Deák, Gy.Nagy. Bp., 1879.
229. Sopron vármegye története: Oklevéltár / Szerk. I.Nagy.Sopron, 1891. 2.k. (1412-1653).
230. Nagy I., Véghelyi D., Nagy Gy. Zala vármegye története:

- Oklevéltár. Bp., 1886. 1.k.; 1890. 2.k.
231. Nagy I., Nyári F. Magyar diplomáciai emlékek Mátyás király korából. Bp., 1875. 1.k. (1458-1465); 1877. 2.k. (1466-1480); 1877. 3.k. (1481-1488); 1878. 4.k. (1488-1490).
232. A Magyar Tudományok Akadémia Történelmi Bizottságának oklevélmásolatai / Ismert. L. Óváry. Bp., 1890. 1. füz. (900-1526, N 1-1257).
233. Pataki I. Domeniul Hunedoara la începutul secolului al 16-lea: Studiu și documente. Buc., 1973. (Documente: 1511/1513 - 1530/1533, 1482-1536: P. CXIII-CXIV, 1-290, N 1-113).
234. Szabolcsvármegye levéltárának mohácsi vérszék előtti oklevelei, 1335-1500 / Szerk. B. Pettkó. Nyiregyháza, 1901.
235. Pesty F. A Szőrény vármegye hajdani oláh kerületek. Bp., 1876 (Oklevelek, 1343-1484: 51-84. l.).
236. Pesty F. Szőrényi bánság és Szőrény vármegye története. Bp., 1878. 3.k. (Oklevéltár, 1.k.: 1237-1578).
237. Pesty F. Krassó vármegye története. Bp., 1883. 3-4.k. (Oklevéltár: 1230-1518, 1518-1883).
238. Mathiae Corvini Hungariae regis epistolae ad romanos pontifices datae et ab eis acceptae. - Mátyás király levelezése a római pápakkal, 1458-1490. Bp., 1891.
239. Epistolae procerum regni Hungariae / Coll. G. Pray. Posonii, 1806. T. 1 (1490-1531); T. 2 (1531-1554).
240. Dokumenty k banickemu povstaniu na Slovensku, 1525-1526 / Na vyd. pripr. P. Ratkoš. Br., 1957 (Ratkoš P. Úvod: s. 7-24).
241. Reizner J. Szeged története. Szeged, 1900. 4.k. (Oklevéltár, 1247-1806).
242. A cseh-huszita hadviselés. Az 1437. évi parsztháború. - Az 1514. évi parasztháború. - Végvári harcok a török ellen a 16. században / Összeáll. G. Rohonyi // Szemelvények a magyar hadtörténelem tanulmányozásához. Bp., 1955. 1.k. 51-59, 117-192. l.
243. Székely Oklevéltár / Szerk. K. Szabó. Kolozsvár, 1872. 1.k. (1211-1519); 1876. 2.k. (1520-1571); 1890. 3.k. (1270-1571); 1895. 4.k. (1264-1707); 1896. 5.k. (1296-1603 / Szerk. Szadeczky L.).
244. Az Erdélyi Múzeum eredeti okleveleinek kivonatai, 1231-1540 / Szerk. K. Szabó. Bp., 1890

245. Magyar erdészeti oklevéltár / Szerk. és tört. bev. (III-XLVII. l.) ell. K. Tagányi. Bp., 1896. 1. k., 25-35. l., N 88-109: 1450-1528.
246. Szadeczky L. Iparfejlesztés és a ezéhek története Magyarországon, 1307-1848: Okirattalral. Bp., 1913. 1. k.; 1913. 2. k. (Anyag gyűjtemény). 5-98. l., N 1-28: 1307-1600.
247. Thallóczy L. A kamara haszna története, kapcsolatban a magyar adó- és pénzügy fejlődésével. Bp., 1879 (Okleveles függelék, 1321-1543: 147-219. l.).
248. Teleki J. A Hunyadiak kora Magyarországon. Pest, 1853. 10. k. (Okmánytár, 1437-1460, N 1-117); 1855. 11. k. (Okmánytár, 1461-1476, N 318-596); 1857. 12. k. (Okmánytár, 1477-1498, N 597-808).
249. A hajdani Töresvári uradalom jogi állapotjához. Kronstadt, 1871 (Függelék; 1366-1535; 1-38. l.).
250. Tkalčić I. Izprave 15. vieku iz "Crvene knjige" Zagrebačkoga kaptola, 1420-1502 // Starine. Zagreb, 1879. Kn. 11, s. 19-75 (Text: s. 23-75).
251. Hunyadi János hővédo harcái a törökök ellen.- Hunyadi Mátyás hadjáratai a törökök és a Habsburgok ellen / Összeáll. S. Toth // Szemelvények a magyar hadtörténelem tanulmányozásához. Bp., 1955. 1. k., 63-116. l.
252. Tóth-Szabó P. A cseh-huszita mozgalmak és uralom története Magyarországon. Bp., 1917 (Oklevéltár, 1416-1471: 347-459. l.).
253. Urkundenbuch zur Geschichte der Deutschen in Siebenburgen / Bearb. G. Gündisch. Buc., 1975. Bd. 5 (1438-1457, N 2300-3098); 1981. Bd. 6 (1458-1473, N 3099-3981).
254. Fabritius K. Brutus János Mihály életéhez // Történelmi Tár. Bp., 1879. 337-352. l. (Oklevelek, 1581-1596: 338-352. l.).
255. Fekete Nagy A. A Petroczy levéltár középkori oklevelei // Levéltári Közlemények. Bp., 1935. 35-55. l., N 1-189 (1315-1525); 38-111. l., N 210-271 (1471-1525).
256. Verbóczy István kiadatlan levelei és egy országgyűlési beszede, 1513-1526 / Közli V. Fraknói // Magyar Történelmi Tár. Bp., 1877. 22. k. 123-149. l.
257. Relationes oratorum pontificum.-Magyarországi pápai követek jelentései, 1524-1526 / Ed. V. Fraknói. Bp., 1884 (Monumenta Vaticana historiam regni Hungariae illustran-

- tia. Ser.2; T. 1).
258. Mátyás király levelei. Külügyi osztály/Közzéteszi V.Fraknói. Bp., 1893. 1.k. (1458-1479); 1895. 2.k. (1480-1490).
259. Diplomatarium Békessiensense / Ed. L.Haan. Pest, 1870 (Békés varmegye hajdana, 2.k.: Okleveletári rész).
260. Sopron szabad királyi város története / Közli J.Házi. Sopron, 1925. 1.r., 4.k. (1453-1459); 1926 1.r., 5.k. (1460-1481); 1927. 1.r., 6.k. (1482-1520); 1929.1.r.,7.k. (1521-1531); 1930. 2.r., 1.k. (1390-1524); 1931. 2.r.,2.k (1400-1541); 1933. 2.r., 3.k. (1432-1455); 1936. 2.r.,4.k.(1454-1495); 1938. 2.r., 5.k. (1489-1530); 1943. 2.r.,6.k.(1278-1526).
261. Hazai Okmánytár - Codex Diplomaticus Patrius. Győr, 1865. 1.k., 2.k.; 1866. 3.k.; 1867. 4.k.; 1873. 5.k; 1876.6.k.; 1880. 7.k.
262. Munkácsi gör. szert. püspökség okmánytára / Gyujtötte, összeállította és közrebocsátja. A.Hodinka. Ungvár, 1911. 1.k. (1458-1715). (Eldszö: V-XXV.1.;1-12.1., N 1-7: 14.08.1458 - 29.11.1498).
263. Hermann Zs. Egy pénzügyi tervezettől a Hármaskönyvig (Werböczi és a parasztháború) //Századok. Bp., 1981.N 1. 108-151.l. (Mellekletek, 1514: 147-151.l.).
264. Verböczi István emlékezete / Szerk. I.Horvát. Pest, 1819. 2.k. (1226-1594).
265. Horváth M. Magyar regesták a Bécsi császári levéltárból, 1118-1603 // Magyar Történelmi Tár. Pest, 1861. 9.k. 3 - 96. l.
266. Horváth M. Magyar regesták a Szepesi káptalan, Jászó s leszi conventek, Kassa és Sopron városok és több magánosok levéltáraiból s gyűjteményeiből, 1228-1643 // Magyar Történelmi Tár. Pest, 1861. 9.k. 97-176.l.; 1862. 11.k. 125-196.l.
267. Hušcava A. Archiv zemianskeho rodu z Okolicneho, 1248-1487. Br., 1943.
268. Hušcava A. O činnosti zbojnických družin na severovýchodnom Slovensku na konci 15. stor. // Historické Študie. Br., 1956. T.2. S. 181-215 (Prameny, 1490, 1492: s. 185-215).
269. Oklevelek a Hunyadiak korából (Kassa város levéltárából) // Közli Csánki D. // Történelmi Tár. Bp., 1902. 276-302.l.

- N 1-26 (1454-1480); 346-374.l., N 27-60 (1481-1488).
270. Csillagh Gy. A bécsi csász. akadémia magyar történelmi értéki kiadványai. I. Adalékok a Jagellók korához, 1490 - 1526 // Századok. Bp., 1869, 546-556.l.
271. A Pannonhalmán őrzött Guary levéltár Mátyás-kori kiadatlan oklevelei / Közli P.Sörös // Történelmi Társ. Bp., 1909. 240-269, N 16-36 (1438-1456).
272. Schiller B. Az örökös főrendiség eredete Magyarországon. Bp., 1900 (Oklevelek, 1500-18.sz.: 309-333.l.).
273. Súlyom-Fekete F. A magyarság és az oláh incolatus Hunyadban // Hunyadmegyei Történelmi és Régészeti Társulat Évkönyve. Bp., 1882. [1.k.] 52-78.l. (Okiratok, 1295-1496: 60-78.l.).
274. Súlyom-Fekete F. Vázlatok az oláh-kenézi intézmény története- s ismertetéséhez // Ibid. Arad, 1884. 2.k. 14-37.l. (Okiratok, 1394-1494: 21-37.l.).
275. Súlyom-Fekete F. Syl-völgy s benépesítése, valamint annak egyéb történetei // Ibid. Bp., 1888. 4.k., 75-94.l. (Okiratok, 1416-1462: 80-94.l.).
276. Súlyom-Fekete F. Egy ősi magyar telep Hunyadmegyében // Ibid. Bp., 1889. 5.k. 75-137.l. (Okiratok, 1313-1594: 81-137.l.).
277. Diplomatarium Ráczeviense, 1405-1795.- Ráczevei okmánytár / Kiadja Magdics I. Székesfehérvár, 1888 (1405-1524: 1-67.l., N 1-36).
278. Károly J. Fejér vármegye története. Székesfehérvár, 1899. 3.k. (397-592.l., N 1-97: Oklevéltár, 1272-).
279. Oklevéltár Kolozsvár története I. kötetéhez, 1166-1746. Buda, 1870. 1.k.
280. Documente privitoare la istoria Românilor / Culese de Hurmuzaki E. Buc., 1891. V.2. ps.2 (1451-1510); 1911. V.15, ps.1 (1358-1600).

2. Другие страны

Отдельные памятники

281. Sigmunden freyherrn zu Herberstein... Mein Raitung, und Antzaigen meines Lebens und Wesens wie hernach volgt // Sammlung kleiner, noch ungedruckter Stucke / Hrsg. M.G.Ko-

- vachich. Ofen, 1805. S. 111-287.
282. Selbstbiographie Siegmunds Freiherrn von Herberstein, 1486-1553 // *Fontes rerum austriacarum*. Wien, 1855. 1. Abt., Bd. 1. S. 69-196.
283. Ludovici Tuberonis, Dalmatae abbatis, *Commentariorum de rebus suo tempore, 1490-1522* // *Scriptores rerum hungaricarum veteres ac genuini* / Ed. J.G. Schwandtner. Vindobonae, 1746. T. 2. P. 111-381.
284. I Diarii di Marino Sanuto / Ed. N. Barozzi, G. Berchet, R. Fulin. Venezia, 1887. T. 4, 11, 13, 18, 19.
285. Marino Sanuto Világkronikájának Magyarországot illető tudósításai / A szerző ered. kézír. közli G. Wenzel. Pest, 1869. 1. k. (1494-1501); Bp., 1877. 2. k. (1501-1515); 1878. 3. k. (1515-1526) (*Magyar Történelmi Tár.*, 14, 24, 25. k.).
286. Iani Vitalis Panormitani De Ungarorum cruciata facta anno 1514... Romae, 1514 / Közli G. Wenzel // *Magyar Történelmi Tár*, Bp., 1877. 24. k., 295-300. l.
287. Tagebuch Johannes Cuspinians, 1502-1527 / Hrag. Th. G. von Karajan // *Fontes Rerum Austriacarum*. Wien, 1855. 1. Abt., Bd. 1, S. 597-416.
288. Congressus ac celeberrimi conventus caesaris Max[imiliani] ... *Diarium Cuspiniani*... Viennae, S. a. [1515].
289. Odeporicon id est Itinerarium Reverendissimi in Christo patris et Domini D. Mathei... Cardinali Gurcensis... memoratu digna gesta sunt per Riccardum Bartholinum Perusinum aedita. Viennae, Idibus septemb. A. D. 1515.
290. Pauli Iovii... *Historiarum sui temporis tomus primus...* tomus secundus. Lutetiae Parisiorum, 1553, 1554.
291. "Storia Veneziana" di Daniele Barbaro dall'anno 1514 al 1515. Supplita nella parte che manca colla "Storia Segreta" di Luigi Boghi // *Archivio Storico Italiano*. Firenze, 1844. T. 7, pt. 2. P. 949-1087.
292. Iodoci Ludovici Decii De Sigismundi Regi temporibus // *Polonicae Historiae Corpus*. Basileae. 1582. T. 2. P. 297-340.
293. *Mathe de Michovia Chronica Polonorum, a prima propagatione et ortu Polonorum usque ad annum Christi 1504* // *Ibid.* P. 1-259.
294. A magyarok története. Tarih-i Ungürusz. Madzsar Tarihi / A két munkát török nyelvből ford. (31-375, 433-490. l.),

a jegyzeteket (400-409, 503-522.1.) és az utószókat (379-399, 493-502.1.) írta J.Blaskovics; a ford. ellenőrizte és az előszót (5-29.1.) írta E.Vass. Bp., 1982.

Собрания источников

295. Славяно-молдавские летописи XV-XVI вв. / Сост. Ф.А. Грекул. М., 1976 (Буганов В.И., Грекул Ф.А. Введение: с.3-23).
296. Régi utazások Magyarországon és a Balkánfélszigeten, 1054-1717 / Szerk. és ford. I.Szamota. Bp., 1891.
297. Călători străini despre țările române / Vol. Ingr. de M.Holban. Buc., 1968. Vol. 1.
298. Modenai és velencei követek jelentései Magyarország földrajzi és kulturai állapotáról a 15. és 16. században. Bp., 1881.
299. Balogh I. Velencei diplomatai Magyarországról, 1500-1526. Forrástanulmány. Szeged, 1929.
300. Urbaria lingua croatica conscripta. - Hrvatski urbari / Sabrao i protumačio R.Lopašić. Zagreb, 1894. Sv. 1 (1436-1697).
301. Acta Bosnae... ab anno 925 ad annum 1752 / Coll. et dig. E.Ferendžin. Zagrabiae, 1892. (Monumenta spectantia historiam slavorum meridionalium, vol. 23).
302. Cronicile slavo-române din sec. 15-16 publicate de Bogdan I. / Ed. rev. și compl. de P.P.Panaitescu. Buc., 1959.
303. Documenta Romaniae historica. D.Relatii între țările române. Buc., 1977. Vol. 1 (1222-1456).
304. Magyarországra vonatkozó régi német nyomtatványok, 1454-1600.- Ungarn betreffende deutsche Erstlings-Drücke / Közli K.Kertbeny. Bp., 1880.
305. Nehring K. Matthias Corvinus, Kaiser Fridrich III und das Reich: Zum hunyadisch-habsburgischen Gegensatz in Donauraum, 2. erg. Aufl. München, 1989 (Anhang, 1463-1464: S.202-217).
306. Közlemények a parisi nemzeti könyvtárból / Közli H.Marczali // Magyar Történelmi Társ. Bp., 1877. 23.k., 83-122.l.
307. Dopisy pana Zdenka Iva z Rožmitala z let 1508-1532 / Vyd. Fr.Dvorsky // Archiv Český čili staré písemné památky čes-

- ke a moravske. Pr., 1887. D. 7. s. 1-200.
308. Acta Tomiciana. Epistolae, legationes, responsa, actiones, res gestae. Kraków, 1852. T. 1 (1507-1511); 1852. T. 2 (1512-1513); 1952. T. 14. 1957. T. 15.
309. Török Történetírók. Bp., 1893. 1.k. (...-1520) / Ford. és jegyz. kísérte J.Thúry. Bp., 1896. 2.k. (1520-1566) / Ford. és jegyz. kísérte J.Thúry.
310. Cronici turcești privind Țările Române: Extrase. Buc., 1966. Vol. 1 (sec. 15 - mijlocul sec. 17). Vol. întocmit M.Guboglu, M.Mehmed.
311. Fraknoi V. Küzdelem a nemzeti királyságért 1505-ben. // Századok. Bp., 1918. 142-160.l. (Függelék: Armstorffer jelentése a rákosi országgyűlésről: 158-160.l.).
312. Holub J. Az 1522-iki országgyűlés és törvenycikkei // Ibid. 496-509.l. (Függelék: Az 1522-iki törvenycikkek: 507-509.l.).
313. Kováts F. A városi adózás a középkorban Pozsony szab. kir. város levéltárának anyaga nyomán. Pozsony, 1900 (Függelék: 1412, 1498: 111-121.l.).
314. Kubinyi A. A királyi kincstárók oklevéladó működése Mátyástól Mohácsig // Levéltári Közlemények. Bp., 1958. 35-60.l. (Mellékletek, 1520, 1504-1515: 56-57, 59-60.l. N 1-6).
315. Mályusz E. Turócmegye vámhelyei és forgalma a középkorban // Századok. Bp., 1919, 34-56.l. (Super teloniis, 23.10. 1522 - 29.10. 1523: 42-44.l.).
316. Mátyás király szárazföldi s vízi haderejének leírása az 1479-i hadjaratról / Közli L. Ováry // Történelmi Tár. Bp., 1885, 762-764.l.).
317. Pataki J. Dózsa György életutjáról // Korunk. Cluj, 1971. N 8. 1147-1155.l. (1449.l.: "Breve Chronicon Daciae": "Georgio Doscha Ciculo duce").
318. Tóth I. Egy elfelejtett Dózsa-vers a 16. századból. Johannes Sommer // Filológiai Közlöny. Bp., 1964. N 3/4. 311-313.l. ("Reges Hungarici", 1563-1574, 1580: 312-13.l.).

II. Литература

319. Арский И. Восстание "куруцев" в Венгрии в 1514 году // Борьба классов. М., 1936. N 7. С.89-101.

320. Ачади И. (1845-1906). История венгерского крепостного крестьянства: Пер. с венг. М., 1956.
321. Бачкай В. О характере и роли аграрных городов в Венгерском государстве XV в. // Средние века. М., 1973. Т.36.С.50-68.
322. Божин И. Опакан е Србије.- Српска деспотовина као вазална држава. - Српски деспоти у јужној Угарској // Историја народа Југославије. Београд, 1953. Т.1. С.420-470, 499-502, 507-512.
323. Бромлей Ю.В. (1921-1990), Шупарин В.П. (род.1924). К вопросу о крестьянском переходе в позднесредневековой Хорватии (до конца XVI в.) // Кратк.сообщ. Ин-та славяноведения. М., 1958. Т.29. С. 24-35.
324. Голенищев-Кутузов И.Н. (род.1904). Итальянское Возрождение и славянские литературы XV-XVI веков. М., 1963.
325. Греков И.Б. (1921-1993). Османская империя и страны Центральной и Восточной Европы в 50-70-е годы XV в. ...// Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV-XVI вв. М., 1984. С.59-83,83-103, 136-162.
326. Грекул Ф.А. (род.1916). Ценное известие о классовой борьбе в феодальной Молдавии // Изв. Молд. фил. АН СССР. Кишинев, 1953. N 3-4.
327. Гусарова Т.П. (род. 1946). Антикрестьянское законодательство 1514 г. в Венгрии (Седьмой декрет УласлоII) // Средние века. М., 1984. Т.47. С.309-338.
328. Гусарова Т.П. Документы по крестьянскому восстанию в Венгрии 1514 года // Там же М., 1985. Т.48. С.345-348.
329. Замопкин Ю.А. Социальная психология // Философская Энциклопедия. М., 1970. Т.5. С.77-80.
330. Келле В.Ж. Идеология // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1972. Т.10. С.39-41.
331. Красавина С.К. Идеино-политическая борьба в византийской историографии XV в. и место в ней греческого историка Дукки: Канд. дис. М., 1969.
332. Маркуш В.М. Крестьянская война в Венгрии и Закарпатье в 1514 году // Наук.зап. Ужгород. держ. ун-ту. 1952. Т.5. С. 5-19.
333. Мохов Н.А., Советов П.В. Освещение истории Румынии на

- страницах журнала "Студии" // Вопр. истории. М., 1958. N 5. С. 206-216.
334. Новичев А.Д. История Турции. Л., 1963. Т.1 (Эпоха феодализма, XI-XVIII века).
335. Орешкова С.Ф. Юго-Восточная Европа в социально-политической структуре Османской империи // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV-XVI вв. М., 1984. С. 24-42.
336. Сендрей И. Вспоминания о Дьёрде Доже // Magyar Torteneti Tanulmányok Debrecen, 1974. 6.k. 82-91.1.
337. Сказкин С.Д., Левандовский А.П. Венгрия в XI-XV вв. // История средних веков. М., 1952. Т.1. С. 518-530.
338. Спиркин А.Г. Сознание // Философская энциклопедия. М., 1970. Т.5. С. 43-48.
339. Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. М., 1973.
340. Сюч Е. Роль оппозиционного течения среди францисканцев в формировании идеологии крестьянской войны и Реформации в Венгрии // Acta hist. Acad. sci. hung. 1976. Т.22, N 1/2. P. 25-72.
341. Тарле Е.В. Венгерское крестьянское восстание 1514 г. // Конгресс венгерских историков. Будапешт, 1953. Т.3. С.401-422; То же. Русская мысль. М., 1896. Кн. 7. С.18-36; Кн.8. С. 1-17.
342. Хевешь А. Венгерское крестьянство и его борьба: Пер. с венг. М.; Л., 1927.
343. Шахова К. Він сам вогонь...; До 500-річчя від дня народження Дьєрдя Дожи // Всесвіт. Київ, 1970. N 10. С.145-151.
344. Шушарин В.П. Крестьянское восстание в Трансильвании, 1437-1438 гг. М., 1963.
345. Шушарин В.П. Венгерская феодальная сословная монархия: Распад королевства, 1439-1541 гг. - Крестьянская война 1514 г.-Культура XI-XV вв. - Библиография. // История Венгрии. М., 1971. Т.1. С. 193-245, 246-254, 255-296, 531-618.
346. Шушарин В.П. Королевство Венгрия и Османская империя, XV-первая четверть XVI в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV-XVI вв. М., 1984. С. 103-118.
347. Шушарин В.П. Венгерское крестьянство в 40-е годы XV в. -

- первой половине XVI в. // История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. М., 1986. Т.2. С. 399-406.
348. Шушарин В.П. Венгерский народ в XV-XVI вв. М., 1990. Т.1-3. 1452 с. Ден. в ИНИОН АН СССР. 08.06.90. N 42 057.
349. Ácsády I. Régi magyar birtokviszonyok, 1494-1598. Bp., 1894.
350. Áldásy A. A 15. század nyugati elbeszélő forrásai. Bp., 1928.
351. Ankwich-Kleehoven N. Der wiener Humanist Johannes Cuspinian. Koln; Graz, 1959.
352. Armbruster A. Romanitatea Românilor: Istoria unei idei. Buc., 1972.
353. Bácskai V. (sz. 1930). A parasztság és a honvédelem 1514-ben. // Történelmi Szemle. Bp., 1963. N 1. 63-68.l.
354. Bácskai V. Mezőgazdasági árutermelés és árucse-re a mezővárosokban a 15. században // Agrártörténeti Szemle. Bp., 1964. N 1/2. 1-35.l.
355. Bácskai V. Magyar mezővárosok a 15. században. Bp., 1965.
356. Bácskai V. A gyulai uradalom mezővárosai a 16. században // Agrártörténeti Szemle. Bp., 1967. N 3/4. 432-456.l.
357. Bácskai V. Új Dózsa-kep születésben // Valóság. Bp., 1974. N 6. 93-96.l. (de: N 365).
358. Baczkowski K. Zjazd wiedeński 1515: Geneza, przebieg i znaczenie. W-wa, 1975.
359. Bak M.J. Königtum und Stände in Ungarn im 14.-16. Jahrhundert. Wiesbaden, 1973.
360. V. Balogh Gy. Az 1514-iki parasztlázadás // Urania. Bp., 1914. 207-214.l.
361. Barta G. (sz. 1943). Az 1514. évi parasztháború és a Dunantul // Vasi Szemle. Szombathely, 1973. N 2. 231-240.l.
362. Barta G. Georgius Zekeltől Dózsa Györgyig // Századok. Bp., 1975. N 1. 63-88.l. Rec.: N 569.
363. Barta G. Der ungarische Bauernkrieg vom Jahre 1514 // Aus der Geschichte der ostmitteleuropäischen Bauernbewegungen im 16.-17. Jahrhundert, Bp., 1977. S. 63-69.
364. Barta G. Keresztesek áldott népe. Bp., 1977.
365. Barta G., Fekete Nagy A. (1900-1969). Parasztháború 1514-ben. Bp., 1973.
366. Barta G., Szakály F. (sz. 1942). Dózsa népe és a magyar társadalom // Történelmi Szemle. Bp., 1972. N 6.

- 366a. Bartoniek E. (1894-1957). Fejezetek a 16-17. századi magyarországi történetírás történetéből. Kézirat gyanant, Bp., 1975. (Klaniczay T. Előszó: 3-4. l.).
367. Belényessy M. Harom 15.-16. századi irat mezőgazdaságtörténeti vonatkozásai // Agrártörténeti Szemle. Bp., 1957. N 1/2. 36-37. l.
368. Bellér B. A Dózsa-parasztháború történeti-politikai koncepciója és történeti képe 1945. előtti történetírásunkban // Történelmi Szemle. Bp., 1974. N 3. 289-325. l.
369. Belu S. Despre participarea oraşenilor din Transilvania la răscoala din 1514 // Studii: Revista de istorie. Buc., 1953, N 4. P. 119-123; Idem. // Studii si referate privind istorje României. Buc., 1954. Pt 1. P. 685-696.
370. Benisch A. Marino Sanuto Diarii-jének magyar művelődéstörténeti vonatkozásai. Bp., 1903.
371. Boda M., Huber K. Mohács: Bibliografia. Pecs, 1976.
372. Bogdan I. Scrieri alese. Buc., 1968.
373. Bónis Gy. (sz. 1914). Jogtudó értelmiség a Mohács előtti Magyarországon. Bp., 1971 (1490-1526: 309-416. l.; 1514: 321. l.).
374. Callimachi S. Răscoala țărănească din 1514 de sub conducerea lui Gheorghe Doja descrisa de Paolo Giovio // Studii: Revista de istorie. Buc., 1949. N 4. P. 181-187.
375. Capesius B. Răscoala lui Gh. Doja în doua poezii umanisti din Ardeal // Studii și articole de istorie. Buc., 1957. Vol. 2. P. 67-76.
376. Cennerné Wilhelmb G. 16-17. századi magyarországi parasztmozgalmak grafikus ábrázolásai // Folia Archaeologica. Bp., 1060. T. 12. 259-270. l.
377. Chirtoaca P. Gheorghe Doja (Dózsa). S.l., 1946.
378. Császár Z. A Stauromachia antik és humanista forrásai. Bp., e.n.
379. Császár M. A magyar művelődés a 15. században Antonio Bonfini... alapján. Bp., 1902.
380. Csekey I. Werbőczy és a magyar alkotmányjog. Kolozsvár, 1942.
381. Cselenyi B. Parasztháború - 1514 // Korunk. Cluj, 1964. N 5. 625-631. l.
382. Cselenyi B., Ștefănescu Șt. 450 de ani la răscoala țărănească de sub conducerea lui Gh. Doja // Lupta de clasă. Buc., 1964. N 4. P. 84-94.

383. Czizmadia S. A nagy magyar parasztfordalom: Dósa György. Bp., 1914.
384. Deák G. A Dóza parasztháború problematikájához // Borso-di Szemle. Miskolc, 1972. N 4. 56-62.l.
385. Divéky A. (1880-1965). Felső-Magyarország kereskedelmi összeköttetései Lengyelországgal. Bp., 1905.
386. Divéky A. Zsigmond lengyel herceg II. Ulászló udvarában // Századok. Bp., 1914. 449-462, 562-576.l.
387. Doboși A. Exploatarea ocnelor de sare din Transilvania în evul mediu (sec. 14-16) // Studii și cercetari de istorie medie. Buc., 1951. N 1. P. 125-166.
388. Dobosy T. Pierre Choque, Anna magyar királyné francia kísértője. Bp., 1940.
389. Dóza György születésének 500. évfordulója: Az Emléki-zottság irányelve // Népszabadság. Bp., 31.X.1971. 5.l.
390. Elekes L. (sz. 1914). Hunyadi. Bp., 1952.
391. Elekes L. Központosító törekvések a rendi-képviseleti államban a novekvő drütermelés és penzgazdalkodás talaján (1458-1490) // Magyarország története. Bp., 1965. 1.k. 302-367.l.
392. Elekes L. A középkori magyar állam története megalapításától bukásáig. Bp., 1964.
393. Engei I. Chr. Geschichte des Ungrischen Reichs und seiner Nebenländer. Halle, 1797. Th. 1; 1798. Th.2; 1801. Th.3.
394. Engel P. A magyar világi nagybirtok megoszlása a 15. században // Egyetemi Könyvtár Évkönyvei. Bp., 1968. 4.k. 337-357.l; 1971. 5.k. 291-313.l.
395. Eötvös J. (1813-1871). Magyarország 1514-ben: Regény. Bp., 1952. 1-2.k. (1. kiadás: 1847).
396. Erdélyi L. (1868-1947). A mohácsi vész nemzedéke: Néplek-történeti korrajz egykorú emeklratból. Szeged, 1941 (Erdélyi-Szerémi. Mohács, II).
397. Feil I. Über die Kreuzer in Ungarn, 1514 // Österreichische Blätter für Literatur und Kunst, Geschichte... Wien, 1844. Bd., 1. S. 25-29, 33-36.
398. Féja G. Dóza György (Történelmi tanulmány). Bp. 1939.
399. Ferdinándy V. (sz. 1914). Magyarország romlása, 1490-1526. Roma, 1979.
400. Firnhaber Fr. Vincenzo Guidotos Gesandtschaft am Hofe König Lüdvigs von Ungern, 1523-1525 // Quellen und Forschungen

- zur vaterlandischen Geschichte, Literatur und Kunst. Wien, 1849. S. 66-138.
401. Fodor F. Egy palócfalu életrajza. Bp., 1930.
402. Fodor H. Istvánfi Miklos Historiajának forrásai (II. Ulászló kora). Pécs, 1940.
403. Fögel J. II. Lajos udvartartása, 1516-1526. Bp., 1917.
404. Fraknoi V. (1843-1924). Werbőczy István a mohácsi veszélő előtt // Századok. Bp., 1976. 437-469, 597-639.1.
405. Fraknoi V. II. Ulászló királyválasztása // Századok. Bp., 1885. 1-20, 97-115, 193-211.1.
406. Fraknoi V. Brutus Mihály, Báthory István udvari történetírója // Századok. Bp., 1887. 793-797.1.
407. Fraknoi V. Bakócz Tamás prímás birtokszerzeményei // Századok. Bp., 1888. 7-128.1.
408. Fraknoi V. Erdődi Bakócz Tamás élete. Bp., 1889.
409. Fraknoi V. A Hunyadiak és Jagellok kora, 1440-1526. Bp., 1896 (LX 1505: 377-378.1.; 1514: 399-403.1.).
410. Fraknoi V. Werbőczy István életrajza. Bp., 1899.
411. Fügedi E. (sz. 1916). Kolduló barátok, polgárok, nemesek: Tanulmányok a magyar középkorról. Bp., 1981.
412. Fügedi E. Uram, királyom...: A 15. századi Magyarország hatalmászai. Bp., 1974.
413. Fügedi E. Mátyás király jövedelme 1475-ben // Századok. Bp., 1982. N 3. 484-506.1.
414. Fügedi E. A magyar királyság gazdagsága Mátyás korában // Historia. Bp., 1983. N 1. 10-11.1.
415. Galiczky E. Dózsa György 500 éve: Bibliográfia. Bp., 1972.
416. Geiringer P. Adatok Tubero (1459-1527) életéhez // Századok. Bp., 1911. 446-447.1.
417. Gergely S. A Dózsa-féle parasztfordalom története. Bp., 1929.
418. Goldenberg S. Contribuție la istoria Bistriței și a Văii-Rodnei la începutul secolului al 16-lea // Studia Universitatis Babeș-Bolyai. Ser.4 (Historia). Cluj, 1960. T. 1. P. 59-78.
419. Granasztói Gy. A középkori magyar város. Bp., 1980.
421. Gyalókay J. A mohácsi csata // Mohácsi Emlékkönyv. Bp., 1926. 193-276.1.
422. Hegedüs G. (sz. 1912). Így élt Dózsa György. Bp., 1972.
423. Hazslinszky R. A Jagellok korának kultúrája. Beszterce-

- banya, 1895.
424. Heltay A. Dózsa-felkeléssel foglalkozó magyar monográfiák és tanulmányok (Válogatott bibliográfia 1964-1980). Bp., 1983.
425. Herkov Z. Građa za financijsko-pravni rječnik epohe Hrvatske. Zagreb, 1956. Sv. 1-2.
426. Hermann Zs. Az 1515. évi Habsburg-Jagelló szerződés: Adalék a Habsburgok magyarországi uralmának előtörténetéhez. Bp., 1961.
427. Holub J. (1885-1962). Istvanffy Miklós Historiája hadtörténelmi szempontból. Szekszárd, 1909.
428. Holub J. Egy dunántúli egyházi nagybirtok élete a középkor végén. Pécs, 1943.
429. Hóman B. (1885-1951). Magyar történet (1301-1457) // Hóman B., Szekfű Gy. Magyar történet. 7. kiad. Bp., 1942. 2.k. 7-463.l.
430. Horváth M. (1809-1878). Az 1514-iki porlázadás // Tudománytár. Buda, 1841. 9.k.
431. Hoyer S. Nachrichten über den ungarischen Bauernkrieg von 1514 in deutschen Quellen // Jahrbuch für Geschichte. Berlin, 1974. Bd. 10.S. 121-133.
432. Hoyer S. Der ungarische Bauernkrieg in deutschen Flugschriften und Chroniken // Aus der Geschichte der ostmitteleuropäischen Bauernbewegungen im 16.-17. Jahrhundert. Bp., 1977. S. 461-468.
433. Iványi B. (1878-1964). Bihar- és Bars-vármegyék vámhelyei a középkorban // Magyar Gazdaságtörténelmi Szemle. Bp., 1905. 81-132.l.
434. Iványi B. Két középkori sóbánya-statumum // Századok. Bp.,

1911. 10-30, 98-113, 187-195.l.
435. Iványi B. Adalékok régi országgyűléscink Rákos nevéhez. Szeged, 1935.
436. Jánossy I. A magyar jobbágság Mátyás korában. Komárom, 1914.
437. Jantsits T. Közgazdasági viszonyaink a 16. század első felében. Bp., 1913.
438. Kadlec K. (1865-1928). Verböcxyovo Tripartitum a soukrome pravo uherske i chorvatske šlechty v nem obsažení. Pr., 1902.
439. Karácsonyi B. (sz. 1919). Az 1514. évi magyarországi parasztháború. Mohács. Bp., 1952.
440. Karácsonyi B. Janus Pannonius és a centralizacio // Janus Pannonius (Tanulmányok). Bp., 1975. 93-118.l.
441. Karácsonyi J. (1858-1929). Békésvármegye története. Gyula, 1896. I.k.
442. Kardos T. (1908-1973). A magyarországi humanizmus kora. Bp., 1955.
443. Kardos T. Bemerkungen zur Ideologie des bewaffneten Kampfes in der Dózsa-Revolution // Aus der Geschichte der ostmitteleuropaischen Bauernbewegungen im 16.-17. Jahrhundert. Bp., 1977. S. 207-216.
444. Katona I. (sz. 1921). Dózsa und die Bauernbewegungen in der ungarischen Volksüberlieferung // Ibid. S. 469-480.
445. Kelemen F. Dózsa és Nagylak // Marosvidék. Szeged, 1959. Nov., 31-35.l.
446. Kelemen J. Dózsa György. Bp., [1945].
447. Kemény J. Társadalom és művelődés Hunyadi Mátyás törvényeiben. Szeged, 1918.
448. Kerezsy J. Bakócz Tamás egri püspök udvartartása és egyházmegeje. Erzsebetváros, 1910.
449. Király P. Dösa György forradalma // Erdélyi Múzeum. Kolozsvár, 1914. 31.k., 242-258.l.
450. Kisfaludi K. Matthias rex. Bp., 1983.
451. Komjáthy M. Mohácselőtti gyűjtemény // Országos Levéltár. 10. Gyűjtemények. Kézirat. Bp., 1956, 5-40.l.
452. Kosáry D. (sz. 1913), Bevezetés a magyar történelem forrásaiba és irodalmába. Bp., 1951. I.k.; 1958. 3.k.
453. Kosáry D. Magyar külpolitika Mohács előtt. Bp., 1978.

454. Kovács G. Márki Sándor kéziratai // Korunk. Kolozsvár, 1961. N 6. 709-711.l.
455. Kovács L.I. Brutus magyar történetének forrásai // Századok. Bp., 1916. 42-62.l.
456. Kovács M. Dózsa in der Literatur der Reformzeit // Aus der Geschichte der ostmitteleuropäischen Bauernbewegungen im 16.-17. Jahrhundert. Bp., 1977. S.481-485.
457. V.Kovács S. A Dózsa-háború humanista eposza (Stephanus Taurinus de Switawia: Stauromachia) // Irodalomtörténeti Közlemények. Bp., 1959. N 3/4. 451-473.l.
458. V.Kovács S. Humanistisches Epos über György Dózsas Heldenkampf // Aus der Geschichte der ostmitteleuropäischen Bauernbewegungen im 16.-17. Jahrhundert. Bp., 1977. S. 487-493.
459. Kovácsóczy M. Székely György tamadása // Felsőmagyarországi Minerva. Kassa, 1828. 9.fuz. 1841-1847.l.
460. Kovács F. (1873-1956). Nyugatmagyarország áruforgalma a 15. században a pozsonyi harmincadkönyv alapján. Bp., 1902.
461. Köhalmi B. Dózsa György forradalma // Új korszak. 1912. N 19.
462. Kroner F. Oberungarns Bauernaufstände in alter und neuer Zeit // Zeitschrift für Realschulen und Gymnasien, 1862.
463. Kropf L. (1852-1939). Marhakivitelünk // Magyar Gazdaságtörténelmi Szemle. Bp., 1899. 436.l.
464. Kubinyi A. (sz. 1929). Beriszló Péter és budai szereplése // Budapest Régiségei. Bp., 1963. 20.k.
465. Kubinyi A. A 15.-16. századi magyarországi városi fejlődés kérdéseihez // Századok. Bp., 1965. N 3. 513-521.l.
466. Kubinyi A. A mohácsi csata és előzményei // Ibid. Bp., 1981. N 1. 66-107.l.
467. Kubinyi A. Erdély a mohácsolótti évtizedekben // Tanulmányok Erdély történetéről. Bp., 1988. 65-73.l.
468. Kulcsár P. (sz. 1935). Bonfini magyar történetének forrásai és keletkezése. Bp., 1973.
469. Kulcsár P. A Jagelló-kor. Bp., 1981.
470. Lázár M. A Marosközén 1491-1515. közt hadnagyságot és bírságot nemek és ágak rendje szerint viseltek lajstroma // Századok. Bp., 1868. 672-692.l.

471. Lhotsky A. Quellenkunde zur mittelalterlichen Geschichte Österreichs. Graz: Koln, 1963.
472. Lukcsics P. A vásárhelyi apácák története. Veszprem, 1923.
473. Lukcsics P. Az esztergomi főkapitán a mohácsi vész idején, 1500-1527. Esztergom, 1927.
- 473a. Lupaş I. Răscoale ţărăneşti transilvane în veacul 16 // Lupaş I. Studii, conferinţe şi comunicări istorice. Sibiu, 1943. Vol. 4. P.22-44.
- 473b. Lupaş I. Siebenburgische Bauernaufstände im 16. Jahrhundert // Lupaş I. Zur Geschichte der Rumänen: Aufsätze und Vorträge. Sibiu, 1943. S. 244-266.
474. Makkai L. (1914-1989). Die Hauptzüge der wirtschaftlich-sozialen Entwicklung Ungarns im 15.-17. Jahrhundert // La Renaissance et la Réformation en Pologne et en Hongrie, 1457-1650. Bp., 1963. P. 27-46.
475. Makkai L. Erdély a középkori magyar királyságban, 896-1526 // Erdély története. Bp., 1986. I.k., 235-408. 582-600.l.
476. Makkai L. Hozzászólása // Tanulmányok Erdély történetéről. Debrecen, 1988. 239-241.l.
477. Maksay F. (1916-1984). Urbáriumok // A történeti statisztika forrásai. Bp., 1957. 119-144.l.
478. Maksay F. A parasztság és majorgazdalkodás a 16. századi Magyarországon. Bp., 1958.
479. Mályusz E. (1898-1989). Az 1514. évi jobbágyháború okai // Társadalomtudomány. Bp., 1926. N 5. 373-380.l.
480. Mályusz E. Az 1498. évi 41. törvenycikk // Századok. Bp., 1930. 809-838.l.
481. Mályusz E. A magyar köznépmesség kialakulása // Századok. Bp., 1942. 272-305, 407-434.l.
482. Mályusz E. A magyarság és a városi élet a középkorban // Századok. Bp., 1944. 36-62.l.
483. Mályusz E. Les débute du vote de la taxe par les ordres dans la Hongrie féodale // Nouvelles Études Historiques. Bp., 1965. Vol. 1. P.56-82.
484. Mályusz E. A Thuróczi-kronika és forrásai. Bp. 1987.
485. Mályusz E., Kristó J. Johannes de Thurocz: Chronica Hungarorum. II. Commentarii. Vol. 1 (Ab initiis usque ad annum 1301); Vol. 2 (Ab anno 1301. usque ad annum 1487) / Composuit E. Mályusz adiuvante J. Kristó. Bp., 1988 (Mályusz

- E. Praefatio: Vol. 1, p. 7-17).
486. Mályusz E. Az erdélyi magyar társadalom a középkorában. Bp., 1988.
487. Márki S. (1853-1925). Aradvármegye és Arad szabad királyi város története. Arad, 1892. I.r.
488. Márki S. Nagyszombáti Márton verse Dózsa György korából // Erdélyi Múzeum. Kolozsvár, 1904. 21.k., 160-164.l.
489. Márki S. Dózsa György. Bp., 1913.
490. Márki S. A magyar parasztháború 1514-ben (A fölkelés 400. évfordulóján) // Hadtörténelmi Közlemények. Bp., 1914. 167-189, 386-402, 556-572.l.
491. Marosi E. Dózsa György parasztháborúja // Hadtörténelmi Közlemények. Bp., 1972. N 3. 412-426.l.
492. Marsina R., Ratkos P., Vozár J. Mocenské a triedne zápasy v 15. a na začiatku 16. storočia // Dejiny Slovenska. Br., 1986. D. 1 (do roku 1526). s. 383-449, 484-493.
493. Metes Șt. (sz. 1886). Moștile domnilor și boierilor din Țările Române în Ardeal și Ungaria. Arad, 1925.
494. Metes Șt. Satele românești de pe teritoriul cetăților regale-fiscale din Transilvania în veacul al 15-18-lea / Frat. A. și I.I.Lapedatu. Buc., 1936. P. 491-502.
495. Miok D. Răscoala țărănilor români și maghiari din 1514. de sub conducerea lui Gheorghe Doja // Tiharul leninist. Buc., 1955. N 7. P. 34-39.
496. Mohl A. Szarvok és uraj // Századok. Bp., 1903. 612-633.l.
497. Nagy B. A magyarországi jobbágy állapota Róbert Károlytól 1514-ig. Bp., 1896.
- 497a. Nemeskürty I. (sz. 1925). In signo crucis: Ferencsek és világi papok az 1514-es parasztháborúban // Vigilia. Bp., 1972. N 9. 595-599.l.
498. Nemeskürty I. Őnfia vágta sebé. 2.kiad. Bp., 1975.
499. Nyáry A. (1828-1886). Az esztergomi érsekség és egri püspökség számadási könyvei a 15.-16. századból // Századok. Bp., 1867. 378-384.l.
500. Nyáry A. A modenai Hyppolit-kodexek // Századok. Bp., 1870. 275-290, 355-370, 661-687.l.; 1872. 288-305, 355-376.l.; 1874. 1-16, 73-83.l.
501. Oltvay F. (sz. 1910). Dózsa György parasztlejőzeje feje Szegeden // Tiszataj. Szeged, 1963. N 9. 6.l.

502. Orosz I. (sz. 1935). *Jobbágyköltözés és köznemesség Kelet-Európában a 15.-16. században* // Egyetemes történeti tanulmányok. Debrecen, 1977, 9.k., 3-8.l.
503. Pach Zs.P. (sz. 1919). *Das Entwicklungsniveau der feudalen Agrarverhältnisse in Ungarn in der zweiten Hälfte des 15. Jahrhunderts* // Etudes historiques. Bp., 1960. T. 1. S. 387-456.
504. Pach Zs.P. *Nyugat-európai és magyarországi agrárfejlődés a 15.-17. században*. Bp., 1963.
505. Pach Zs.P. *Die ungarische Agrarentwicklung im 16.-17. Jahrhundert*. Bp., 1964.
506. Pach Zs.P. *Az 1514. évi parasztfelkelés és a "második jobbagyság" // Valóság. 1872. N 11. 1-11.l.*
- 506a. Pach Zs.P. *Történetiszemlelet és a történettudomány (Cikkek, tanulmányok)*. Bp., 1977.
507. Pach Zs.P. *Az 1514. évi parasztfelkelés és a "második jobbagyság" // MTA Filozófiai és Történettudományi Osztályának Közleményei*. Bp., 1972. 21.k., N 3. 931-957.l.
508. Pach Zs. P. *Der Bauernaufstand von Jahre 1514 und die zweite Leibeigenschaft // Aus der Geschichte der ostmitteleuropäischen Bauernbewegungen im 16.-17. Jahrhundert*. Bp., 1977. S. 273-301.
509. Pach Zs.P., Varga I. *"Mátyás, az igazságos" // História*. Bp., 1983. N 1. 3-5.l.
510. Pascu Șt. (sz. 1914). *Răscoale țărănești în Transilvania. I. Epoca voevodatului*. Cluj, 1947.
511. Pascu Șt. *Războiul țărănesc din anul 1514*. Buc., 1959.
512. Pascu Șt. *Agravarea contradicțiilor și a anarhiei feudale în Transilvania: Războiul țărănesc din 1514 de sub conducerea lui Gheorghe Doja* // *Istoria României*. Buc., 1962. Vol. 2. p. 595-609.
513. Pascu Șt. *Răscoalele țărănești în Transilvania medievală* // *Studia Universitatis Babeș-Bolyai. Ser. 4 (Historia)*. Cluj, 1963. N 1. P. 21-42.
514. Pascu Șt. *Perioda feudalismului dezvoltat* // *Din istoria Transilvaniei*. 3.ed. Buc., 1963. Vol. 1. P. 126-252.
515. Pascu Șt. *Les caractéristiques principales des revoltes paysannes de Transylvanie au Moyen Âge* // *Revue Roumaine d'histoire*. Buc., 1964. N 1. P.5-32.

516. Pascu Șt. Însemnătatea istorică a războiului țărănesc de sub conducerea lui George Doja din 1514 // Studii: Revistă de istorie. Buc., 1964. N 3. P. 479-493.
517. Pascu Șt. Mișcări țărănești în centrul și sud-estul Europei din sec. al 15-lea până în sec. al 20 // Anuarul Institutului de Istorie din Cluj. 1965. T.8. P. 7-72.
518. Pascu Șt. Ce este Transilvania? Civilizația transilvană în cadrul civilizației românești (p. 5-204). - Was ist Siebenburgen? Siebenburgen im Rahmen der rumänischen Kultur (p. 205-411). Cluj-Napoca, 1988.
519. Perjés G. Dózsa György és az 1514. évi parasztháború // Világ Ifjúságá. Bp., 1972. N 4. 13-14. l. (I); 14-15. l. (II); N 5, 13-15. l. (III); N 6. 15-16. l. (befejezo resz).
520. Perjés G. Mohács. Bp., 1979.
521. Probszt G.v. Die niederungarischen Bergstädte: Ihre Entwicklung und wirtschaftliche Bedeutung bis zum Übergang an das Haus Habsburg (1546). München, 1966.
522. Prodan D. Iobăgia în Transilvania în secolul al 16-lea. Buc., 1967-1968. Vol. 1-2.
523. Ráth K. (1829-1868). A Duna völgyének leírása Tetenyig, 1500. körüli időből / Györi tört. és régészeti füzetek, 1863. 2. k. 120-123. l.
524. Rázsó Gy. (sz. 1930). Mátyás zsoldoseregének hadműveszetéről // Hadtörténelmi Közlemények. Bp., 1958. N 1/2. 117-147. l.
525. Rázsó Gy. Buda, Bécs és Velence: Az európai-török viszony katonai és politikai problémái, 1521-1532 // Hadtörténelmi Közlemények. Bp., 1973. N 4. 661-680. l.
526. Rázsó Gy. A Zsigmond-kori Magyarország és a török veszély, 1393-1437 // Hadtörténelmi Közlemények. Bp., 1973. N 3. 403-441. l.
527. Rázsó Gy. Hunyadi Mátyás török politikája // Hadtörténelmi Közlemények. Bp., 1975. N 2. 305-348. l.
528. Rázsó Gy. A magyar feudális hadsereg fénykora // Magyarország hadtörténete. Bp., 1984. 1. k., 57-132. l.
529. Recsey V.A. Egy 15-16. századbéli, kéziratos formulare Jaszóvárott // Századok. Bp., 1898. 494-496. l.
530. Rensing E. Sigismund von Herberschtein am Hofe König Ludwig von Ungarn // A Bécsi Magyar Történelmi Intézet Évkönyv-

- ve. 1931. 1.k.
531. Reumont A. Una ambasciata veneziana in Ungheria, 1500-1503 // Archivio Storico Italiano. 4.ser. Firenze, 1879. P. 198-215.
532. Secula S.S. Romîniî în revoluþiunea lui Gheorghe Dosa (1514): Studiu din istoria Românilor de peste munti // Arhiva. Iaþi, 1897. N 3/4. P. 125-153.
533. Seress L. (1875-1947). Dózsa György és a parasztfordalmak. Bp., 1945.
534. Soltész Gy. Az 1494. és 1495. évi királyi szamadások művelődéstörténeti vonatkozásai. Bp., 1905.
535. Solyom J. A magyar vamügy fejlődése 1519-ig. Bp., 1933.
536. Soós J. Az 1514. évi parasztháború jellegének és ideológiájának fő vonásai: A Dózsa-hagyomány történeti helye // Hadtörténelmi Közlemények. Bp., 1972. N 3. 448-458.1.
537. Steiner E. Művelődéstörténeti körkép az 1492-től 1552-ig terjedő időről Brutus János Mihály Magyar történetje alapján. Debrecen, 1933.
538. Stolte I. A jobbság keletkezése és a Dózsa-féle fordalom. Bp., 1934.
539. Stessel J. Jogszabályok a szarvkői uradalomban // Századok. Bp., 1908. 824-827.1.
540. Suiica Sz. (1884-1945). Adalékok Jovius "Historiarum sui temporis" magyar vonatkozásainak forrásaihoz. Bp., 1907.
541. Szabó D. (1882-1966). Magyar országgyűlések története, II. Lajos korában. Bp., 1909.
542. Szabó D. Magyar országgyűlések, 1505-1508 // Századok. Bp., 1908. 697-719.1.
543. Szabó D. Küzdelmeink a nemzeti királyságért, 1505-1526. Bp., 1917.
544. Szabó I. (1898-1969). A magyarság életrajza. Bp., 1941.
545. Szabó I. Tanulmányok a magyar parasztság történetéből. Bp., 1946.
546. Szabó I. A hajdúk 1514-ben // Századok. Bp., 1950. 178-198.1.
547. Szabó I. La repartition de la population de Hongrie entre les bourgades et les villages, dans les années 1449-1526 // Études historiques. Bp., 1960. Vol.1. P. 359-383.
548. Szabó I. Magyarország népessége az 1330-as és az 1526-es

- évek között // Magyarország történeti demográfiaja. Bp., 1963, 63-113.l.
549. Szabó I. A középkori magyar falu. Bp., 1966.
550. Szabó I. A falurendszer kialakulása Magyarországon, 10-15 század. 2.kiad. Bp., 1971.
551. Szabó I. A magyar mezőgazdaság története a 14. századtól az 1530-as évekig. Bp., 1975.
552. Szabó I. Jobbágyok - parasztok: Értekezések a magyar parasztság történetéből. Bp., 1976.
553. Szabó L. (sz. 1939). Az 1514. évi magyarországi parasztháború hadművészete // Hadtörténelmi Közlemények. Bp., 1972. N 3. 441-441.l.
554. Szakály F. (sz. 1942). Parasztság és a honvédelem (a parasztság és a török, illetve Habsburg-ellenes küzdelmek a 16-17. századi Magyarországon) // Valóság. Bp., 1974. N 7.27-39.l. (1514: 27-28.l.).
555. Szakály F. A mohacsi csata. Bp., 1975.
556. Szakály F. A középkori magyar állam virágzása és bukása, 1490-1526 // Magyarország történeti kronológiája. 2. kiad. Bp., 1983. I.k., 318-350.l.
557. Szakály F. Hadügyi változások a középkori magyar állam bukásának időszakában // Magyarország hadtörténete. Bp., 1984. I.k., 133-178.l.
558. Széberényi Zs. A parasztság története. Bp., 1937.
559. Székely Gy. (sz. 1924). A török hódítók elleni védelem ügye a Dózsa-parasztháborútól Mohácsig // Századok. Bp., 1952. 118-148.l.
560. Székely Gy. Landwirtschaft und Gewerbe in der ungarischen ländlichen Gesellschaft um 1500 // Études Historiques. Bp., 1960. Vol. 1. S. 469-503.
561. Székely Gy. Vidéki termelőágak és az árukereskedelem Magyarországon a 15-16. században // Agrártörténeti Szemle. Bp., 1961. N 3/4. 309-343.l.
562. Székely Gy. A Dózsa-parasztháború ideológiájához // Századok. Bp., 1961. 473-504.l.
563. Székely Gy. Egy német humanista és az 1514. évi magyarországi megtorlás // Ibid. Bp., 1964. 377-380.l.
564. Székely Gy. A rendi reakció és a röghözköti tendencia felülkerekedése: Az 1514. évi parasztháború. Mohács, 1490-

- 1526 // Magyarország története. Bp. 1965. 1. k., 368-435. l.
565. Székely Gy. Magyarország története a honfoglalástól Mohácsig // Magyarország története. Bp., 1967. 1. k., 39-158. l.
566. Székely Gy. Cesellschaftlicher Vorgang osteuropaischer Art zwischen Mitte des 15. Jh. und 1514: Verlust des Übersiedlungsrechtes der Leibeigenschaft in Ungarn // Otázky dějin Středni a Východni Evropy. Brno, 1971. S. 52-66.
567. Székely Gy. Földesúri törekvések a jobbágyság költözési jogának felszámolására Magyarországon - Kelet-Európai típusú társadalmi folyamat az 1514. előtti évtizedekben // Agrártörténeti Szemle. Bp., 1972. N 3/4. 261-276. l.
568. Székely Gy. Le passage à l'économie basée sur la corvée en Europe Centrale et Orientale et l'année 1514. Bp., 1975.
569. Székely Gy. Dózsa Györgytől Georgius Zekelig // Agrártörténeti Szemle. Bp., 1979. N 3/4. 539-543. l. (= Rec.: N 362).
570. Székely Gy. Der Dózsa-Aufstand // Aus der Geschichte der ostmitteleuropäischen Bauernbewegungen im 16.-17. Jahrhundert. Bp., 1977. S. 21-36.
571. Székely Gy. Reformpolitika és társadalmi mozgalmak Bakócz érsek életében // Századok. Bp., 1978. N 4. 716-721. l.
572. Szekfü Gy. A magyar Renaissance állam, 1458-1526 // Homan B., Szekfü Gy. Magyar történet. Bp., 1942. 2. k. 467-611, 641-649. l.
573. Szende P. Werbóczi. Bp., 1907.
574. Sendrey I. Röghözkötesi törekvések hazánkban 1514 előtt // Magyar történeti tanulmányok. Debrecen, 1974. 6. k., 78-81. l.
575. Szendrey I. Versuch, die Bindung an die Scholle vor 1514 in Ungarn einzuführen // Aus der Geschichte der ostmitteleuropäischen Bauernbewegungen im 16.-17. Jahrhundert. Bp., 1977. S. 403-406.
576. Szita J. 1514 és a jobbágyelnyomás jogi eszközei // Pécsi Tudományegyetem: Dolgozatok az állam- és jogtudományok köréből, 1973. 7-27. l.
577. Szilke I. Ludovicus Cervasius Tubero emlékiratainak művelődéstörténeti adatai. Bp., 1912.
578. Szűcs J. Városok és kézművesség a 15. századi Magyarorszá-

- gon. Bp., 1955.
579. Szűcs J. Das Städtewesen in Ungarn im 15.-17. Jahrhundert // La Renaissance et la Réformation en Pologne et en Hongrie, 1457-1650. Bp., 1963. S. 97-164.
580. Szűcs J. Ferences ellenzeki drámlat a parasztháború és reformáció háttérében // Irodalomtörténeti Közlemények. Bp., 1974. N 4. 409-435.1.
581. Szűcs J. Nemzet és történelem. Tanulmányok. Bp., 1974.
582. Szűcs J. Die Ideologie des Bauernkrieges // Aus der Geschichte des ostmitteleuropäischen Bauerbewegungen im 16.-17. Jahrhundert. Bp., 1977. S. 157-187.
583. Tagányi K. (1858-1924). Jobbágyok költözése és szökése // Magyar Gazdaságtörténelmi Szemle. Bp., 1895. 245-247.1.
584. [Tagányi] K. Marhakivitelünk Velenczébe 1514-ben // Magyar Gazdaságtörténelmi Szemle. Bp., 1899. 144-149.1.
585. Tagányi K. A földközösség története Magyarországon. Bp., 1950.
586. Takáts S. (1860-1932). Az osztrák határvásárok a 16. század első évtizedében // Magyar Gazdaságtörténelmi Szemle. Bp., 1906. 127-128.1.
587. Tamási Á. (1897-1966). Dozsáról // Művelt Nép. Bp., 1955. 6. evf., N 7.
588. Teke Zs. A középkori magyar állam történeti viragzása és bukása, 1458-1490 // Magyarország történeti kronológiája. Bp., 1983. 1.k. 273-318.1.
589. Tokay L. Magyarország kormányzata a Jagelló-korban. Békés, 1938.
590. Toldy F. (1805-1875). Brutus élete és munkai // Brutus J.M.: Magyar történelme. Pest, 1863. 1.k., V-I. XXXIV.1.
591. [Turóczi]=Trostler J. (1888-1962). Dósa György a 17. század német irodalmában. Temesvár, 1913.
592. [Turóczi]=Trostler J. Dósa György a 18. század német irodalmában // Tort.-Reg. Értesítő. 1913. 43-50.1.
593. Tüzes T. Regények, drámák, eposzok Dozsa Györgyrol es az 1514-es parasztháborúról. Debrecen, 1972.
594. Varga J. (sz. 1927). Werbőczy jogelvei és a parasztság röghözköttése 1514-ben // Jogtudományi Közlemények. Bp., 1978. N 2. 99-102.1.
595. Vid V.J. Szerémi György emlékiratának művelődéstörténel-

- mi adatai. Bp., 1910.
596. Wellman J.J. Der Aufstand des Szeklers Georg.S.I., 1865.
597. Wenzel G. (1812-1891). Werbőczy István velencei követsege. Bp., 1850.
598. Wenzel G. Az alsómagyarországi bányavárosok küzdelmei Nagylucsei Dóczyakkal, 1494-1548. Bp., 1876.
599. Zimányi V. (sz. 1930). Gazdasági és társadalmi fejlődés Mohácstól a 16. század végéig // Századok. Bp., 1980. 511-574.l.
600. Zimányi V. Gazdasági és társadalmi fejlődés Mohácstól a 16. század végéig. - Gazdaság és társadalom a 17. század első felében (1. A mezőgazdaság fejlődése; 2. Az ipar helyzete) // Magyarország története. Bp., 1985. 3/1.k., 285-391.l.; 3/2. k., 937-986, 1767-1775, 1804-1806.l.

Оглавление

ОТ АВТОРА.....	4	
ГЛАВА 1.....	5	
Социально-экономическое, внутривполитическое развитие и внешнеполитическое положение королевства Венгрии (вторая половина XV- первая четверть XVI вв).....		5
1. Ухудшение положения венгерского крестьянства во второй половине XV- первой половине XVI вв.....		7
2. Город и торговля.....		51
3. Внутривполитическое развитие и внешнеполитическое положение королевства.....		61
ГЛАВА 2.....	81	
Восстание венгерского крестьянства 1514 года.....		81
1. Перерастание крестового похода в крестьянскую войну.....		87
2. Ход восстания.....		109
3. Духовная сторона движения.....		165
ГЛАВА 3.....	193	
От 1514 года к 29 августа 1526 года.....		193
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	201	
СВЕДЕНИЯ ОБ ИСТОЧНИКАХ.....	208	
Нарративные памятники.....		208

Королевство Венгрия.....	208
Другие страны.....	210
Документальные источники.....	212
Королевство Венгрия.....	212
Библиография.....	218
I. Издания источников.....	218
1. Королевство Венгрия.....	218
Отдельные памятники.....	218
Собрания источников.....	221
2. Другие страны.....	230
Отдельные памятники.....	230
Собрания источников.....	232
II. Литература.....	233
Оглавление.....	252

ШУШАРИН Владимир Павлович

Крестьянская война 1514 года в Венгрии

**Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики
Российской Академии наук**

**Редактор В.Н. Токмаков
Компьютерный набор и верстка ;
М.Г. Павликова,
И.В Павловский**

**Печ. л. 16,0 Уч.-изд. л. 12,0
Тираж 1000 экз.
Отпечатано в типографии РАН**

